

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
Научный журнал

Т. 9, № 1
2022

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 9, № 1
2022

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
пространства
Научный журнал

Т. 9, № 1
2022

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 9, № 1
2022

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.4 — Международные отношения (политические науки)
- 5.2.5. — Мировая экономика (экономические науки)
- 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• *Андрей Вячеславович Ишин*, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

• *Владимир Иванович Аникин*, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

• *Леонид Александрович Карабешкин*, к. п. н., Евроакадемия, Таллин, Эстония

• *Евгений Петрович Бажанов*, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• *Балташ Нурмухамбетович Карипов*, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан

• *Анджеј Вержбицки*, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша

• *Олег Геннадьевич Карпович*, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• *Светлана Михайловна Гаврилова*, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• *Геннадий Владимирович Косов*, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия

• *Майкл Глянц*, Университет Колорадо, США

• *Андрей Геннадьевич Костяной*, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия

• *Олег Евгеньевич Гришин*, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

• *Лукаш Донай*, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша

• *Елена Михайловна Кузьмина*, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия

• *Игорь Сергеевич Зонн*, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия

• *Рустам Мамедов*, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

- **Алексей Михайлович Мастепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняни**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шутов**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнгблюд**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	«Бean», Россия, 603003, г. Нижний Новгород, ул. Баррикад, д. 1, корп. 5
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	30.03.2022
Стоимость одного выпуска:	свободная цена
Подписной индекс:	в каталогах «Урал-Пресс» — 41291
© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0 бесплатно.	

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 5.5.2. — Political Institutions, Processes, Technologies (Political sciences)
- 5.5.4. — International Relations (Political sciences)
- 5.2.5. — World Economy (Economic sciences)
- 5.6.7. — History of International Relations and Foreign Policy (Historical sciences).

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia

- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

- **Andrej G. Kostyanoy**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA

- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatij**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”
Publisher’s address:	Moscow, 127576, Abramzevsckaja str. 8A
Printing house:	“Bean”, Nizhny Novgorod, Barricade str., 1, bld. 5
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	30.03.2022
Price for a copy:	open price
Index for subscription:	In catalogues of Ural press: 41291
© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0 free of charge.	

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Геополитическое соперничество России и США за европейский газовый рынок... 8

Сергей С. Жильцов

Обзор и анализ эффективности международных нормативно-правовых актов и законов в сфере Интегрированного управления водными ресурсами в Центральной Азии..... 20

Жеенбек Э. Куленбеков, Сагынбек Ж. Орунбаев, Бактыяр Д. Асанов, Елена П. Сахваева

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Взгляд на реформирование экономики Узбекистана через призму сотрудничества республики с международными институтами развития..... 44

Екатерина С. Романчук

Ретроспективный анализ экономики Азербайджана за 30-летний период независимости..... 58

Губад Ибадоглу, Ибрагим М. Нифтиев

Эволюция, современное состояние внешнеторговой деятельности Российской Федерации и ее влияние на развитие экономики страны..... 77

Леонид В. Добровольский, Аделина Ш. Ногмова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Новый популизм в новой Европе: венгерский и польский примеры в научном дискурсе..... 92

Сергей П. Артеев, Дмитрий С. Буневич, Максим И. Сигачёв

Медийная среда в Грузии в ходе парламентских выборов 2020 года..... 111

Димитри Абазов, Нино Скворцова

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Политика Китая в Центральной Азии (90-е годы XX века–начало XXI века)..... 121

Елена А. Маркова

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

- Geopolitical Rivalry Between Russia and the United States
for the European Gas Market..... 8**

Sergey S. Zhiltsov

- Review and Analysis of the Effectiveness of International Regulations
and laws in the Field of Integrated Water Resources Management in Central Asia.....20**

Zheenbek E. Kulenbekov, Sagynbek Zh. Orunbaev, Baktyar D. Asanov, Ekaterina P. Sakhvaeva

ECONOMY

- View at the Reform of the Economy of Uzbekistan through the Prism
of the Republic's Cooperation with International Development Institutions..... 44**

Ekaterina S. Romanchuk

- A Retrospective Analysis of the Azerbaijani Economy
During 30 Years of Independence.....59**

Gubad Ibadoghlu, Ibrahim M. Niftiyev

- Evolution, current State of Foreign Trade activities of the Russian Federation
and its Influence for the Development of the Country's Economy.....77**

Leonid V. Dobrovolsky, Adelina S. Nogmova

POLITICS

- The New Populism in New Europe: Hungarian and Polish Examples
in the Scientific Discourse..... 93**

Sergey P. Arteev, Dmitry S. Bunevich, Maksim I. Sigachev

- Media Environment in Georgia During the 2020 Elections.....111**

Dimitri Abazov, Nino Skvortsova

HISTORY AND RELIGION2

- China's Policy in Central Asia (the 1990s–early XXI Century).....121**

Elena A. Markova

Геополитическое соперничество России и США за европейский газовый рынок

Сергей С. Жильцов

*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,*

serg.serg56@mail.ru

Аннотация: на протяжении последних десятилетий европейский газовый рынок привлекает внимание многих внерегиональных акторов. Геополитическое соперничество за европейский газовый рынок обострилось после увеличения производства сланцевого газа в США, которые были заинтересованы расширить его поставки в Европу. С развитием производства сжиженного природного газа, борьба за европейский газовый рынок усилилась. США, а также Катар и Алжир стали предпринимать шаги, направленные на вытеснение российского газа из Европы. Это привело к дальнейшему обострению соперничества за газовый рынок. В итоге, сжиженный природный газ занял определенную часть газового рынка Европы. При этом, в последние годы США и Катар разработали амбициозные планы, направленные на увеличение производства сжиженного природного газа, рассчитывая в перспективе кардинально изменить соотношение сил на европейском рынке. С этой целью США развернули борьбу против российских поставок на газовый рынок Европы. Помимо этого, были введены санкции в отношении проекта газопровода «Северный поток–2», что не позволило начать его работу. В геополитическое соперничество между Россией и США были вовлечены страны ЕС. Они поддержали курс США, провозгласив политику снижения зависимости от поставок российских углеводородных ресурсов. Европейские страны поставили задачу снизить, а в перспективе полностью отказаться от поставок российского газа. Данная цель была провозглашена в качестве приоритета политики ЕС в газовой сфере. Однако в 2021–2022 годах данная политика привела к стремительному росту цен на европейском газовом рынке. Это негативно отразилось на экономике европейских стран. Несмотря на экономические потери, ЕС не отказался от политики, направленной на отказ от поставок углеводородных ресурсов из России.

Ключевые слова: ЕС, Россия, США, газовый рынок, сжиженный природный газ

Для цитирования: Жильцов С.С. Геополитическое соперничество России и США за европейский газовый рынок. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(1):8–19. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-8-19>

Статья поступила: 25.03.2022

Принята в печать: 26.03.2022

Опубликована: 30.03.2022

Geopolitical Rivalry Between Russia and the United States for the European Gas Market

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia,

serg.serg56@mail.ru

Abstract: Over the past decades, the European gas market has attracted the attention of many extra-regional actors. The geopolitical rivalry for the European gas market intensified after an increase in shale gas production in the United States, which was interested in expanding its supply to Europe. The development of liquefied natural gas (LNG) sector intensified the struggle for the European gas market. The U.S., Qatar and Algeria, began to take steps to squeeze Russian gas out of Europe. This exacerbated the competition for the gas market in Europe, where LNG has already occupied a certain part. Moreover, in recent years, the U.S. and Qatar have developed ambitious plans aimed at increasing LNG production, expecting in the future to radically change the balance of power on the European market. To this end, the U.S. has launched a campaign against the Russian supplies. In addition, sanctions were imposed on the Nord Stream–2 gas pipeline, which prevented the project from starting operations. Being involved in the geopolitical rivalry between Russia and the United States, the EU countries supported the U.S. course, and proclaimed the policy of reducing dependence on Russian gas. In the long term, they want to give it up completely. This goal was prioritised in the EU gas policy. However, in 2021–2022 this strategy rapidly increased prices on the gas market in Europe, which negatively impacted European economies. Despite the economic losses, the EU did not abandon its course of refusing supplies of hydrocarbon resources from Russia.

Keywords: EU, Russia, US, gas market, liquefied natural gas

For citation: Zhiltsov S.S. Geopolitical rivalry between Russia and the United States for the European gas market. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(1):8–19. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-8-19>

Received: 25.03.2022

Revised: 26.03.2022

Published: 30.03.2022

ВВЕДЕНИЕ

Европейский газовый рынок находится под влиянием ряда факторов, которые повышают его нестабильность и делают непредсказуемым экономическое развитие в целом ЕС. В последнее десятилетие ЕС проводил политику, направленную на сни-

жение зависимости от поставок российского природного газа и расширение числа альтернативных источников. Снижение объемов поставок газа из России и замещение его поставками из других стран было фактически провозглашено приоритетом

европейской энергетической политики. Энергетическую политику ЕС дополнило «Европейское зеленое соглашение», предполагающее декарбонизацию энергетического сектора и превращение Европы к 2050 году в климатически нейтральный континент. Данная стратегия усилила политизацию вопросов, связанных с поставками российского газа, которые стали рассматриваться через призму санкционной политики Запада.

На энергетическую политику ЕС активно влияли США, которые последовательно выступали против российских поставок на европейский газовый рынок. В этом контексте американская сторона реализовывала политику в отношении российского проекта «Северный поток-2», развернув против проекта информационную кампанию и оказывая давление на структуры, принимающие участие в его реализации. Одновременно США увеличили поставки собственного сжиженного природного газа (СПГ), выступая за расширение поставок углеводородов из Катара и Каспийского региона. При этом политические заявления о необходимости расширения географии поставок из Северной Африки и Восточного Средиземноморья не подкреплены реальными мощностями. В результате, в последний год ЕС столкнувшись с резким повышением цены на природный газ, что уже оказало значительное влияние на развитие экономик европейских государств. Несмотря на негативное влияние высоких цен, ЕС не изменил своих позиций относительно сотрудничества с Россией в газовой сфере, хотя и согласился решать вопрос о «Северном потоке-2». Однако в феврале 2022 года, после начала Россией специальной военной операции на Донбассе, перспективы введения в строй «Северного потока-2» были сведены к нулю.

ДЕМОНТАЖ СИСТЕМЫ ПОСТАВОК ГАЗА

На протяжении десятилетий СССР, а затем и Россия экспортировали природный газ в ЕС. Исторически европейская газовая промышленность опиралась на долгосрочные контракты, которые в свою очередь, предполагали строительство и работу магистральных трубопроводов [1]. Российская сторона выступала в качестве надежного поставщика углеводородных ресурсов, поставляя их на европейский рынок.

В начале XXI века ситуация стала меняться. Интерес к европейскому рынку стали проявлять США, которые последовательно наращивали добычу сланцевого газа. В итоге, США стали стремиться потеснить Россию на европейском рынке. При том, что в ЕС происходило снижение собственной добычи, тем самым, усиливая зависимость от импорта газа из России. Данная ситуация стала расцениваться в качестве угрозы энергетической безопасности для европейских государств. Данные оценки поддерживали США, которые стремились усилить собственные позиции на европейском газовом рынке. Инициированные Украиной так называемые газовые «кризисы» 2006 и 2009 годов стали поводом для того, чтобы поставить под сомнение надежность России, как поставщика газа на европейский рынок [2].

ЕС при участии США стал продвигать тезис о ненадежности российских поставок углеводородного сырья, подчеркивая возросшую уязвимость и зависимость от российских поставок. Действия украинской стороны в 2006 и 2009 годах, которые привели к временным перебоям, стали поводом для обвинений России в нарушении договоренностей и разработки новой энергетической политики ЕС. Несмотря на отсутствие перебоев в доставке нефти и газа на европейский рынок в последующие годы, ЕС при активном участии США,

акцентировали внимание на возросшей уязвимости европейского газового рынка. Позиция ЕС не изменилась после введения в строй в 2011 году газопровода «Северный поток», мощностью 55 млрд м³ в год.

КУРС НА ДИВЕРСИФИКАЦИЮ

В последние годы, проводя санкционную политику против России и реализуя конфронтационный курс в отношении Москвы, ЕС поддерживал новые маршруты поставок газа на свой рынок. В частности, большое внимание уделялось поставкам сжиженного природного газа (СПГ). Первый в Польше СПГ терминал был введен в строй в 2016 году. В том же году значительные объемы поставок СПГ стали поступать из США, что было связано с ростом добычи сланцевого газа. В целом, политика Вашингтона в отношении европейского газового рынка в последние годы была сконцентрирована на двух аспектах: расширение доли СПГ, поставляемого из США и противодействие реализации и началу работы газопровода «Северный поток–2».

В 2020 году был реализован проект «Южный газовый коридор» для транспортировки азербайджанского газа в Италию и Грецию. В 2021 году Азербайджан поставил на экспорт около 10 млрд м³ и в перспективе может выйти на рынок в лучшем случае с 30 млрд м³. Из них часть уйдет в Турцию. Кроме того, Азербайджан поставляет газ в южную Европу. Однако подобные планы могут лишь дополнить, но не заменить российские поставки. В целом, азербайджанский газ может оказать лишь небольшое влияние на состояние газового рынка Европы, который оценивается примерно в 400 млрд м³.

Помимо диверсификации источников получения углеводородов, ЕС предлагал комплекс мер, которые были направлены на формирование трансграничной инфра-

структуры поставок газа. Данные меры и поддержка новых источников получение газа расширяли географию импорта, позволяли оказывать давление на российскую сторону, однако не вели к принципиально иной конфигурации сил на европейском газовом рынке.

Сильная зависимость от внешних поставок подталкивала ЕС к реализации мер, направленных на снижение зависимости и уменьшение объемов потребляемого газа. В этом контексте в 2019 году ЕС предложил так называемую «зеленую сделку», что, помимо многих задач, предполагало снижение использования ископаемых ресурсов. Однако данный курс также не мог дать быстрый результат для ЕС, сохраняя зависимость от внешних поставок. Соответственно ЕС имел ограниченные возможности для смены поставщиков газа, получая большую часть углеводородных ресурсов по трубопроводам.

В последние годы на Россию приходится около трети поставок газа, которые шли на европейский рынок. В целом, из стран, которые не входят в ЕС поступает до 80 % газа. Так, на Норвегию приходится около 30 %, Алжир – порядка 10 %, Катар – около 5 %.

Длительное время основным источником добычи газа выступали месторождения в Северном море. Норвегия, не являясь членом ЕС, добывала значительный объем природного газа, который затем поставлялся на рынки ЕС. Однако сложности с разработкой ресурсов привели к уходу ряда компаний из региона, среди которых ConocoPhillips, Chevron, Marathon. В результате, в Норвегии снижается добыча природного газа. Новые месторождения в Северном море требуют дальнейшего изучения, как сроков их разработки, так и условий поставки на рынки.

На фоне политических заявлений о необходимости снизить зависимость от России

в сфере поставок газа, ЕС сталкивался с определенными трудностями. Добыча природного газа в ЕС, которая осуществлялась в небольших объемах, в последнее десятилетие снижалась. С 2013 по 2018 годы добыча природного газа в ЕС сократилась на 30 %. Еще до выхода из ЕС, Великобритания совместно с Нидерландами добывали порядка 35 млрд м³ газа. В последние годы добыча в этих странах также снижалась. В итоге, политика ЕС, направленная на пересмотр источников получения углеводородных ресурсов, усилила неопределенность на европейском газовом рынке, который вступил в период высоких цен.

ЕС сделал ставку на поставки СПГ, который стал рассматриваться в качестве альтернативы российскому природному газу. Из 380 млн т сжиженного природного газа, реализованного в 2021 году, на Европу пришлось 80 млн т. При этом, Европа может принять лишь 145 млн т СПГ, что может компенсировать лишь половину российского газа¹.

Еще до начала Россией специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года, в ЕС стали пересматривать требования, направленные к переходу к «зеленой экономике». Более лояльным стало отношение к газу и атомной энергетике². Изменение позиции было вызвано ростом цен на газ и сложностями с замещением российского газа.

Рост цены на СПГ начался весной 2021 года. В октябре того же года цена достигла 1000 долл. за 1000 м³. 7 марта 2022 года был

достигнут ценовой максимум в 3882 долл. за 1000 м³. Рост цен был обусловлен ограниченным предложением со стороны ряда поставщиков, низким уровнем заполнения европейских подземных хранилищ, холодной зимой и жарким летом 2021 года. Кроме того, как отметил заместитель начальника управления анализа газовых рынков и ценообразования «Газпром экспорт» Сергей Комлев, «главным драйвером роста цен на газ в Европе стала региональная конкуренция с Азией»³. При этом эксперт добавил, что «жесткая конкуренция между Европой и Азией за гибкие поставки СПГ подняла цены на споте до рекордного уровня»⁴.

Наибольшее влияние рост цен на газ и возможность прекращения поставок окажет на страны, которые являются основными потребителями российских углеводородов. Так, Германия импортирует порядка 57 млрд м³, Италия – около 22 млрд м³. К началу 2022 года порядка 50 % природного газа, который потребляла Германия, поступало из России.

Германия, как основной потребитель газа, рассчитывала построить в ближайшие два года два терминала для принятия СПГ. Однако это повлечет дополнительные расходы. Так, строительство нового завода по сжижению природного газа или терминала для его приема потребует несколько лет и несколько миллиардов долларов. Кроме того, нужно обеспечить строительство газозовозов. Несмотря на технические трудности и финансовые издержки, в перспективе Германия хотела бы добиться, чтобы

¹ Anadolu (Турция): СПГ, который рассматривается как альтернатива российскому газу, не является решением для Европы в краткосрочной перспективе. 2022. 18 марта. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2022-03-18/Anadolu-v-kratkosrochnoj-perspektive-SPG> (дата обращения: 18.03.2022)

² Моисеев Д. Без российского газа выполнить зеленые обязательства Европе будет сложно. 2022. 17 марта. URL: https://www.ng.ru/world/2022-03-17/6_8394_ecology.html (дата обращения: 18.03.2022)

³ В «Газпром экспорте» назвали причину роста цен на газ в Европе. 2022. 18 марта. URL: <http://rcc.ru/article/v-quot-gazprom-eksportequot-nazvali-prichinu-rosta-cen-na-gaz-v-evrope-85945/> (дата обращения: 18.03.2022)

⁴ Там же

на один источник поставок приходилось не более 20 % от общего объема.

Увеличение поставок газа на европейский рынок сдерживают такие факторы, как отсутствие инфраструктуры, риски ценовых шоков и отсутствие свободных объемов СПГ. Соответственно, идея снижения роли России в качестве основного поставщика газа на европейский рынок маловероятно в краткосрочной перспективе. В целом, планы ЕС перейти на СПГ может привести к росту его стоимости, поскольку при отсутствии высокого спроса, предложение будет отставать. При этом в феврале — марте 2022 года в ЕС шли активные дискуссии относительно перспектив закупки российского газа. Диапазон предлагаемых сроков был широк — от немедленного отказа до 2030 года.

Мощности терминалов в северо-западной Европе практически полностью загружены. Плавающие терминалы могут появиться в Северном и Балтийском море не ранее октября 2022 года. Испания, обладающая терминалами СПГ, не может стать газовым хабом для промышленности Европы. Норвегия может нарастить поставки газа в объеме 1,4 млрд м³. Через «Южный газовый коридор» дополнительно может поступить до 1,6 млрд м³ газа. В целом, из альтернативных источников Европа может получить в 2022 году лишь 30–45 млрд м³ газа, что не превышает даже трети всех российских поставок. При этом, в начале 2022 года ЕС планировал сократить закупки российского газа на 65 %, а к 2027 году полностью прекратить закупки российского газа. Реальные оценки ситуации дал вице-президент Rystad Energy Синдре Кнутссон, который заявил следующее: «до-

пуская, что Европа привлечет все новые объемы из Атлантического бассейна в 2022 года и дополнительные поставки, которые ранее шли в Азию, я думаю, что увеличение составит 32,5–45,5 млрд м³. Это то, что реально»⁵.

На фоне неустойчивой ситуации на европейском газовом рынке, европейские страны и отдельные компании не отказывались от планов по увеличению поставок СПГ и предпринимали усилия, направленные на заключение контрактов с новыми поставщиками углеводородных ресурсов. В частности, министр экономики и защиты климата Германии Роберт Хабек в марте 2022 года вел переговоры с Катаром о поставках катарского СПГ. При этом, как подчеркивал министр, «власти Германии не планировали полностью менять сырье из России поставками из Катара»⁶.

Немецкая Uniper, итальянская Eni и французская Engie рассчитывали увеличить поставки газа в течении года. Однако речь шла об увеличении каждой из компаний поставок, объемы которых не превышают 1–1,5 млн т СПГ. В итоге, речь может идти об увеличении поставок на несколько миллиардов кубических метров газа, что не окажет решающего влияния на позиции России на европейском газовом рынке. Реализация более масштабных проектов может занять до 3–4 лет. При этом указанные компании являются партнерами российской компании «Газпром». До 2035–2036 годов их контрактный портфель составляет порядка 60 млрд м³ газа.

Высокие цены газа на спотовом рынке отвечали интересам «Газпрома», поскольку увеличивали стоимость российского газа.

⁵ Европа даст заработать на себе всем: «Газпрому», США, Катару... 25 марта 2022. URL: <https://cadaily.com/ru/news/2022/03/25/evropa-dast-zarabotat-na-sebe-vsem-gazpromu-ssha-kataru/> (дата обращения: 25.03.2022)

⁶ Германия договорилась с Катаром о поставках СПГ. 2022. 20 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5269644> (дата обращения: 20.03.2022)

Контракты, заключенные российской компанией, предполагают гибридную формулу по установлению цены, которая привязана к биржевым котировкам.

Политика Европы ведет к разрушению экономики европейских стран, которые уже с начала 2022 года столкнулись с серьезными проблемами. Рост цен на топливо внутри стран, ускорение инфляции и дефицит на ряд товаров стали первыми результатами энергетической политики ЕС. Стремление продолжить санкционный курс в отношении России и готовность отказаться от поставок российского газа и нефти закладывают серьезные риски для ЕС.

РОЛЬ КАТАРСКОГО ГАЗА

На фоне резкого взлета цен, ЕС активно стал искать дополнительные источники получения газа. В качестве одного из поставщиков газа на европейский рынок рассматривается Катар, который вышел в число лидеров [3]. Однако поставки газа в Европу из Катара сдерживал ряд факторов. Так, Катар не располагает свободными объемами газа, которые могут кардинально изменить ситуацию на европейском рынке. Поставки газа из Катара в основном связаны с покупателями в Азии и других странах по долгосрочным контрактам. В кратчайшие сроки Катар не сможет поставлять в Европу достаточное количество природного газа, чтобы компенсировать поставки из России.

В последние годы Катар производил порядка 80 млн т СПГ в год, рассчитывая выйти к 2026–2027 годам на уровень в 110 млн т [4]. В целом, ожидается, что к 2040 году мировой спрос на сжиженный природный газ удвоится и составит

700 млн т, в то время как в 2020 году спрос составил 360 млн т⁷.

В 2024 году должен быть введен в строй по сжижению природному газу Golden Pass, который находится в совместной собственности Qatar Energy и ExxonMobil. Соответственно, речь может идти о частичной замене российского газа. При этом стоимость катарского газа может быть выше, что, впрочем, не останавливало ЕС реализовывать планы по отказу от российского газа. Хотя как отмечал министр энергетики Катара «ни Катар, ни какая-либо другая отдельно взятая страна не в состоянии заменить поставки российского газа в Европу сжиженным природным газом (СПГ) в случае перебоев из-за конфликта между Россией и Украиной»⁸.

Катар проводит политику, направленную на максимальную реализацию производимого СПГ и заинтересован увеличить долю газа, который должен поставляться по долгосрочным контрактам. На долю ЕС приходится в среднем около 30 % СПГ. Соответственно газ из Катара не окажет существенного влияния на газовый рынок Европы и может лишь скорректировать ситуацию, снизив дефицит газа. В последние годы поставки газа из Катара увеличились в Польшу, Францию, Италию. Это позволило Катару расширить свое присутствие на европейском газовом рынке.

Потенциально Катар и США, которые призывают Доху перенаправить свою СПГ в Европу, способны покрыть все текущие поставки российского газа. Однако для этого им придется на 70 % сократить экспорт в Азию и полностью остановить продажи газа в Южную Америку. Подобная поли-

⁷ Chestney N. Global LNG demand expected to almost double by 2040: Shell. February 25, 2021. URL: <https://www.reuters.com/article/us-shell-lng-idUSKBN2AP15S> (дата обращения: 27.02.2022)

⁸ Dahan M.E., Mills A., Rashad M. Qatar says «almost impossible» to quickly replace Russian supplies to Europe. 2022. 22 February. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/qatar-can-divert-up-15-its-gas-exports-2022-02-22/> (дата обращения: 04.03.2022)

тика спровоцирует новый виток роста цен на газ. Кроме того, для переработки дополнительных объемов газа требуется необходимая инфраструктура для регазификации. В итоге в Катаре готовы увеличить поставки газа в Европу лишь на 10–15 %, что составит 8–9 млрд м³ к концу 2022 года⁹.

Пока газовый рынок ЕС не является приоритетом для энергетической стратегии Катара. В газовой политике Катара рынок ЕС играет скорее вспомогательную роль, позволяя направлять на него излишки газа. Катар делает ставку на азиатский газовый рынок, который остается его приоритетом. Поставки в Европу могут осуществляться в краткосрочном периоде и кардинально менять свою политику Катар не собирается. Тем более, что с Европой, которая выступает против долгосрочных контрактов, еще предстоит договариваться. В частности, Катар предлагал ввести запрет на перепродажу поставленного газа за пределы ЕС; прекратить антимонопольное расследование; заключить кратко- и долгосрочные контракты, которые обеспечат постоянные продажи катарского газа. Данные требования Катара противоречат политике ЕС, который в последнее десятилетие продвигал подход, предполагающий отказ от долгосрочных контрактов. В любом случае, Катар заинтересован сохранить свою долю на азиатском рынке и одновременно, в перспективе расширить свое присутствие на европейском газовом рынке. При этом, Катар не намерен жертвовать поставками газа в Азию, где идет жесткая конкуренция с Австралией и США. В этом контексте, предложения США поставлять в Европу катарский газ выглядят не только как помощь европейским партнерам, но и как попытки американской стороны усилить свои позиции.

АМЕРИКАНСКИЙ ГАЗ СТРЕМИТСЯ В ЕВРОПУ

В последние годы США нарастили мощности по экспорту СПГ, которые оцениваются в 70 млн т газа. Помимо этого, строятся новые мощности, которые оцениваются в дополнительные 80 млн т. Введение их в строй выведет США в число лидеров по поставкам СПГ, потеснив на газовом рынке Австралию и Катар. В конце 2021 года США обогнали Катар и Австралию, которые до этого лидировали в мире в поставках СПГ. Европейские страны стали приобретать американский СПГ. В этом контексте понята позиция США, которые выступают против введения в строй «Северного потока–2». Очевидно, что начало его работы фактически сделает ненужными поставки на европейский газовый рынок американского СПГ. Кроме того, в том же году США увеличили поставки газа в Китай, потеснив Катар. США заключили договор о поставках газа в Китай, который ежегодно будет закупать 0,9 млн т американского СПГ.

В борьбе с Россией на украинском направлении, США активно используют европейские страны, которые все сильнее оказываются в зависимости от поставок американского СПГ. В марте 2022 года глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен и президент США Джо Байден объявили о создании оперативной группы по снижению зависимости Европы от российских поставок. Более того, США заявили о готовности нарастить объем поставок газа на европейский рынок. По словам президента США Д. Байдена, «США и ЕС примут конкретные шаги, чтобы покончить с зависимостью природного газа из России. США вместе со своими международными

⁹ Европа даст заработать на себе всем: «Газпрому», США, Катару... 2022. 25 марта. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/03/25/evropa-dast-zarabotat-na-sebe-vsem-gazpromu-ssha-kataru?> (дата обращения: 25.03.2022)

партнерами будут работать над тем, чтобы в этом году поставить в Европу дополнительно 15 млрд м³ СПГ»¹⁰. Однако данные объемы не могут заменить российский газ. Кроме того, не были конкретизированы такие детали, как сроки поставок, а также цена на поставляемые ресурсы.

Таким образом, ситуация на газовом рынке Европы, как и в целом внешнеполитический курс ЕС, развивается на фоне политической активности США, которые стремятся добиться преимуществ для своих поставщиков углеводородных ресурсов. В борьбе за европейских потребителей, США активно используют украинский фактор, а также новые санкции против России. Однако за антиросийской политикой и вовлеченностью в украинские дела в тени остается энергетическая политика США, которые намерены значительно усилить свои позиции на газовых рынках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировой спрос на СПГ растет с каждым годом и это повышает уровень конкуренции между потребителями. В свою очередь, поставщики углеводородных ресурсов пытаются извлекать максимальную выгоду из крайне неустойчивой ситуации, связанной с поставками СПГ. Призывы ЕС снижать закупки российского газа и заменить их другими источниками в основном имеют политическое звучание и провоцирует дальнейший рост цен, поскольку дополнительных свободных объемов СПГ нет. По оценкам заместителя главы Евро-

комиссии Мароша Шефковича, Евросоюзу потребуется 50–60 млрд м³ газа из других источников, чтобы заменить поставки из России¹¹.

В последние годы российский газ, несмотря на заявления европейских стран, уменьшить поставки, сохранил свои позиции. Еще в 2016 году ожидалось, что Россия увеличит свою долю на рынке с 27 % до 33 % к 2035 году [5].

Политика Германии, направленная на замену российского газа в сжатые сроки и любой ценой, приведет к росту цен внутри страны. Прежде всего, это коснется повышения цен на энергию и другие товары. Следствием увеличения цен на газ станет рост стоимости производимой продукции, что снизит конкурентоспособность немецких товаров. Более того, отказ Германии от импорта энергоносителей из России принесет значительные издержки. По словам главы Центра макроэкономики и исследований национального Института экономических исследований Андреаса Пайхла, «это повлечет снижение ВВП на 3 %»¹². В результате, без последствий для собственной экономики, Германия будет сложно отказаться от поставок российского газа в сжатые сроки. Прежде всего, из-за отсутствия необходимых свободных объемов природного газа. Кроме того, Германия не имеет мощностей для того, чтобы осуществлять импорт сжиженного газа. По оценкам министра по делам экономики и защиты климата ФРГ Роберта Хабекка, «Германия не гарантировала себе достаточ-

¹⁰ U.S. promises to deliver 15 bcm more of LNG to Europe in 2022 – sources. 2022. 25 March. URL: https://www.tradingview.com/news/reuters.com,2022:newsml_A5N2VD001:1-u-s-promises-to-deliver-15-bcm-more-of-lng-to-europe-in-2022-sources/ (дата обращения: 25.03.2022)

¹¹ В ЕС назвали задачу сокращения зависимости от энергоресурсов России сложной, но выполнимой. 2022. 15 марта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14069061>? (дата обращения: 19.03.2022)

¹² Отказ от российских энергоносителей может обойтись Германии в 3 % ВВП. 2022. 14 марта. URL: <https://oilcapital.ru/news/markets/14-03-2022/otkaz-ot-rossijskih-energonositeley-mozhet-oboysit-germanii-v-3-vvp> (дата обращения: 19.03.2022)

ных поставок газа для удовлетворения своего внутреннего спроса следующей зимой (2022–2023 годов — прим. автора)¹³.

Экс-глава Еврокомиссии, бывший итальянский премьер Романо Проди заявил, что Европа в краткосрочной перспективе не сможет найти замену России в качестве поставщика природного газа¹⁴. Соответственно, ЕС либо должен пересмотреть свою политически мотивированную позицию в отношении российского газа, либо следовать прежним курсом, создавая условия для сохранения высоких цен на европейском газовом рынке. Несмотря на подобные аргументы, европейские политики по-прежнему занимали жесткую позицию в отношении проекта «Северный поток–2», который был завершен в 2021 году.

Неготовность ЕС пересмотреть энергетическую политику ведет к тому, что европейский газовый рынок по-прежнему будет находиться под сильным влиянием ценовых и геополитических факторов. Данная проблема усугубляется снижением добычи в странах ЕС. При этом, ЕС не приблизился к добыче сланцевого газа, непростой период переживает ядерная энергетика в европейских странах. Наконец, Европа сталкивается с влиянием глобальной инфляции. В европейских странах уже возросла стоимость продукции в разных секторах экономики, а также тарифы в сфере коммунальных услуг.

Политика, направленная на отказ от долгосрочных контрактов, оказала негативное влияние на европейский газовый рынок. Высокие цены не только оказывают отрицательное влияние на развитие экономики ЕС, которая зависит от газа. В долгосрочной

перспективе турбулентность европейского газового рынка повлечет снижение геополитического влияния европейских стран и ЕС в целом. В условиях новой энергетической политики (так называемая «зеленая сделка»), ЕС может столкнуться с новыми проблемами в газовой сфере.

Политика ЕС и в частности, одного из наиболее развитых государств, Германии, направленная на отказ от российских поставок отвечает интересам США. В свою очередь, американская сторона последовательного стремится увеличить поставки собственноручно сжиженного газа на европейский рынок, тем самым, вытеснив Россию и ограничив долю других государств. Для этого используются политическое давление на ЕС, конфликт на территории Украины.

Исходя из складывающихся тенденций развития на мировом газовом рынке, СПГ останется не только востребованным ресурсом в будущем, но и превратится в один из ключевых факторов газового рынка. В тоже время, ситуация в Европе продемонстрировала, что отказ от долгосрочных поставок из России был продиктована политическими мотивами. Европейские страны длительное время критиковали долгосрочные контракты, заключенные с российской компанией «Газпром». Однако ставка на спотовый рынок показала свою уязвимость и непредсказуемость, что привело к росту цен на газ.

Ценовые скачки на европейском газовом рынке, которые наблюдаются с 2021 года, отсутствие стабильных поставок и борьба против «Северного потока–2» продемонстрировали, что европейский газовый рынок вступил в новый этап развития.

¹³ Germany Unable to Heat Homes Next Winter Without Russian Gas Supplies, Minister Says. 2022. 19 Marth. URL: <https://sputniknews.com/20220319/germany-unable-to-heat-homes-next-winter-without-russian-gas-supplies-minister-says-1094015693.html> (дата обращения: 19.03.2022)

¹⁴ Bulgaria decided not to renew contract with Gazprom. 2022. 20 Marth. URL: <https://generico.ru/2022/03/20/bulgaria-decides-not-to-renew-contract-with-gazprom/> (дата обращения: 20.03.2022)

В начале 2022 года ЕС не рассматривал варианты возвращения к заключения долгосрочных контрактов на поставку газа из России по трубопроводам. Соответственно, сохранялись предпосылки для высоких цен на газ в европейских странах, на которые в последнее время сильное влияние оказывает геополитическая ситуация вокруг Украины. Более того, как отметили представители международных финансовых организация (совместное заявление директора-распорядителя МВФ К. Георгиевой, президента Всемирного банка Д. Мэппаса, президента Европейского банка реконструкции и развития О. Рено-Бассо, президента Европейского инвестиционного банка В. Хойера, председателя банка разви-

тия Совета Европы К. Монтичелли), «последствия нынешнего кризиса на Украине скажутся на всей мировой экономике. Это будет проявляться, в том числе, в замедленном росте и более высокой инфляции, а также перебоях в торговле»¹⁵.

В условиях заморозки российских активов на 300 млрд долларов, Россия приняла решения о переходе к расчетам за газ с недружественными государствами в рублях. Это решение вызвало негативную реакцию со стороны ЕС, которые сделали ряд заявления о неготовности перехода к расчетам за рубли. Однако, исходя из высокой зависимости ЕС от поставок российского газа, европейские страны по всей видимости будут вынуждены согласиться с российскими предложениями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Rioux B., Shabaneh R., Griffiths St. An economic analysis of gas pipeline trade cooperation in the GCC. *Energy Policy*. 2021;157. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112449>
2. Жильцов С.С. Украина: перезагрузка. Москва: Восток-Запад; 2009. 463 с.
3. Meza A., Ari I., Al-Sada M.S., Koç M. Future LNG competition and trade using an agent-based predictive model. *Energy Strategy Reviews*. 2021;38 <https://doi.org/10.1016/j.esr.2021.100734>
4. Al-Haidous S., Al-Breiki M., Bicer Y., Al-Ansari T. Evaluating LNG Supply Chain Resilience Using SWOT Analysis: The Case of Qatar. *Energies*. 2022;15(1):79. <https://doi.org/10.3390/en15010079>
5. Final Report. Options for Gas Supply Diversification for the EU and Germany in the next Two Decades. Cologne and London, October 2016. Germany-United Kingdom: European Centre for Energy and Resource Security (EUCERS); 2016. 167 p.

REFERENCES:

1. Rioux B., Shabaneh R., Griffiths St. An economic analysis of gas pipeline trade cooperation in the GCC. *Energy Policy*. 2021;157. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112449>
2. Zhiltsov S.S. Ukraine: Reloaded. Moscow: East-West; 2009. 463 p. (In Russ.).
3. Meza A., Ari I., Al-Sada M.S., Koç M. Future LNG competition and trade using an agent-based predictive model. *Energy Strategy Reviews*. 2021;38 <https://doi.org/10.1016/j.esr.2021.100734>.
4. Al-Haidous S., Al-Breiki M., Bicer Y., Al-Ansari T. Evaluating LNG Supply Chain Resilience

¹⁵ Joint Statement of Heads of International Financial Institutions with programmes in Ukraine and neighbouring countries 2022. 17 March. URL: <https://www.eib.org/en/press/news/joint-statement-of-heads-of-international-financial-institutions-with-programs-in-ukraine-and-neighboring-countries> (дата обращения: 19.03.2022)

Using SWOT Analysis: The Case of Qatar. *Energies*. 2022;15(1):79. <https://doi.org/10.3390/en15010079>.

5. Final Report. Options for Gas Supply Diversification for the EU and Germany in the next Two

Decades. Cologne and London, October 2016. Germany-United Kingdom: European Centre for Energy and Resource Security (EUCERS); 2016. 167 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов, Доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1; Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia; People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia; serg.serg56@mail.ru

Обзор и анализ эффективности международных нормативно-правовых актов и законов в сфере Интегрированного управления водными ресурсами в Центральной Азии

Жеенбек Э. Куленбеков¹, Сагынбек Ж. Орунбаев², Бактыяр Д. Асанов³,
Елена П. Сахваева⁴

^{1,2,3} Американский университет в Центральной Азии, Бишкек, Кыргызская Республика,

¹ kulenbekov_z@auca.kg, ² orunbaev_s@auca.kg, ³ asanov_ba@auca.kg

⁴ Кыргызский научно-исследовательский институт ирригации,

Бишкек, Кыргызская Республика,

tadar51@mail.ru

Аннотация: Проведен анализ эффективности работы нормативно-правовых актов и законов Кыргызской Республики по интегрированному управлению водными ресурсами на предмет выявления причинно-следственных связей работы/не работы, а также выработаны рекомендации по необходимым мерам для эффективной работы нормативно-правовых актов (НПА) в данной сфере. Также в рамках подготовки данной работы были подготовлены успешные кейсы по работе НПА и законов Кыргызской Республики и Центральной Азии, трансграничному и бассейновому управлению водными ресурсами. Работа была построена следующим образом: сбор необходимых материалов, изучение, анализ, выработка рекомендаций. К настоящему времени Кыргызстан не реализовал положения водного кодекса. Не была создана Государственная водная администрация и ее Бассейновые структуры, Комиссии по ирригации и дренажу, Безопасности плотин и др. Управление водными ресурсами все еще осуществляется по административному принципу, а не по бассейновому. В работе были использованы различные литературные источники, архивные данные, интернет ресурсы и т.п., ссылки на которые приводятся в статье.

Ключевые слова: ИУВР, нормативно-правовые акты, рекомендации, трансграничные водные ресурсы

Для цитирования: Куленбеков Ж.Э., Орунбаев С.Ж., Асанов Б.Д., Сахваева Е.П. Обзор и анализ эффективности международных нормативно-правовых актов и законов в сфере Интегрированного управления водными ресурсами в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(1):20–43. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-20-43>

Статья поступила 24.10.2021

Принята в печать 13.02.2022

Опубликована 30.03.2022

Review and Analysis of the Effectiveness of International Regulations and laws in the Field of Integrated Water Resources Management in Central Asia

Zheenbek E. Kulenbekov¹, Sagynbek Zh. Orunbaev², Baktyar D. Asanov³,
Ekaterina P. Sakhvaeva⁴

^{1,2,3} American University of Central Asia, Bishkek, Kyrgyz Republic,

¹ kulenbekov_z@auca.kg, ² orunbaev_s@auca.kg, ³ asanov_ba@auca.kg

⁴ Kyrgyz Scientific-Research Irrigation Institute, Bishkek, Kyrgyz Republic,
tadar51@mail.ru

Abstract: An analysis of the effectiveness of the work of regulatory legal acts and laws of the Kyrgyz Republic on integrated water resources management was carried out in order to identify causal relationships of work / not work, as well as recommendations on the necessary measures for the effective work of regulatory legal acts (NLA) in this area were developed. Also, as part of the preparation of this work, successful cases were prepared on the work of the NLA and the laws of the Kyrgyz Republic and Central Asia, transboundary and basin water resources management. The work was structured as follows: collecting the necessary materials, studying, analyzing, making recommendations. To date, Kyrgyzstan has not implemented the provisions of the Water Code. The State Water Administration and its Basin Structures, Irrigation and Drainage Commissions, Dam Safety, etc. have not been created. Water resources management is still carried out on an administrative basis, not on a basin basis. The work used various literary sources, archival data, Internet resources, etc., links to which are given in the article.

Keywords: IWRM, normative acts, recommendations, transboundary water resources

For citation: Kulenbekov Zh.E., Orunbaev S.Zh., Asanov B.D., Sakhvaeva E.P. Review and analysis of the effectiveness of international regulations and laws in the field of Integrated Water Resources Management in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(1):20–43. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-20-43>

Received 24.10.2021

Revised 13.02.2022

Published 30.03.2022

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время мировое сообщество пришло к заключению, что рациональное природопользование должно осуществляться путем внедрения принципов интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР) [1]. Интегрированное управление водными ресурсами — это система управления, основанная на учете и взаимодействии водных и связанных с ними земельных и других природных ресурсов в пределах гидрографических границ. С учетом интересов различных

отраслей экономики и вовлечением широких слоев общественности, заинтересованных сторон в процесс принятия решений по планированию, финансированию и развитию в интересах устойчивого обеспечения потребностей общества и природы.

ИУВР сконцентрировано на речном бассейне, ограниченном национальными границами, и может распространяться за пределы национальных границ, в большей степени, на широком диапазоне альтернатив достижения долгосрочных экологически и социально устойчивых способов водопользования в сравнении с предшествующими моделями планирования.

Концепция ИУВР получила поддержку в Программе XXI века, плане экологического действия на XXI век, одобренном на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (UNCED) в 1992 году [2]. Она также является одним из шести принципов, принятых на Дублинской Конференции по воде и окружающей среде в 1992 году. В период между UNCED в 1992 году и Всемирным Саммитом по устойчивому развитию (WSSD) в 2002 году или Рио Плюс 10 в Йоханнесбурге (ЮАР), концепция ИУВР была одобрена Комиссией по устойчивому развитию, Генеральной Ассамблеей ООН и Министерской Декларацией Международной Конференции по пресной воде [2].

Аргументом в пользу ИУВР стало WSSD, проходившему в Йоханнесбурге в 2002 году. WSSD было четко обозначено, что устойчивое развитие (ЭУР) должно основываться на трех принципах: экономического и социального развития, а также защиты окружающей среды [2]. ИУВР должно объединять экономическое и социальное развитие с защитой экологии. ИУВР нацелено на то, чтобы новые требования на воду были признаны как потенциальные ограничения традиционных, часто неэффективных видов водопользования.

25 сентября 2015 года в штаб-квартире ООН в городе Нью-Йорк, государства — члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года. Она содержит 17 глобальных Целей, направленных на ликвидацию нищеты, сохранение природных ресурсов планеты и обеспечение благополучия для всех. Достижение показателей в течение 15 лет каждой из 17 Целей невозможно без соответствующего обеспечения водными ресурсами населения, городов, промышленности, экосистем [3]. Достижение показателей следующих Целей — 6: «чистая вода и санитария», 13: «сохранение экосистем суши», 13: «борьба с изменением климата» непосредственно связано с водными ресурсами и их сохранением [3]. Для достижения Целей в области устойчивого развития необходимы совместные усилия правительств, частного сектора, гражданского общества и жителей Земли.

Начиная с 1979 года, в рамках работы ЕЭК ООН были разработаны 14 международно-правовых актов (МПА), в том числе 5 Конвенций, которые касаются загрязнения воздуха, оценки воздействия на окружающую среду, промышленных аварий, трансграничных вод и общественного участия, а также ряд Протоколов к некоторым из этих Конвенций [3]. Эти международные Нормативно-правовые акты (МНПА) являются важными элементами правовой структуры ЕЭК ООН и эффективными инструментами, способствующими достижению целей, заявленных в этих МПА, и сближению экономик и соответствующего законодательства государств региона ЕЭК ООН [3].

Среди них: Хельсинская Конвенция Европейской Экономической Комиссии (ЕЭК) ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г. (Конвенция–1992) и Нью-Йоркская Конвенция ООН о праве

несудоходных видов использования международных водотоков (1997 г., Конвенция-1997). Они рассматриваются в качестве Глобальных инструментов международного водного права (МВП) [3].

Согласно различным исследованиям [4] шестьдесят процентов всех ресурсов пресной воды на Земле находятся в бассейнах, которые совместно используются, как минимум, двумя странами, 21 страна расположена целиком в международных бассейнах; 13 бассейнов мира разделяются 5–8 прибрежными странами; 5 бассейнов (Конго, Нигер, Нил, Рейн и Замбези) разделяются 9–11 странами; и одна река — Дунай — протекает по территории 17 стран. 276 водотоков пересекают границы предположительно 145 стран и около 450 трансграничных подземных водоносных горизонтов и бассейнов пересекают почти каждую страну внутри континентов. Поэтому принятые Глобальные Конвенции рассматриваются как достижение в развитии международного водного права и усилиях международного сообщества по улучшению и обеспечению бесконфликтного управления трансграничными водотоками [5].

Конвенция ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17 марта 1992 г. Конвенция–1992) [6]. Конвенция вступила в силу 6 октября 1996 г., ее участниками, по состоянию на январь 2016 г., являются 41 Страна, включая Европейский Союз (ЕС). Из стран Центральной Азии к Конвенции 1992 года присоединились Казахстан (11 января 1996 г.), Узбекистан (4 сентября 2007 г.) и Туркменистан (29 августа 2012 г.) [6].

Первоначально Конвенция–1992 рассматривалась как региональный инструмент. Позднее, в соответствии с изменениями к Конвенции–1992, вступившими в силу

06.02.2013 г., определено, что Сторонами могут быть все государства — члены ООН, то есть Конвенция (ЕЭК ООН) 1992 стала глобальным инструментом в сфере охраны и регулирования использования трансграничных водных ресурсов [6].

Основное назначение Конвенции–1992 заключается в усилении национальных правовых мер в целях защиты и обеспечения экологически устойчивого управления трансграничными поверхностными и подземными водами [6]. Конвенция–1992 обязывает Стороны предотвращать, ограничивать и сокращать трансграничное воздействие, используя трансграничные водные ресурсы разумным и справедливым образом [6].

Конвенцией–1992 было принято определение «трансграничные воды» вместо термина «международные реки»: «трансграничные воды означают любые поверхностные или подземные воды, которые обозначают, пересекают границы между двумя или более государствами или расположены на таких границах» [6].

Также данной Конвенцией было принято определение: «трансграничное воздействие», означающий любые значительные вредные последствия, возникающие в результате изменения состояния трансграничных вод, вызываемого деятельностью человека. К числу таких последствий для окружающей среды относятся последствия для здоровья и безопасности человека, флоры, фауны, почвы, воздуха, вод, климата, ландшафта и исторических памятников или других материальных объектов или взаимодействие этих факторов; к их числу относятся последствия для культурного наследия или социально-экономических условий, возникающие в результате изменения этих факторов [6].

Для достижения целей, предусмотренных Конвенцией, предусматривается

разработка правовых, административных, экономических, финансовых и технических мер. Причем, при осуществлении мер Стороны должны руководствоваться тремя принципами:

- принятия мер предосторожности,
- загрязнитель платит,
- управление водными ресурсами осуществляется таким образом, чтобы потребности нынешнего поколения удовлетворялись без ущерба для возможности будущих поколений.

Рассматриваемой Конвенцией предусматривается также установление каждой Стороной предельных норм содержания загрязнителей в сбросах из точечных источников и поверхностных вод и целевых показателей качества воды. Конвенция направлена на развитие сотрудничества в проведении исследований и разработок в области эффективных методов предотвращения, ограничения и сокращения загрязнения трансграничных вод.

Стороны Конвенции могут заключать между собой договоренности с тем, чтобы определить взаимоотношения и поведение в области предотвращения, ограничения и сокращения загрязнения трансграничного воздействия, проводить консультации, обмениваться информацией, устанавливая в случае необходимости системы связи для оповещения и сигнализации с целью получения и передачи информации.

В случае критической ситуации и по запросу прибрежные Стороны оказывают взаимную помощь. Стороны обеспечивают информирование общественности о состоянии трансграничных вод, мерах, принимаемых или планируемых для предотвращения, ограничения и сокращения загрязнения трансграничных вод.

Конвенцию [6] можно рассматривать в качестве базовой для разработки и принятия последующих Конвенций. Среди них:

«О доступе к информации, участия общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» (Орхус, 1998 г., 2001 г.) [7], «О трансграничном воздействии промышленных аварий, (г. Хельсинки 1992 г., 2000 г.) [2].

Нью-Йоркская Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков (21 мая 1997 г., Конвенция-1997) [3]. Конвенция 1997 года вступила в силу 17 августа 2014 г., ее участниками, по состоянию на январь 2016 г., являются 36 Сторон, Узбекистан является единственным государством из постсоветских республик, подписавшим (4 сентября 2007 г.) Конвенцию 1997. Работа над Конвенцией ООН 1997 длилась более 26 лет (декабрь 1970–май 1997) [3].

Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию 21 мая 1997 года 103 голосами «за» и 3-мя «против» (Турция, Китай, Бурунди), при 27 воздержавшихся. Положения Конвенции-1997 широко использовались в документах международного права (МП) еще до вступления ее в силу, так как Конвенция отражала основные правовые принципы управления ненавигационным использованием трансграничными водными ресурсами [3].

Конвенция–1997 не предусматривает создание механизма принуждения к выполнению ее требований, за исключением возможного обращения в международный Суд (МС) ООН, что признается существенным недостатком Конвенции–1997. По мнению экспертов, руководящие принципы Конвенции–1997 являются менее подробными, чем содержащиеся в Конвенции–1992, и дают менее четкое наполнение общих принципов, тогда как Конвенции–1992 содержит изобилие руководящих принципов для применения государствами индивидуально положений и принципов и могут рас-

смагиваться в качестве взаимно дополняемых друг друга [3].

Наряду с Конвенциями, принятыми под эгидой ЕЭК ООН, все большую роль в деле защиты и рационального использования трансграничных вод в пределах Европейского региона играет принятая Европейским Парламентом и Советом Европейского Союза (2000 г.) Директива об установлении рамочных действий Союза в области водной политики (Рамочная Водная директива (РВД) ЕС). Представляет собой правовой акт, обязательный для государств-членов, реализация положений которого осуществляется путем принятия соответствующего национального законодательства [3].

РВД ЕС может рассматриваться, с одной стороны, как важная мера по улучшению экологического состояния водных ресурсов в государствах-членах Евросоюза, а с другой, как давно назревший шаг по приведению в систему и упорядочению применения многочисленных и часто дублирующих друг друга нормативных актов ЕС в этой сфере [3].

Основной целью Директивы [3] является установление правовых рамок охран вод, включая поверхностные, подземные, а также переходные и прибрежные воды, в том числе путем: предупреждения дальнейшего ухудшения, охраны и улучшения состояния водных экосистем; развития устойчивого водопользования, основанного на долгосрочной охране водных ресурсов; принятия специальных мер по прогрессивному снижению выбросов, сбросов и потерь опасных веществ; прогрессивного снижения загрязнения подземных вод; уменьшения последствий наводнений и засух.

РВД ЕС исходит из бассейнового принципа охраны и управления водными ресурсами, осуществляемыми единым

компетентным органом путем принятия и реализации плана управления речным бассейном [3].

РВД содержит целый ряд положений и подходов, которые могут быть с успехом использованы при разработке международных соглашений, национального законодательства и водной политики в целом даже теми государствами, которые не являются членами Европейского Союза. Это касается, прежде всего бассейнового принципа управления водными ресурсами, использования «комбинированного» подхода к контролю точечных и диффузных источников загрязнения вод, критериев определения и показателей качества воды в разном типа водоемах, применения экономических механизмов (политика цен на воду, включая принцип «загрязнитель платит»), вовлечения общественности в процесс управления водами [3].

Успешное достижение целей рассмотренных выше международно-правовых актов невозможно без эффективной национальной имплементации. Международные соглашения реализуются через мероприятия и деятельность, осуществляемые, прежде всего на уровне участвующих в них государств. Национальная имплементация включает в себя комплекс мер правового (принятие соответствующего национального законодательства), административно-организационного (создание новых или наделение соответствующей компетенцией имеющихся национальных органов), экономического (инвестиции и применение экономических рычагов воздействия) и социального (информация, образование и поощрение общественного участия) характера. Такая национальная деятельность должна подкрепляться на международном уровне контролем за соблюдением выполнения международных договоренностей и обязательств.

**ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ
КОНВЕНЦИИ-1992 И КОНВЕНЦИИ-1997,
НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ
СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПО ИУВР**

Имплементация: «исполнение государством международно-правовых норм» [8]. В доктрине международного права (МП) понятие «имплементация» имеет несколько расширенное содержание, в частности: имплементация — реализация международных обязательств на внутригосударственном уровне, посредством трансформации международно-правовых норм в национальную правовую систему» [9]. Среди основных способов имплементации обычно выделяются следующие: инкорпорация — международно-правовые нормы (МПН) воспроизводятся без изменений (как правило, дословно) в национальном законодательстве; трансформация — МПН перерабатываются в процессе включения их в национальное законодательство, с учетом национальных правовых традиций, стандартов юридической техники и других факторов; отсылка (частная или конкретная) — национальное законодательство не включает МПН прямо, а упоминает о МПН в тексте конкретного международного договора (МД), и которым следует руководствоваться.

При всех способах имплементации (включая также рецепцию-заимствование и адаптацию-приспособление) действует общее правило — она находится в рамках целей, принципов, норм МД, и каждое государство самостоятельно определяет методы и средства имплементации норм МП в национальное законодательство [10].

Национальное законодательство в области регулирования вопросов управления трансграничными водными ресурсами закреплено в положениях Конституций, Законов о воде и Водных кодексах стран региона, а также в подзаконных актах. Приводимый

ниже обзор национальных законодательств государств ЦА приводится через приму управления, сохранения трансграничных водных ресурсов и водных объектов [11].

В Конституциях стран региона за исключением Туркменистана закреплено, что водные ресурсы являются собственностью государства.

В Водном кодексе Республики Казахстан (РК) [12] дается разъяснение трансграничных водных ресурсов: «поверхностные и подземные водные объекты, которые обозначают и (или) пересекают Государственную границу РК». В кодексе [12] Статьями 141, 143, 144 описывается механизм межгосударственного сотрудничества в области использования и охраны трансграничных вод, предусматривается экономическая основа международного сотрудничества, а также пути урегулирования споров по вопросам использования и охраны трансграничных вод.

Статьей 143 предусматривается в частности:

- 1) обеспечение использования трансграничных вод разумным и справедливым образом с учетом их трансграничного характера при осуществлении деятельности, которая оказывает или может оказывать трансграничное воздействие;
- 2) использование трансграничных вод на основе их экологически обоснованного и рационального управления, сохранения и охраны окружающей среды;
- 3) меры по пресечению, предотвращению, ограничению и сокращению загрязнения трансграничных вод, которые не должны вести к переносу загрязнения на другие компоненты окружающей среды;
- 4) сохранение и в случае необходимости восстановление экологических систем, нарушенных трансграничным воздействием;

- 5) установление предельных норм сбросов сточных вод, ориентацию на жесткие нормы водосбережения, соответствующие современным техническим достижениям и экономически возможным условиям водопользования;
- 6) разработку и согласование программ мониторинга трансграничных вод и водных объектов и участие в их реализации;
- 7) совместное финансовое и техническое участие в управлении, регулировании и охране трансграничных вод;
- 8) обмен информацией о водохозяйственной обстановке в бассейнах трансграничных рек, оперативное оповещение и взаимную помощь при чрезвычайных водных ситуациях;
- 9) сотрудничество с сопредельными странами в области унификации нормативной правовой базы, создания единых систем мониторинга, разработки и реализации совместных программ охраны и восстановления трансграничных вод и связанных с ними экологических систем, привлечение для этих целей средств международных организаций;
- 10) разработку, согласование и осуществление мероприятий по совместной эксплуатации трансграничных вод и водохозяйственных сооружений;
- 11) создание при необходимости межгосударственного органа по управлению трансграничными водами для совместной реализации межгосударственных и межправительственных соглашений в области использования и охраны трансграничных вод, ратифицированных Республикой Казахстан.

Таким образом Водным Кодексом РК предусматривается: «возмещение затрат государству, осуществляющему одностороннюю эксплуатацию водохозяйственных объектов по управлению, регулированию

и охране трансграничных вод, используемых другими государствами, на принципе долевого участия в используемых водных ресурсах» [12].

Также: «предоставление на компенсационной основе одним из государств другому государству своей доли (часть доли) трансграничных вод, установленной на основе соответствующих ратифицированных международных договоров».

Как уже было отмечено, РК первой в Регионе ратифицировала Конвенцию–1992г.

Конституция Кыргызской Республики, принятая всеобщим Референдумом 27 июня 2010 года, провозглашает [13]: «земля, ее недра, воздушное пространство, воды, являются исключительной собственностью Кыргызской Республики (КР), используются в целях сохранения единой экологической системы, как основы жизни и деятельности народа и находятся под особой охраной государства».

После обретения независимости был разработан и принят в 1994 году Закон «О воде» [14], позднее в 2005 году был принят Водный кодекс [15]. Которым не отменяется действие Закона «О воде», а в соответствии со статьей 3 принимается: «в случае противоречий норм водного права, содержащихся в нормативных правовых актах, положениям Кодекса, применяются положения Кодекса»

Водным кодексом впервые в республике признается управление водными ресурсами, определены его принципы и бассейновый подход при управлении водными ресурсами: управление водными ресурсами — это комплексная система мер, норм и правил, обеспечивающих развитие, рациональное использование, охрану водных ресурсов и окружающей среды, охрану здоровья людей, а также защиту населенных пунктов, промышленных территорий и всех видов собственности от опасного

влияния вод; бассейновый подход означает, что управление использованием и охраной водных ресурсов осуществляется в границах территории Главного бассейна по гидрографическому принципу.

Особого внимания заслуживают принципы управления водными ресурсами, определенные статьей 6 Водного кодекса, это:

1. участия: все заинтересованные лица должны участвовать в процессе планирования и принятия решений;
2. учета потребностей в воде: при принятии решений по использованию и охране водных ресурсов должны учитываться потребности настоящего и будущего поколений;
3. учета воздействия на водные ресурсы Глобальных климатических изменений;
4. экономической ценности водных ресурсов: при планировании, принятии решений и осуществлении деятельности по использованию и охране водных ресурсов должна учитываться экономическая ценность водных ресурсов;
5. оплаты за загрязнение: лица, загрязняющие водные ресурсы, должны оплачивать за сброс как за природопользование;
6. предосторожности в принятии решений: недостаток полной научной информации не должен являться причиной для откладывания или отказа от принятия эффективных мер там, где существует риск нанесения серьезного вреда водным ресурсам, окружающей среде или жизни людей;
7. реальных гарантий: обеспечение водопользователям реальных гарантий в реализации их прав и юридической защиты;
8. доступности: информация о состоянии и использовании водных объектов и водных ресурсов должна быть доступна представителям общественности.

Названные принципы свидетельствуют о приверженности КР принятым международным сообществом принципам интегрированного управления водными ресурсами, но термин ИУВР в Водном кодексе отсутствует.

Термин «трансграничные водные ресурсы» не закреплён законодательством КР. Хотя Статьей 67 Закона «О воде» предусмотрено [14], что КР на основе норм международного права и межгосударственных отношений осуществляет: предотвращение, ограничение и сокращение сброса загрязняющих веществ в пограничные воды путем применения малоотходных и безотходных технологий; установление критериев качества воды и др.

Статьей 70 Закона «О воде» закреплён экономический механизм водных отношений КР с другими государствами, устанавливаемый на основании норм международного права и межгосударственных соглашений.

Предусматривающий: «предоставление одним из государств, за определенную плату, другому государству своей доли водных ресурсов, установленной на основе международных соглашений».

Таким образом, на национальном уровне основные принципы Конвенции–1992 года закреплены законодательно, а на международном уровне КР является стороной ряда Конвенций, которые были разработаны в развитие Хельсинской Конвенции и не противоречат ее Положениям.

Внешняя политика КР строится на основе Указа Президента КР (А.Акаева): «Об основах внешней политики КР в области использования водных ресурсов рек, формирующихся в Кыргызстане и вытекающих на территорию сопредельных государств» (6.10.1997 г.), а также Закона КР «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и во-

дохозяйственных сооружений КР» (29.06. 2001 г.) [16].

Указом Президента А. Акаева был подготовлен с учетом решений Глав государств Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Узбекистан (6.05.1996 г.) Договора этих стран о создании единого экономического пространства (24.07.1997 г.) [17].

Указом Президента Кыргызской Республики в декабре 1997 года [17] было предписано при осуществлении государственной политики, при проведении межгосударственных переговоров исходить из пяти принципов и положений:

- договоренности по вопросам использования водных ресурсов рек должны иметь целью достижение взаимной выгоды на справедливой и разумной основе;
- каждое государство имеет право в пределах своей территории использовать водные ресурсы реки с целью получения максимальных выгод. Вопросы подачи воды, регулирования стока реки и платности водопользования или распределения выгоды от использования водных ресурсов являются предметом межгосударственных переговоров;
- КР, осуществляющая регулирование стока и подачу воды государству, находящемуся ниже по течению реки, имеет право на возмещение расходов по строительству, реконструкции и эксплуатации водохранилищ и иных гидротехнических объектов межгосударственного значения;
- одним из основополагающих положений, подлежащих отражению в международном договоре, должно быть взаимное обязательство сторон контролировать, предотвращать и уменьшать загрязнение реки, которое может нанести вред окружающей среде, здоровью или безопасности людей;

- КР придает важное значение сотрудничеству сопредельных государств в решении вопросов изучения, учета, охраны и рационального использования водных ресурсов рек. Для этого могут учреждаться совместные комиссии или другие органы как постоянного, так и временного характера.

Позднее перечисленные принципы и положения были обозначены и Законом КР, 2001г. [16], который предусматривает достижение договоренностей между двумя и более государствами при реализации перечисленных принципов:

- признание права собственности государства на водные объекты, водные ресурсы и водохозяйственные сооружения в пределах своих территориальных границ;
- признание воды как вида природных ресурсов, имеющей свою экономическую стоимость при всех ее конкурирующих видах использования и являющейся товаром;
- платность водопользования в межгосударственных водных отношениях;
- осуществление межгосударственного использования водных ресурсов КР на основе двух или более соглашений и договоров, заключенных заинтересованными государствами и ратифицированных в соответствии с нормами законодательства договаривающихся сторон;
- достижение взаимной экономической выгоды на справедливой и разумной основе в использовании водных ресурсов КР предусматривается межгосударственными соглашениями и договорами;
- решение вопросов подачи воды рек, платности водопользования и распределения прибылей от использования водохранилищ и других ирригационных сооружений КР другими государствами предусматривается межгосударственными соглашениями и договорами;

- установление порядка и размеров взаиморасчетов при платном межгосударственном использовании водных ресурсов КР на основе согласованных сторонами нормативов с учетом уровня мировых цен и потребительского спроса на водные ресурсы;
- право КР, осуществляющей регулирование стока своих рек и подачу воды государствам-водопользователям, на доленое возмещение сопредельными государствами-водопользователями расходов и ущерба, затраченных на строительство, реконструкцию и эксплуатацию водохозяйственных сооружений межгосударственного значения;
- осуществление взаимоотношений с зарубежными партнерами при реализации межгосударственных водохозяйственных соглашений и проектов на рыночной экономической основе;
- взаимодействие КР с сопредельными и другими заинтересованными государствами при разработке, инвестировании и совместной реализации программ и проектов по сохранению, защите, развитию и комплексному использованию водных ресурсов, водных объектов и прилегающих к ним земель;
- взаимодействие с зарубежными партнерами при проведении разработок и внедрении технических средств и технологий, обеспечивающих экономное использование водных ресурсов;
- совместное осуществление с зарубежными партнерами координации и инвестирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических разработок по созданию и внедрению средств механизации, автоматизации, вычислительной техники, оборудования и приборов для оснащения и технического перевооружения водохозяйственных систем, сооружений

и устройств на взаимовыгодной основе.

В Водном Кодексе Республики Таджикистан (РТ) [18] также отсутствует определение: «трансграничные водные ресурсы», но содержится положение по международному сотрудничеству в области водных отношений. Статья 145 определяет, что РТ исходит в своей политике в области водных отношений из необходимости обеспечения устойчивого развития своей экономики, рационального использования и охраны водных ресурсов на основе соблюдения принципов международного водного права, взаимовыгодного и дружественного сотрудничества с иностранными государствами, всеобщей экологической безопасности. развития международного сотрудничества в области водных отношений.

Международные водные отношения РТ с другими государствами регулируются международно-правовыми актами, признанными РТ.

Кроме того, статьей 146 определяется, что экономические основы водных отношений с другими государствами устанавливаются на базе международного водного права и межгосударственных соглашений, но никаким образом не акцентирован вопрос платного водопользования [9].

В августе 2012 года Туркменистан присоединился к Конвенции 1992 года [6]. Был разработан и одобрен проект нового Водного кодекса Туркменистана в феврале 2013 года и передан в Министерство водного хозяйства Туркменистана. В октябре 2016 года парламентом принят новый Водный Кодекс Туркменистана взамен Кодекса Туркменистана «О воде» (2004 г) [20]. Основанием для разработки нового Водного кодекса явилось — присоединение Туркменистана к Конвенции 1992 ЕЭК ООН и принятие Национальной стратегии Туркменистана по изменению климата (2012 г.) [19].

Статьей 4 Водного кодекса, Туркменистан провозглашает, что: «Государственный водный фонд Туркменистана является исключительно собственностью государства. Государственная собственность на межгосударственные (трансграничные) воды определяется соглашениями между государствами, расположенными в данном бассейне» [19].

Вводится понятие ИУВР, трансграничные водные объекты, а также предписывается при использовании ими, что юридические и физические лица обязаны: принимать все необходимые меры для предотвращения, ограничения и сокращения загрязнения вод, которое оказывает или может оказать трансграничное воздействие; использовать трансграничные водные объекты разумным и справедливым образом с особым учётом их трансграничного характера; исполнять иные обязательства, связанные с использованием и охраной трансграничных водных объектов, в соответствии с международными договорами.

Статья 119 определяет, что Туркменистан осуществляет международное сотрудничество в области использования и охраны вод в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, и положениями международных договоров Туркменистана [19].

В статье 120 определены основные направления международного сотрудничества в области использования и охраны трансграничных вод, которое обеспечивается путём заключения двусторонних или многосторонних договоров, участия в деятельности международных организаций и фондов [19].

Национальным законодательством Республика Узбекистан (РУ) определяют трансграничные водные объекты: «водные объекты, пересекающие границы двух и более государств или расположенные

на таких границах» [20]; «Трансграничные воды — любые поверхностные или подземные воды, пересекающие границы двух и более государств или расположенные на таких границах» (статья 2 Закона «О воде и водопользовании»).

Статьей 119 предусматривается верховенство Международных договоров: «если международными договорами Республики Узбекистан установлены иные положения, чем предусмотренные настоящим Законом, то применяются положения международного договора» [20].

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

После обретения независимости перед Государствами Центральной Азии встала задача обеспечения бесконфликтного существования в новых условиях. Это могло быть обеспечено при условии достижения соответствующих договоренностей.

Ниже рассмотрена существующая правовая база: региональные Декларации, Соглашения (двусторонние и многосторонние), Договора, Протоколы, с точки зрения подходов к межгосударственному сотрудничеству в рассматриваемой сфере — интегрированного управления водными ресурсами.

Вопросам рационального использования, совместного принятия решений по управлению водными ресурсами, сохранения экологического баланса и др. придается большое значение. Свидетельством чему является целый ряд документов, принятых на уровне Глав Государств ЦА:

- Нукуская декларация (г. Нукус, 5 сентября 1995 г.) [21]. Одно из положений которой, гласит: «Центрально-Азиатские государства признают ранее подписанные и действующие соглашения, договора и другие нормативные акты, регулирующие взаимоотношения между ними

по водным ресурсам в бассейне Арала и принимают их к неуклонному исполнению».

- Алматинская декларация (г. Алматы, 28 февраля 1997 г.) [22] признает, «что управление водными ресурсами трансграничных рек должно иметь экосистемный подход, осуществляться справедливым и разумным образом, не наносящим взаимный ущерб, подтверждая ранее принятые обязательства по полномасштабному сотрудничеству на международном и межгосударственном уровнях».
- Ашгабадская декларация (г. Ашгабад, 9 апреля 1999 г.) [23] заявляет о необходимости «уделять большее внимание решению проблем горных территорий — зон формирования стока рек бассейна Аральского моря».
- Душанбинская декларация (г. Душанбе, 6.10.2002г.) [24] — признает необходимость «усилить роль ИК МФСА по координации деятельности доноров и привлечению средств в реализацию проектов и программ в бассейне Аральского моря и МКВК по управлению и регулированию использования трансграничных вод».
- Совместные пятисторонние Заявления — Дашговузское 3.03.1995 г., Ашгабадское 8-9 апреля 1999 г. [23], Ташкентское 28.12.2001г. [20], Алматинское 28.04.2009 г. [22] и двустороннее Совместное заявление Президентов Кыргызской Республики и Республики Узбекистан (27.09.2000 г.).

Среди перечисленных Документов особое место занимает Нукуская декларация, установившая, что ранее подписанные соглашения, договора и другие нормативные акты, регулирующие взаимоотношения между государствами по водным ресурсам в бассейне Арала остаются действующими и в новых условиях, что способствовало

бесконфликтному, основанному на доверии сотрудничеству по вопросам вододелиения.

В последнее время ООН распространило проекты двух конвенций по рекам Амударье и Сырдарье, которые направлены на создание правовых основ конструктивного сотрудничества в водной сфере между странами региона. Проекты были разработаны Региональным центром ООН по превентивной дипломатии для ЦА и направлены правительствам: Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана.

Министр иностранных дел РУ Выскзался относительно данных проектов Конвенций следующим образом: «Предварительное знакомство с этими Конвенциями показывает достаточно разумные подходы к решению этой очень сложной проблемы. И я надеюсь, что наши соседи проявят внимание к этому предложению ООН и нам удастся начать заинтересованный диалог» [26]. Позиции других стран — РК, КР и РТ еще не озвучены.

С 1992 года были заключены следующие Соглашения [26,27,28,29,30] многостороннего формата:

1. Соглашение между Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и Туркменистаном «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» 1992 года [26].
2. Соглашение о совместных действиях на решение проблем Аральского моря и Приаралья, экологическому оздоровлению и обеспечению социально-экономического развития Аральского моря, Пятистороннее, 26.03.1993 г. [27].
3. Трехстороннее Соглашение между Правительствами Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики

- Узбекистан об использовании топливно-энергетических и водных ресурсов, строительстве и эксплуатации газопроводов Центрально-Азиатского региона от 5.04.1996 г. [30].
4. Соглашение между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики и Правительством Республики Узбекистан об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья 1998 года (РТ присоединилась позднее) [29].
 5. Соглашение об основных принципах взаимодействия в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов государств — участников СНГ (г. Москва, 11.09.1998 г., Беларусь, Казахстан, РФ, Республика Таджикистан, особое мнение: Армении, Грузии, КР) [28].
 6. Соглашение между Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики, Правительством Республики Таджикистан, Правительством Туркменистана и Правительством Республики Узбекистан о статусе Международного Фонда спасения Арала (МФСА) и его организаций 1999 года [24, 25].
 7. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Кыргызской Республики об использовании водохозяйственных сооружений межгосударственного пользования на реках Чу и Талас (г. Астана, 21.01.2000 г.) [29].
 8. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области использования и охраны трансграничных рек (12 сентября 2001 г., г. Астана).
 9. Соглашение «О сотрудничестве в проектировании, строительстве и эксплуатации совместного водораспределительного узла на р. Теджен (Герируд) в районе населенного пункта Ширдепе».
 10. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации «О совместном использовании и охране трансграничных водных объектов» (3.09. 2010 г.).
 11. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации по сохранению экосистемы бассейна трансграничной реки Урал (4 октября 2016 г., Астана).
 12. Соглашение между Кыргызстаном и Узбекистаном о межгосударственном использовании Орто-Токойского (Касансайского) водохранилища, (6.10.2017 г., Ташкент) [29].
- В случае возникновения споров или разногласий между сторонами, связанных с толкованием или применением настоящего соглашения, стороны будут решать их путем двусторонних переговоров и консультаций. С согласия стороны в настоящее соглашение могут быть внесены изменения и дополнения, которые оформляются отдельными протоколами, являющиеся его неотъемлемой частью и вступают в силу в порядке, предусмотренном статьей 6 настоящего соглашения.
- Протоколы, принимаемые в рамках деятельности Межгосударственной Координационной Водохозяйственной Комиссии (МКВК) между РК, КР, РТ, Туркменистан и Узбекистаном. Состоялось около 70-и заседаний МКВК [27], которые проходят один раз в квартал поочередно в каждой из стран-участниц. На заседаниях рассматриваются лимиты водозаборов для стран с учетом прогноза водности Гидрометов на периоды вегетации и межвегетации из ствола Нарын-Сырдарья. В случае необходимости, проводится корректировка лимитов всем странам с учетом процента водности рек. При этом по величине

водозаборов каждая из стран подготавливает Графики и дает предложения, которые подаются в БВО «Сырдарья» для анализа и свода. Причем, Министерство сельского хозяйства и Мелиорации перед каждым заседанием МКВК проводит предварительное согласование лимитов водозабора и попусков воды из Токтогульского водохранилища с ОАО «Электрические станции». После утверждения протокольным решением Графики водозаборов направляются для исполнения ОАО «Электрические станции», поскольку регулирование затворов в каналы Левобережный Нарынский и Большой Наманганский производится совместно персоналом Учкурганской ГЭС и Джалалабадского БУВХ, а попуски из Токтогульского водохранилища также регулируются ОАО Электрические станции с учетом интересов Кыргызской Республики.

КР к настоящему времени не участвует в работе МКВК на основании решения Министерства иностранных дел КР, озвученном на встрече «ЕС — Центральная Азия» в Брюсселе, «заморозить» сотрудничество в рамках Международного Фонда спасения Арала (МФСА) и его структурных подразделений (2016 г.).

МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЕ ПРОТОКОЛЫ

На основании принятых в постсоветское время, рассмотренных выше, остаются действующими межведомственные договоренности по водным источникам и водохозяйственным объектам со времен СССР, оформленные в виде Протоколов. Данные Протоколы утверждались Минводхозом СССР [24] и были подготовлены в результате совместной работы государств Средней Азии и Казахстана на основе Комплексных Схем использования и охраны водных ресурсов, которые разрабатывались отраслевыми институтами — Гипроводхозами стран. Ниже приводится их краткое описание.

Несмотря на то, что данными Протоколами, Положениями рассматриваются вопросы вододелия, строительства водохозяйственных сооружений, т.е. имеют узконаправленное действие, имеет смысл немного остановиться на них, поскольку они разрабатывались и принимались на основании Комплексных схем использования и охраны водных ресурсов.

Протокол совещания представителей Министерства водного хозяйства Узбекской ССР, Министерства водного хозяйства и Госстроя Киргизской ССР, проектных институтов Средазгипроводхлопок, Киргизгипроводхоз по вопросу использования водных ресурсов р. Карадарья с учетом Андижанского (Кампыр-Раватского) водохранилища [29].

1. Протокол по межреспубликанскому распределению стока малых рек Ферганской долины 11.04.1980 г. [29].
2. Протоколом от 14.06.1981г. совещания по декадному делению стока рек Сох, Шахимардан и Исфайрам между Киргизской и Узбекской ССР, прошедшем под руководством Вольнова А. Минводхоз СССР было установлено вододелиение по данным рекам.
3. Аналогичным совещанием, прошедшим 17 июня 1981 года в г. Оше, было закреплено вододелиение между Киргизской и Узбекской ССР по р. Падшаата и Кассансай. Кроме того, действующими остаются Протоколы по р. Ходжабакирган 1962 года, Куркуреу, Аспара 1948 года и др. [29].
4. Положения о делении стока рек Чу и Талас 1983 года [29].
5. Положение о делении стока р. Талас, 1983 года [29].
6. Позднее в 1984 году была утверждена «Уточнение Схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов бассейна р. Сырдарья» (Корректирую-

щая записка), которой предусматривалась вододеление в целом по бассейну Сырдарья и по отдельным речным системам, существующие и перспективные площади орошения для четырех стран бассейна [30].

Для Киргизии были приняты существующие орошаемые земли количеством 362 тыс. га и увеличение 94 тыс. га, всего 456 тыс. га, объем водных ресурсов 4,88 км³, в том числе из поверхностных вод 4,03 км³. В настоящее время фактическая площадь орошаемых земель Кыргызстана в бассейне Аральского моря составляет 400 тыс. га, т. е. Кыргызстан в перспективе может освоить 56 тыс. га [29].

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕЙСТВУЮЩИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ

Мировым и экспертным сообществом принятые Конвенции–1992 и Конвенции–1997 признаны Глобальными и рассматриваются, как достижения в развитии международного водного права и усилиях международного сообщества по улучшению и обеспечению бесконфликтного управления трансграничными водотоками. Большое значение придается принятой ЕС Рамочной директиве по воде.

Из стран ЦА Казахстан, Узбекистан и Туркменистан присоединились к Конвенции–1992, воздерживаются от этого шага Кыргызстан и Таджикистан.

Казахстан присоединился к Конвенции 1992 года 23 октября 2000 года. Данный шаг продиктован тем, что 45 % водных ресурсов Казахстана поступают из сопредельных государств и трансграничное сотрудничество является жизненно необходимым для обеспечения водной безопасности, требующей комплексного, интегрированного и стратегического подхода.

Казахстан принял председательство в Конвенции 1992 года на 2019–2021 годы.

В октябре 2018 года в г. Астана состоялось совещание Сторон, которое было первым в Азиатском регионе. Также в рамках Конвенции был создан Международный центр оценки вод (МЦОВ).

В целом законодательство стран Центральной Азии в области водной политики указывает на возможности и направления сотрудничества по трансграничным водным объектам с учетом положений МВП.

В основном национальное законодательство разработано с учетом положений и принципов Конвенции 1992 — Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. Несмотря на то, что КР не является Стороной Конвенций 1992 и 1997 года, в частности, Водный кодекс (2005 г.) разработан с учетом МВП.

Действующие НПА относительно водных ресурсов Региона ЦА, были приняты в различные периоды постсоветского времени и имеют общий, рамочный характер, такие, как Декларации, Заявления Глав Государств, более конкретную направленность договоренностей — многосторонние и двусторонние договоренности — Соглашения. Отдельно могут быть выделены межведомственные Протоколы по вододелению, утвержденные в разное время Минводхозом СССР, действие которых было закреплено/продлено Нукусской Декларацией, пятисторонним Соглашением 1992 года (г. Алматы) [22].

С точки зрения приверженности МВП, принципам ИУВР следует отметить важное базовое значение Соглашения об основных принципах взаимодействия в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов государств — участников СНГ (г. Москва, 11.09.1998 г., Беларусь, Казахстан, РФ, Республика Таджикистан, особое мнение: Армении, Грузии, КР).

Поскольку оно было принято в целях сохранения, рационального использования

и охраны трансграничных водных объектов совместного использования, с учетом Хельсинкских правил по использованию вод международных рек (20 августа 1966 г.), Конвенции–1992 года, т. е. МВП. Данным Соглашением впервые в Содружестве независимых государств и стран Центральной Азии вводится понятие «трансграничный водный объект».

Соглашениями, принятыми в более позднее время, например, между Правительствами РК и РФ «О совместном использовании и охране трансграничных водных объектов» (3.09. 2010 г.), «По сохранению экосистемы бассейна трансграничной р. Урал» (4 октября 2016 г., г. Астана) четко обозначается приверженность существующим МПА обоих государств.

Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (1992 г.), О водно-болотных угодьях (2 февраля 1971 г.), О трансграничном воздействии промышленных аварий (17 марта 1992 г.), По охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (17 марта 1992 г.), Об изменении климата (9 мая 1992 г.), О биологическом разнообразии от 5 июня 1992 года, По борьбе с опустыниванием (17 июня 1994 г.) [6, 7].

Более узконаправленные цели преследуют, например Соглашения Туркменистана с ИРИ по р. Теджен, КР с РК по использованию межгосударственных водохозяйственных объектов в бассейнах р. Чу и Талас, КР с РУ, по эксплуатации Касансайского водохранилища, но которыми предусматриваются положения, созвучные МПА — «согласились воздержаться от любых действий, наносящих ущерб сохранности сооружений и их нормальной работы» (Туркменистан-ИРИ), «согласились об общем желании найти наиболее совершенное и справедливое решение в эффективном использовании водохозяйственных соору-

жений в соответствии с общепризнанными нормами международного права в области водных ресурсов» (КР и РК), «с целью стабильного обеспечения водой населения государств сторон на взаимовыгодной, справедливой и разумной основе» — КР и РУ.

Несмотря на то, что КР не вступила в Конвенцию 1992 года, страна продемонстрирована приверженность принципам ИУВР, приняв в 2005 году Водный кодекс. Он предусматривает реформы водного и водохозяйственного секторов, устанавливая: управление водными ресурсами; Бассейновый подход управления водными ресурсами.

При этом определяется, что управление водными ресурсами — это комплексная система мер, норм и правил, обеспечивающих развитие, рациональное использование, охрану водных ресурсов и окружающей среды, охрану здоровья людей, а также защиту населенных пунктов, промышленных территорий и всех видов собственности от опасного влияния вод.

Бассейновый подход означает, что управление использованием и охраной водных ресурсов осуществляется в пределах гидрографических границ территории Главного речного бассейна, на которой все поверхностные воды впадают в Главную реку или водный объект. Т. е., все виды водных ресурсов — поверхностные, подземные и возвратные в пределах Главного речного бассейна должны быть интегрированы в единую систему управления.

После принятия Водного кодекса прошло почти полтора десятка лет. За этот период в контексте реализации Водного кодекса было принято лишь решение о создании Национального совета по воде (НСВ) (ППКР за № 64 февраль 2006 г.) [28], первое заседание которого состоялось 28 февраля 2013 г. под председательством Премьер-министра. На заседании НСВ были рассмо-

трены следующие вопросы и обсуждена информация:

1. О Регламенте работы НСВ.
2. Презентация «Об установлении границ главных речных бассейнов и бассейновых советов КР».
3. Проект Дорожной карты по реализации Водного Кодекса Кыргызской Республики.
4. О подготовке проекта Национальной водной стратегии», и представлен проект Концепции Водной стратегии. Которая направлена на развитие секторов экономики и охраны водных ресурсов, а также развитие институциональной системы водного сектора. Обозначены регулирование прав собственности на водный фонд и водохозяйственные системы. Изложены основные направления внешней политики и развитие межгосударственных водных отношений.

По данному вопросу членами НСВ были приняты следующие решения: образовать экспертную рабочую группу по доработке проекта НСВ; разрешить рабочей группе при необходимости привлекать других сотрудников министерств и административных ведомств для сбора исходных материалов, и решения вопросов, связанных с подготовкой проекта стратегии; рабочей группе внести согласованный проект Национальной водной стратегии на рассмотрение следующего заседания Национального совета по воде.

Таким образом, к настоящему времени Кыргызстан не реализовал положения Водного кодекса. Не была создана Государственная водная администрация и ее Бассейновые структуры, Бассейновые структуры, Комиссии по ирригации и дренажу, Безопасности плотин и др. Управление водными ресурсами все еще осуществляется по административному принципу, а не по бассейновому.

В рамках проекта WB (2015–2019 гг.) «Управление национальными водными ресурсами, Фаза 1» [30], реализуемого при Департаменте водного хозяйства и мелиорации, была проведена большая работа по подготовке следующих документов, необходимых для дальнейшего продвижения реформ: Проект Национальной водной стратегии; Проект Дорожной карты реализации Водного кодекса; Проект Постановления ПКР «Об установлении порядка платы за пользование поверхностными водными ресурсами, как за природный ресурс»; Проект Постановления ПКР «Об установлении гидрографических границ Главных речных бассейнов» и др.

В марте 2021 года прошло заседание третьего Национального совета по воде, на котором были рассмотрены проекты Национальной водной стратегии, Дорожной карты реализации Водного кодекса.

В настоящее время завершается работа по согласованию проектов Постановления ПКР «Об установлении гидрографических границ Главных речных бассейнов» с министерствами и ведомствами и Дорожной карты КР по реализации Водного кодекса.

Министерством Сельского Хозяйства и Мелиорации (МСХиМ) КР была проведена работа по определению Перечня Главных речных бассейнов (в пределах территории КР):

1. Таласский, (включая р.Учкошой, Колба, Кенкол, Бешташ, Нельды, Урмарал, Кумыштаг, Карабура, Карасу, Бакаирсай, Куркуреусу);
2. Чуйский, (включая Джуанарык, Кочкор и все реки в пределах Кочкорской долины, Боомского ущелья, Чон-Кемин, Кичи-Кемин, Красная, Шамси, Кегаты, Исыката, Ноуруз, Аламедин, Алаарча, Джеламыш, Шарго, Аксу, Сокулук, Карабалты, Чон-Каинды, Чолок-Каинды, Джарды-Каинды Талдыбулак);

3. Иссык-Куль-Таримский бассейн, включая р.Тарим с притоками р.р. Сарыджаз, Чон-Узенгю-Кууш, Аксай, Кокшаал, Кексу (бассейн озера Лобнор), р.Каркара (бассейн озера Балхаш) и бассейн озера Чатыркуль;
4. Нарын-Сыр-Дарьинский бассейн, включая водосборные бассейны собственно р. Нарын и правобережных притоков р. Сыр-Дарья — р.р. Чартаксай, Падшаата, Кассансай, Кексерек, Гавасай и Чаткал; Карадарья-Сыр-Дарьинский, включая бассейны собственно р.Карадарья и левобережных притоков р. Сыр-Дарья — Исфайрамсай, Шахимардан, Сох, Исфара, Ходжабакирган, Исфана, Аксу а также бассейн р. Кызылсу (Алайская, бассейн р.Аму-Дарья).

При определении Перечня Главных речных бассейнов основным критерием была гидрографическая единица — площадь водосбора при условии полного охвата территории Республики.

Следующим важным шагом, определяющим дальнейшее продвижение реформ, является принятие решения на прави-

тельстве уровне о создании Государственного органа по управлению водными ресурсами и его пяти бассейновых структур. В течение 2018 года были проведены Круглые столы с участием доноров, на которых обсуждались возможные варианты создания Госоргана по управлению водными ресурсами. Среди которых — совершенно новый орган, либо на базе ДВХИМ, предусмотрев наращивание его потенциала и др., но окончательное решение все еще не принято.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ в определенной мере показал эффективность работы нормативно-правовых актов и законов Кыргызской Республики по интегрированному управлению водными ресурсами на предмет выявления причинно-следственных связей работы/не работы, а также были выявлены очень важность выработанных рекомендаций по необходимым мерам для эффективной работы нормативно-правовых актов (НПА) в данной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интегрированное управление водными ресурсами (ИУВР). URL: [http://www.cawater-info.net/bk/8-1.htm#:~:text=\(дата обращения: 13.02.2021\)](http://www.cawater-info.net/bk/8-1.htm#:~:text=(дата обращения: 13.02.2021))
2. Горшков Н.И., Соколова В.И. Интегрированное управление водными ресурсами — Глобальное водное партнерство (ГВП), Технический совещательный комитет (ТСК), Секретариат GWP — Центральная Азия и Кавказ. URL: <https://www.gwp.org/globalassets/global/toolbox/publications/background-papers/04-integrated-water-resources-management-2000-russian.pdf> (дата обращения: 13.02.2021)
3. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. Организация Объединенных Наций A/RES/70/1, Distr.: General 21 October 2015. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 13.02.2021)
4. Экштейн Г. О влиянии Конвенции ООН по водотокам на ресурсы подземных вод: мнения экспертов. 2016, UNEP. URL: <http://www.cawater-info.net/library/rus/watlib/watlib-19-2016.pdf> (дата обращения: 13.02.2021)
5. Духовный В.А. и др. Роль двух глобальных водных конвенций для продвижения интегрированного управления водными ресурсами в Республике Узбекистан и поддержания

- трансграничного сотрудничества в Центральной Азии. Ташкент: МКБК; 2016. 100 с.
6. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Helsinki, 17 March 1992). URL: <http://www.unece.org/env/water/> (дата обращения: 13.02.2021)
 7. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 13.02.2021)
 8. Виноградов С. Международный Семинар: «Правовые основы сотрудничества в сфере использования и охраны трансграничных вод», 22-24 ноября 2004 г., г. Киев, Университет Данди, Великобритания. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/env/water/cwc/legal/Backgroundpaper_vinogradov.pdf (дата обращения: 18.04.2021)
 9. Барбук А. Соотношение международного и внутригосударственного права: теоретические аспекты. *Журнал международного права и международных отношений*. 2005;1:10.
 10. Европейская экономическая комиссия, Организации Объединенных Наций, часто задаваемые вопросы о конвенции по трансграничным водам 1992 года. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/2009718_R_pdf_web.pdf (дата обращения: 15.01.2022)
 11. Рысбеков Ю.Х., Рысбеков А.Ю. О некоторых вопросах имплементации глобальных Водных Конвенций в национальное законодательство (на примере Узбекистана). URL: <http://www.cawater-info.net/library/rus/watlib/watlib-19-2016.pdf> (дата обращения: 15.01.2022)
 12. Водный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию текущего года). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1042116 (дата обращения: 18.04.2021)
 13. КОНСТИТУЦИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. Принята референдумом (всенародным голосованием), 27 июня, 2010 года. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru> (дата обращения: 13.02.2021)
 14. ЗАКОН КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 14 января 1994 года № 1422-ХП “О воде”. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/729?cl=ru-ru> (дата обращения: 13.02.2021)
 15. ВОДНЫЙ КОДЕКС КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ от 12 января 2005 года. №8. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1605> (дата обращения: 13.02.2021)
 16. ЗАКОН КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, О Межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики г. Бишкек от 23 июля 2001 года №76. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/483> (дата обращения: 13.02.2021)
 17. Указ Президента Кыргызской Республики «О сферах деятельности министерств Кыргызской Республики в вопросах внешней политики и внешнеэкономической деятельности», от 14 апреля 1997 года N210. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/34327> (дата обращения: 13.02.2021)
 18. Водный кодекс Республики Таджикистан 29.11. 2000. 2020 г. г. Душанбе. URL: <https://www.mewr.tj/?p=1163> (дата обращения: 13.02.2021).
 19. Водный кодекс Туркменистана в редакции 15 октября 2016г. (В редакции Законов Туркменистана от 05.01.2018 г. №685-V, 20.10.2018 г.). URL: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/tuk184359.pdf> (дата обращения: 23.04.2021)
 20. Закон Республики Узбекистан «О воде и водопользовании». 6 мая 1993 г., (Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан, 1993 г., № 5, ст. 221; Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан, № 1-2, ст. 23; 2004 г., № 1-2, ст. 18); URL: https://parliament.gov.uz/ru/search/index.php?PAGEN_1=8&q

- [=%D1%81%D1%82.+9&s=](#) (дата обращения: 13.02.2021)
21. Алматинская декларация, г. Алматы, 28 сентября 1997 г. URL: <http://www.cawater-info.net/library/rus/almaty.pdf> (дата обращения: 13.02.2021)
 22. Положение о МФСА и Соглашение о статусе МФСА и подписана Ашхабадская декларация URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/56?breadcrumbs=no&title=aral> (дата обращения: 13.02.2021)
 23. Душанбинская декларация Глав государств Центральной Азии, 6 октября, 2002. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/146/tadzhikistan-i-mezhdunarodnyi-fond-spaseniya-arala> (дата обращения: 13.02.2021)
 24. Соглашение между Республикой Казахстан, Республикой Кыргызстан, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и Туркменистаном «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников», г. Алма-Ата, 18 февраля 1992 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1045698 (дата обращения: 15.01.2022)
 25. Положение о международном фонде спасения Арала. 26.03.1993. URL: http://www.cawater-info.net/library/rus/ifas/ifas_8.pdf (дата обращения: 13.02.2021)
 26. О Национальном совете по воде, 3 февраля 2006 года № 64. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/57092?cl=ru-ru> (дата обращения: 13.02.2021)
 27. 70-е заседание Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК) Центральной Азии, 11-12 апреля 2017 года в г. Ташкент. URL: <http://sreda.uz/rubriki/voda/70-e-zasedanie-mkvk-sostoyalos-v-tashkente/> (дата обращения: 15.01.2022)
 28. Валентини К.Л., Оролбаев Э.Э., Абылгазиева А.К. Водные проблемы Центральной Азии. Бишкек: 2004; Международный институт стратегических исследований при президенте Кыргызской Республики. 142 с.
 29. Духовный В.А., Шуттер Л.Г., Вода в Центральной Азии. Прошлое, настоящее и будущее. UNESCO-ИНЕ и НИЦ МКВК URL: http://www.cawater-info.net/library/rus/water_in_central_asia.pdf (дата обращения: 13.02.2021).
 30. Соглашение о Швейцарском гранте (Дополнительное финансирование для Проекта управления национальными водными ресурсами) между Кыргызской Республикой и Международной ассоциацией развития, 2015-2019 гг. URL: <https://nwrmp.water.gov.kg/?p=5534> (дата обращения: 13.02.2021).

REFERENCES

1. Integrated Water Resources Management (IWRM), <http://www.cawater-info.net/bk/8-1.htm#:~:text=> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
2. Gorshkov N.I., Sokolov V.I. Integrated Water Resources Management — Global Water Partnership (GWP), Technical Advisory Committee (TSC), GWP Secretariat — Central Asia and the Caucasus, IWMI Office, 700000, Tashkent, Uzbekistan. 2000. URL: <https://www.gwp.org/globalassets/global/toolbox/publications/background-papers/04-integrated-water-resources-management-2000-russian.pdf> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
3. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. United Nations A/RES/70/1. Distr.: General. 21 October 2015. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
4. Eckstein G. Entry into Force and Prospects for Expansion of the 1997 UN Watercourses Convention: Expert Opinions. 2016. UNEP. URL: <https://www.unep.org/dewa/water/1997-convention-expert-opinions> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)

- <http://www.cawater-info.net/library/rus/watlib/watlib-19-2016.pdf> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
5. Dukhovny V.A. et al. The role of two global water conventions for promoting integrated water resources management in the Republic of Uzbekistan and maintaining transboundary cooperation in Central Asia. Tashkent: MKVK; 2016. 100 p. (In Russ.)
 6. Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes (Helsinki, 17 March 1992). URL: <http://www.unece.org/env/water/> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 7. Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-Making and Access to Justice in Environmental Matters [Aarhus Convention]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 8. Vinogradov S. International Seminar: «Legal Basis for Cooperation in the Use and Protection of Transboundary Waters». November 22-24, 2004. Kiev, University of Dundee, Great Britain. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/env/water/cwc/legal/Backgroundpaper_vinogradov.pdf [Accessed: 18.04.2021] (In Russ.)
 9. Barbuk A. Correlation of international and domestic law: theoretical aspects. *Journal of International Law and International Relations*. 2005;1:10 (In Russ.)
 10. Economic commission for Europe, United nations frequently asked questions about the 1992 transboundary waters convention. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/2009718_R_pdf_web.pdf [Accessed: 15.01.2022] (In Russ.)
 11. Rysbekov Yu.Kh., Rysbekov A.Yu. On some issues of the implementation of global Water Conventions in national legislation (on the example of Uzbekistan). URL: <http://www.cawater-info.net/library/rus/watlib/watlib-19-2016.pdf> [Accessed: 15.01.2022] (In Russ.)
 12. Water Code of the Republic of Kazakhstan (with amendments and additions as of 28.12.2018). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1042116 [Accessed: 18.04.2021] (In Russ.)
 13. Constitution of the Kyrgyz Republic. Adopted by referendum (popular vote). June 27, 2010. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 14. Law of the Kyrgyz Republic. January 14, 1994. №1422-XII «On water». URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/729?cl=ru-ru> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 15. Water Code of the Kyrgyz Republic. January 12, 2005. №8. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1605> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 16. Law of the Kyrgyz Republic. On the Interstate Use of Water Bodies, Water Resources and Water Management Facilities of the Kyrgyz Republic, Bishkek. July 23, 2001. №76. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/483> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 17. Decree of the President of the Kyrgyz Republic «On the spheres of activity of the ministries of the Kyrgyz Republic in matters of foreign policy and foreign economic activity». April 14, 1997. №210. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/34327> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 18. Water Code of the Republic of Tajikistan. 29.11. 2000, 2020 Dushanbe. URL: <https://www.mewr.tj/?p=1163> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 19. Water Code of Turkmenistan as amended on October 15, 2016. (As amended by the Laws of Turkmenistan dated 05.01.2018, No. 685-V, 20.10.2018). URL: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/tuk184359.pdf> [Accessed: 23.04.2021] (In Russ.)
 20. Law of the Republic of Uzbekistan «On water and water use». May 6, 1993. (Bulletin of the Supreme Council of the Republic of Uzbekistan, 1993, No. 5, art. 221; №1-2, Art.23; 2004, №1-2, Art. 18). URL: <https://parliament.gov.uz/>

- ru/search/index.php?PAGEN_1=8&q=%D1%81%D1%82.+9&s= [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
21. Almaty Declaration, Almaty, September 28, 1997. URL: <http://www.cawater-info.net/library/rus/almaty.pdf> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 22. Regulations on IFAS and Agreement on the status of IFAS and the Ashgabat Declaration was signed. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/56?breadcrumbs=no&title=aral> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 23. Dushanbe Declaration of the Heads of State of Central Asia. October 6, 2002. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/146/tadzhikistan-i-mezhdunarodnyi-fond-spaseniya-arala> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 24. Agreement between the Republic of Kazakhstan, the Republic of Kyrgyzstan, the Republic of Uzbekistan, the Republic of Tajikistan and Turkmenistan «On cooperation in the field of joint management of the use and protection of water resources of interstate sources». Alma-Ata. February 18, 1992. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1045698 [Accessed: 18.02.2021] (In Russ.)
 25. Regulations on the International Fund for Salvaging the Aral. 26.03.1993. URL: http://www.cawater-info.net/library/rus/ifas/ifas_8.pdf [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 26. About the National Water Council. February 3, 2006. №64. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/57092?cl=ru-ru> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 27. 70th meeting of the Interstate Commission for Water Coordination (ICWC) of Central Asia. April 11-12, 2017. Tashkent. URL: <http://sreda.uz/rubriki/voda/70-e-zasedanie-mkvk-sostoyalos-v-tashkente/> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 28. Valentini K.L., Orolbaev E.E., Abylgazieva A.K. Water Problems of Central Asia. Bishkek: 2004; International Institute for Strategic Studies under the President of the Kyrgyz Republic. 142 p. (In Russ.)
 29. Dukhovny V.A., Schutter L.G. Water in Central Asia Past, Present and Future. UNESCO-IHE and SIC ICWC. URL: http://www.cawater-info.net/library/rus/water_in_central_asia.pdf [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)
 30. Swiss Grant Agreement (Additional Funding for the National Water Resources Management Project) between the Kyrgyz Republic and the International Development Association, 2015-2019. URL: <https://nwrmp.water.gov.kg/?p=5534> [Accessed: 13.02.2021] (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жеенбек Э. Куленбеков, Доктор естественных наук, Американский университет в Центральной Азии, Бишкек, Кыргызская Республика; 720060, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Аалы Токомбаева, д. 7/6; kulenbekov_z@auca.kg

Zheenbek E. Kulenbekov, Doctor of natural sciences, American University of Central Asia, Bishkek, Kyrgyz Republic; bld. 7/6. Aaly Tokombayeva St. Bishkek, Kyrgyz Republic, 720060; kulenbekov_z@auca.kg

Сагынбек Ж. Орунбаев, Кандидат физико-математических наук, Американский университет в Центральной Азии, Бишкек, Кыргызская Республика; 720060, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Аалы Токомбаева, д. 7/6; orunbaev_s@auca.kg

Sagynbek Zh. Orunbaev, Doctor of physics-mathematical sciences, American University of Central Asia, Bishkek, Kyrgyz Republic; bld. 7/6. Aaly Tokombayeva St. Bishkek, Kyrgyz Republic, 720060; orunbaev_s@auca.kg

Бактыяр Д. Асанов, Магистр химических наук, Американский университет в Центральной Азии, Бишкек, Кыргызская Республика; 720060, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Аалы Токомбаева, д. 7/6; asanov_ba@auca.kg

Baktyar D. Asanov, Master of chemical sciences, American University of Central Asia, Bishkek, Kyrgyz Republic; bld. 7/6. Aaly Tokombayeva St. Bishkek, Kyrgyz Republic, 720060; asanov_ba@auca.kg

Екатерина П. Сахваева, Кыргызский научно-исследовательский институт ирригации, Бишкек, Кыргызская Республика; 720055, Кыргызская Республика, Бишкек, улица Токтоналиева д. 4а tadar51@mail.ru

Ekaterina P. Sakhvaeva, Kyrgyz Scientific-Research Irrigation Institute, Bishkek, Kyrgyz Republic; bld. 4A, Toktonaliev str. Bishkek, Kyrgyz Republic, 720055; tadar51@mail.ru

Взгляд на реформирование экономики Узбекистана через призму сотрудничества республики с международными институтами развития

Екатерина С. Романчук

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия,

kate.romanchuk@ya.ru

Аннотация: Реформы, проводимые в последнее время в Республике Узбекистан, вызвали широкое обсуждение. Для многих стали неожиданностью скорость, с которой осуществляется либерализация экономики, а также масштабы трансформаций. Будучи еще пять лет назад одной из самых закрытых экономик на постсоветском пространстве, Узбекистану удалось не только догнать прогрессивные страны бывшего Советского Союза, но и сделать это с относительно небольшими социальными последствиями. Как показано в статье, «узбекское чудо» было обусловлено тремя факторами. Во-первых, реформы готовились заранее. Во-вторых, после изменения политики многосторонних банков развития в части устанавливаемых ими условий при выдаче правительствам займов, докапитализации (в отдельных случаях) этих организаций и оптимизации их балансов, расширились их возможности по предоставлению кредитов. Кроме того, критика со стороны международной общественности стимулировала многосторонние банки развития более тщательно подходить к выбору инструментов, используемых при работе с государствами-заемщиками и буквально «создавать» истории успешной трансформации национальных экономик. В-третьих, национальные институты развития Китайской Народной Республики и Японии проявили активность в работе с Правительством Республики Узбекистан по реализации проектов, направленных на модернизацию старой и строительству новой инфраструктуры. Ими были инвестированы значительные ресурсы для преобразования отдельных отраслей узбекской экономики. Также с узбекским правительством сотрудничают финансовые институты европейский и арабских государств.

На основании составленной автором статьи матрицы проектов с объемами планируемых инвестиций в разрезе по институтам и сферам хозяйственной деятельности, проведена оценка того, какие отрасли узбекской экономики являются наиболее привлекательными для отдельных внешнеэкономических партнеров республики. Стремительный рост государственного внешнего долга республики вызвал дискуссию в стране об эффективности использования иностранных кредитов, а также об установлении верхнего предела международных заимствований. На текущем этапе Республика Узбекистан не намерена сокращать объемы привлекаемой ею помощи международных финансовых организаций (при этом потолок государственного долга все же будет установлен), поскольку вместе с займами эти институты, как правило, выделяют денежные средства на безвозмездной основе для подготовки проектов и консультативной помощи Правительству Республики Узбекистан.

Ключевые слова: государственный внешний долг, инвестиции, многосторонние банки развития, реформы, Узбекистан

Для цитирования: Романчук Е.С. Взгляд на реформирование экономики Узбекистана через призму сотрудничества республики с международными институтами развития. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(1):44–57. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-44-57>

Статья поступила: 14.02.2022

Принята в печать: 12.03.2022

Опубликована: 30.03.2022

View at the Reform of the Economy of Uzbekistan through the Prism of the Republic's Cooperation with International Development Institutions

Ekaterina S. Romanchuk

the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

kate.romanchuk@ya.ru

Abstract: The reforms carried out recently in the Republic of Uzbekistan have caused a wide discussion. For many, the speed with which the liberalization of the economy is carried out, as well as the scale of transformations, came as a surprise. Being one of the most closed economies in the post-Soviet space five years ago, Uzbekistan managed not only to catch up with the progressive countries of the former Soviet Union, but also to do so with relatively small social consequences. As shown in the article, the “Uzbek miracle” was caused by three factors. Firstly, the reforms were prepared in advance. Secondly, after the change in the policy of multilateral development banks in terms of the conditions they set for issuing loans to governments, recapitalizing (in some cases) these organizations and optimizing their balance sheets, their ability to provide loans has expanded. In addition, criticism from the international community has stimulated multilateral development banks to take a more careful approach to the choice of tools used when working with borrowing states and literally “create” stories of successful transformation of national economies. Thirdly, the national development Institutes of the People’s Republic of China and Japan have been active in working with the Government of the Republic of Uzbekistan to implement projects aimed at modernizing the old and building new infrastructure. They have invested significant resources to transform certain sectors of the Uzbek economy. Financial institutions of European and Arab states also cooperate with the Uzbek government.

Based on the matrix of projects compiled with the volumes of planned investments in the context of institutions and spheres of economic activity, the author pointed out sectors of the Uzbek economy that are the most attractive for individual foreign economic partners of the republic. The rapid growth of the state external debt of the republic has caused a discussion in the country

about the effectiveness of the use of foreign loans, as well as the establishment of an upper limit on international borrowing. At the current stage, the Republic of Uzbekistan does not intend to reduce the amount of assistance it attracts from international financial organizations (at the same time, the public debt ceiling will still be set), since, together with loans, these institutions, as a rule, allocate funds free of charge for the preparation of projects and advisory assistance to the Government of the Republic of Uzbekistan.

Keywords: state external debt, investments, multilateral development banks, reforms, Uzbekistan

For citation: Romanchuk E.S. View at the Reform of the Economy of Uzbekistan through the Prism of the Republic's Cooperation with International Development Institutions. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(1):44–57. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-44-57>

Received: 14.02.2022

Revised: 12.03.2022

Published: 30.03.2022

ВВЕДЕНИЕ

В 2019 г. британский журнал «The Economist» назвал Узбекистан «страной года», отмечая скорость проводимых в стране в последние годы реформ, связанных с либерализацией внутри- и внешнеполитической сфер [1]. Большинство экспертов ассоциируют эти реформы со сменой президента республики: после смерти И. Каримова, занимавшего этот пост с момента обретения Узбекистаном независимости, руководство страны возглавил Ш. Мирзиёев.

Однако, структурные реформы начались еще до смерти первого Президента Республики, а после 2016 г. им был лишь придан импульс в виде международной финансовой помощи. В частности, разработанной в 2015 г. Программе действий Кабинета Министров Республики Узбекистан на ближайшую и долгосрочную перспективу (далее — Программа) ставилась задача «решительно искоренять остатки административно-командной системы и устаревшие методы управления, обеспечить дальнейшее углу-

бление осуществляемых экономических реформ» [2], среди которых значилось устранение всевозможных преград, существующих для развития частной собственности и частного предпринимательства.

Во внешнеэкономической сфере наиболее существенным изменением из тех, которые произошли в XXI в., стала разработка и принятие в феврале 2016 г. нового Таможенного кодекса вместо аналогичного документа, действовавшего с 1997 г. [3]. Впоследствии в Таможенный кодекс внесли корректировки отдельных статей, но полностью нормативно-правовой акт переписан не был. Последовательность действий руководства Республики Узбекистан проявилась и во внешней политике. Более того, как отметил участник бишкекской Школы аналитики Нурбек Бекмурзаев, «внешнеполитические достижения [Президента Республики Узбекистан] Мирзиёева являются продолжением внешнеполитического курса, установленного администра-

цией Каримова в концептуальном документе 2012 года» [4]¹.

Узбекистан никогда полностью не отказывался от сотрудничества с ведущими международными финансовыми институтами, включая многосторонние банки развития (далее — МБР). Поэтому в 2016 г. согласовал страновую стратегию (Country Partnership Framework) работы институтов Группы Всемирного банка (далее — ГВБ, Всемирный банк) на территории республики на очередной пятилетний период. В этом документе с учетом планов Правительства Республики Узбекистан, прописанных в упоминаемой выше Программе, определены 9 приоритетов, сгруппированные по трем сферам: (а) расширение масштабов частного сектора, (б) повышение конкурентоспособности сельского хозяйства и модернизация сектора экономики, связанного с выращиванием и сбором хлопка и (в) улучшение качества предоставления государственных услуг. Для достижения этих целей Всемирный банк взял на себя обязательство работать в тесной координации с партнерами, предоставляющими Республике Узбекистан кредиты, финансовую помощь и техническое содействие, а именно: Азиатский банк развития, Исламский банк развития, Европейский союз, Япония и ПРООН [5].

ОСОБЕННОСТИ МНОГОСТОРОННИХ БАНКОВ РАЗВИТИЯ

В совместном исследовании британского профессора Алваро Мендеса и американца Дэвида Патрика Хугтауна, проанализировавших роль МБР в установлении лучших практик

осуществления банковской деятельности, утверждается следующее: «реальность такова, что многосторонние банки развития являются наиболее дальновидными и активными игроками на арене устойчивого финансирования» [6, Р. 9]. Имея преимущество в сравнении с коммерческими кредитными организациями благодаря структуре капитала, сформированного за счет взносов государств-членов и/или международных организаций, и статусу привилегированного кредитора, МБР могут не только участвовать в финансировании крупных проектов и в сделках с повышенным риском, но и, как правило, устанавливают определенные правила на рынке кредитования.

Именно МБР при принятии решений о выдаче займов первыми начали внедрять ныне повсеместно признанные критерии устойчивости (Environmental, Social, and Corporate Governance, ESG) [7]. По одной из оценок Международного валютного фонда (далее — МВФ), МБР оказывают существенное положительное (прямое и косвенное) влияние на мобилизацию частного капитала для финансирования проектов в сфере устойчивого развития в странах операций. Между тем, в этом же докладе говорится, что «мобилизационные эффекты неодинаковы в разных странах»: чем более развита экономика и финансовая сфера государства, тем больше частного капитала будет мобилизовано, и наоборот [8].

Государства-акционеры МБР постоянно стимулируют высшее руководство этих организаций к проведению внутренних реформ. Так, например, увеличение капитала Международного банка реконструкции

¹ Действующая в настоящее время Концепция внешней политики Республики Узбекистан утверждена Законом Республики Узбекистан от 10 сентября 2012 года ЗРУ-330. Полный текст документа в открытом доступе не представлен. Между тем, на основе аналогичного документа, принятого Законом Республики Узбекистан от 26 декабря 1996 г. № 336-1 «Об основных принципах политической деятельности Республики Узбекистан» и по отдельным комментариям в средствах массовой информации можно составить представление о содержании концепции (прим. авт.).

и развития (далее – МБРР), являющегося основным институтом ГВБ, сопровождалось изменением ценовой политики посредством введения в 2018 г. системы градирования заемщиков по уровню экономического развития и установлением процентных ставок таким образом, чтобы наименее развитые государства платили за пользование заемными средствами меньше стран с развитой экономикой. За три до этого государства, входящие в Группу 20 крупнейших экономик мира, запустили инициативу по оптимизации балансов крупнейших МБР с целью повышения эффективности использования капитала, увеличения объемов кредитования и расширения финансовых продуктов, предлагаемых заемщикам [9]. В текущем году данные страны договорились проанализировать систему определения достаточности капитала (*capital adequacy frameworks*) ведущих МБР с тем, чтобы впоследствии выработать рекомендации по повышению эффективности его использования.

В крупных МБР введена практика анализа прошлого опыта и корректировки подходов в отношении работы в странах операций, в том числе относительно условий предоставления кредитных ресурсов. С этой точки зрения, интересным является обзор эволюции политики Всемирного банка, проведенный Виная Сваруп [10]. В нем автор описывает то, как ГВБ пришла к пониманию необходимости изменения подходов к установлению условий предоставления займов, акцентировав внимание на поддержке инклюзивного роста (когда все слои общества могут извлечь из него выгоду), а также на укреплении системы социальной защиты и целевом доведении ресурсов до наиболее уязвимых слоев населения.

Международными финансовыми институтами констатируется уникальность набора факторов, обеспечивающих госу-

дарствам экономической рост и развитие и, как следствие, возможность формирования различных «коктейлей» финансирования развития [11, Р. 2]. При этом, либерализация внешнеэкономической деятельности стран, особенно развивающихся, уже не ставится во главу угла. Наоборот, международные организации выступают за разумную защиту национальных экономик от внешних шоков. Так, в записке, подготовленной Секретариатом ЮНКТАД для встречи Межгосударственной группы экспертов по вопросу финансирования развития в январе текущего года, одной из рекомендаций было: «содействие гибкому и необусловленному использованию правительствами механизмов контроля за движением капитала для смягчения нестабильности потоков капитала и поддержки эффективности макроэкономической политики» [12, Р. 17].

На текущем этапе многие проблемы, возникающие в рамках деятельности МБР, и в целом в функционировании мировой финансовой архитектуры, не только не нашли решение, но и не были признаны государствами-акционерами/участниками международных финансовых институтов как существенные. В частности, политические аспекты продолжают играть главенствующую роль в функционировании МБР. В качестве примера можно привести увольнение в феврале 2020 года главного экономиста ГВБ Пенни Голдберг. Причиной досрочного расторжения трудового контракта стали разногласия с руководством Всемирного банка относительно публикации доклада под названием «Захват элитами иностранной помощи», а также содержащихся в нем выводов. В докладе авторы на основе выборки из 22 стран, наиболее зависимых от иностранной помощи, проследили, что выплаты средств на помощь развитию напрямую влияют на накопление богатств на оффшорных счетах. В том квартале, ког-

да государство получает помощь, равную 1 % его ВВП, депозиты его граждан в «налоговых гаванях» увеличиваются на 3,4 % по сравнению с показателями стран, не получавших в этот период времени международную помощь [13]

Показателен также недавний скандал, связанный с публикацией Всемирным банком ежегодного отчета «Ведения бизнеса» (Doing Business) в странах операций, когда высшее руководство ГВБ, включая бывшего исполнительного директора Кристалину Георгиеву, обвинялось в манипуляциях данными и давлении на низовых сотрудников при выставлении рейтингов для Китая в 2018 г., а также Саудовской Аравии, ОАЭ и Азербайджана в 2020 г. Проведенное сторонней компанией расследование по этому делу выявило нарушения лишь в эпизоде с Китаем [14]. После публикации соответствующего отчета несмотря на давление со стороны средств массовой информации г-жа Георгиева продолжила исполнять обязанности на посту управляющего директора МВФ, который она заняла в октябре 2019 г. Пресс-релиз, опубликованный на сайте ГВБ от 16 сентября 2021 г. относительно прекращения публикации ежегодного отчета «Ведения бизнеса» в странах операций, начинался с фразы: «Доверие к исследованиям Группы Всемирного банка имеет жизненно важное значение» [15].

Ощущая повышенное внимание к своей деятельности со стороны международной общественности и в стремлении оправдаться после такого рода скандалов, МБР стараются продемонстрировать отдельные истории успеха. Одной из них стал Узбекистан.

ИНОСТРАННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ДРАЙВЕР ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ УЗБЕКСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Экономические реформы, направленные на трансформацию экономики страны

и ее интеграцию в мировое хозяйство, случились в правильное время, а узбекским правительством была в полной мере использована опция получения «дешевых» бюджетных кредитов для нивелирования последствий проводимых в государстве реформ. К примеру, после проведения должного анализа различных секторов узбекской экономики Всемирный банк выделил в июне 2019 г. 500 млн долл. из средств Международной ассоциации развития (далее — МАР) на поддержку осуществленных реформ в валютно-финансовой сфере, включая снятие контроля за установлением цен на ряд товаров, в части снижения средней ставки таможенного тарифа, внесения изменений в Трудовой кодекс и увеличения финансирования «сетей социальной защиты» для уязвимых групп, включая семьи с низкими доходами и прочее [16]. В апреле 2020 г. из средств Международного банка реконструкции развития (далее — МБРР) выделено дополнительно 200 млн долл. на мероприятия в рамках проводимых структурных реформ, среди которых принятие национального законодательства республики в банковском секторе в соответствии с базельскими принципами, организация конкурсных торгов по проектам в области возобновляемых источников энергии, а также изменение структур собственности национальной авиакомпании, всех аэропортов, служб управления воздушным движением [17].

В ноябре того же года новые кредиты в общем объеме 500 млн долл. и сроком до октября 2050 г. предоставлены в равной пропорции МАР и МБРР для повышения эффективности, устойчивости и прозрачности распределения ресурсов в экономике, в том числе за счет запрета государственным предприятиям получать субсидированные кредиты, для диверсификации сельского хозяйства, повышения прозрачности

и эффективности распределения земель и ликвидации государственного сельскохозяйственного производства, а также с целью развития государственно-частного партнерства [18].

В совокупности, согласно подсчетам, сделанным на основе данных Министерства финансово Республики Узбекистан (таблица 1), Всемирный банк обязался выдать правительству займов на сумму эквивалентную 8,8 млрд долл. Около 70 % этих средств практически в равной степени пойдут на реализацию проектов по улучшению энергообеспечения, в сельскохозяйственном секторе и на поддержку бюджета. Еще более 10 млрд долл. республика может получить от двух региональных банков развития – Азиатского банка развития и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, а также около 11 млрд долл. от финансовых институтов отдельных азиатских государств.

Активное сотрудничество с ведущими МБР позволило Правительству Узбекистан привлечь также ресурсы иностранных кредиторов, подписавших соглашения на предоставление займов в общем объеме до 13,7 млрд долл. Большая часть из указанной суммы, ожидаемо, поступит от китайских (35,6 %) и японских (36,0 %) институтов развития. Доля кредитов российских финансовых организаций на сегодняшний день не превышает 2 %.

По состоянию на конец первого полугодия текущего года государственный долг Республики Узбекистан составлял 24,2 млрд долл., что эквивалентно 38,5 % ВВП. Большая доля долга приходится на внешние заимствования. При этом порядка 4,7 млрд долл. привлечено на поддержку бюджета, 3,1 млрд долл. в проекты в сфере энергетики, 2,7 млрд долл. – в нефтегазовой отрасли, 2,5 млрд долл. в сферу транспорта, а еще 2,0 млрд долл. на улучшение жилищно-коммунального хозяйства.

В разрезе по отдельным кредиторам картина следующая. Более 20 % предоставленных Правительству Узбекистана средств выделил Азиатский банк развития, 16 % – Всемирный банк и 17,3 % — китайские финансовые институты: Эксимбанк Китая и Государственный банк развития КНР [20].

Однако не только внешний фон и настрой основных международных кредиторов благоприятствовали проведению в Узбекистане реформ. С начала 2000-х гг. Центральному банку Узбекистана из-за своей приверженности фиксированному обменному курсу и стабильности цен пришлось стерилизовать значительные притоки международных резервов, создаваемых за счет экспорта сырьевых товаров и частных денежных переводов, что привело к значительному накоплению резервов. На конец 2017 г. их объем составлял более 28 млрд долл., что эквивалентно примерно 60 % ВВП страны или 19 месяцам импорта. Кроме того, консервативная бюджетная политика обеспечила достижения в 2007–2016 гг. среднегодового профицита бюджета в 4,3 % ВВП и снижение уровня государственного долга до 10 % ВВП к 2016 г. [21] Как в 2018 г. отмечал МВФ, у правительства почти нет внутреннего долга и государственный долг полностью состоял из внешнего. Это во многом объясняет, почему в 2017 г. в результате резкого обесценивания национальной валюты соотношение государственного долга к ВВП подскочило до 20 %.

В текущих условиях продуманная долговая политика крайне важна для Республики Узбекистан, поскольку именно она определит скорость и направление экономического развития государства. Данный тезис подтверждается показателями международной инвестиционной позиции Узбекистана за последние годы. На рисунке 1 показана тенденция наращивания международных

	Образование и здравоохранение	Ремонт дорог	Транспорт	Улучшение энергоснабжения и проекты химической промышленности	Сфера ЖКХ	Жилищное строительство	Продовольственный сектор	Сельскохозяйственный сектор	Телекоммуникации	Финансы	Поддержка бюджета	Иные проекты
Группа Всемирного банка	537	205	207	1957	1135	375		1890		86	2275	121
Азиатский банк развития	872	1482	483	2060	1756	1000		765		641	700	69
Азиатский банк инфраструктурных инвестиций					385	82		0,0			100	
Группа Исламского банка развития	154	179	170	397	431	436		110				
Европейский банк реконструкции и развития				417	310							
Европейский инвестиционный банк				132						100		25
Российские финансовые институты			25,7	514								
Финансовые институты КНР	1336		1195	2163	145			5	24			
Европейские финансовые институты	169		154	382	95		12		14	49	232	90
Финансовые институты арабских государств	128	50	26		288	163		43				
Финансовые институты Республики Корея	164			903								
Финансовые институты Японии			538	3397	105			203	364		327	
Иные кредиторы								152				

Таблица 1. Матрица инвестиций международных и национальных институтов развития по группе секторов экономики Узбекистана

Источник: составлено автором по материалам Министерства финансов Республики Узбекистан [19].

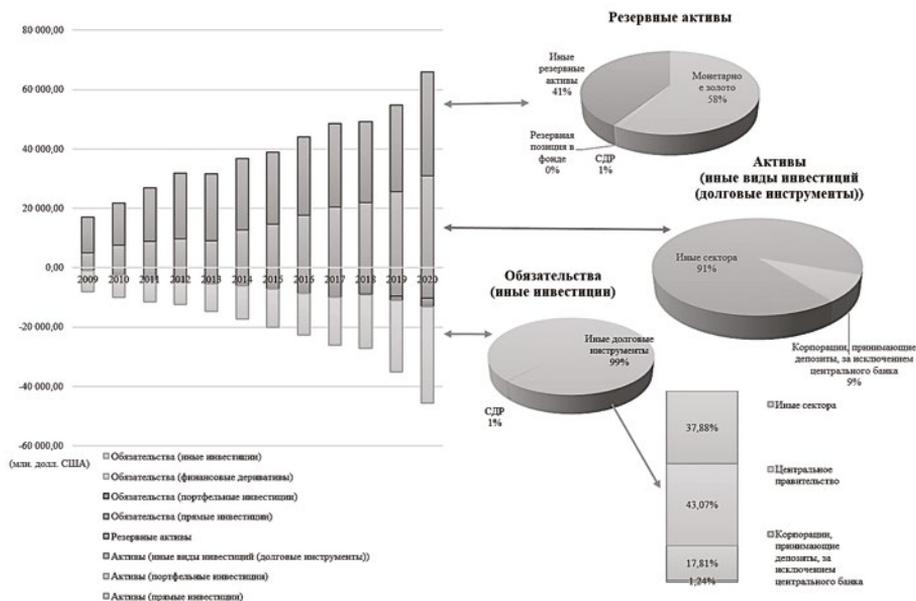

Рис 1. Международная инвестиционная позиция Республики Узбекистан

Источник: составлено автором по данным статистики МВФ [22].

резервов против увеличения объемов иностранных кредитов при небольших показателях иностранных инвестиций, совокупный объем которых в 2020 г. составил чуть более 40 % от всех поступлений денежных средств в республику.

Правозащитная организация Freedomhouse отмечает, что приток в страну заемных средств вызвал в обществе споры о правильном использовании кредитов и надзоре за ним. Поэтому в июле 2021 года Министерство финансов Республики Узбекистан провело «беспрецедентный публичный круглый стол», чтобы ответить на вопросы журналистов, блоггеров и международного сообщества о том, как правительство управляет этими средствами [23].

После многих лет относительной изоляции и строгого государственного контроля за отдельными отраслями экономики руководству республики еще предстоит сделать многое для того, чтобы изменить устоявшу-

юся тенденцию и заместить долговые инструменты иностранными инвестициями. Пока не представляется возможным в полной мере оценить влияние выделенных Республике Узбекистан финансовыми организациями и правительствами стран Запада кредитных ресурсов на экономику страны в целом. Однако, используя составленную матрицу, можно предположить, какие вне-региональные акторы будут определять вектор развития конкретных отраслей узбекской экономики в ближайшем будущем.

Вместе с тем, статистические данные, опубликованные в открытом доступе, не всегда отражают тот факт, что в ряде случаев вместе с кредитами МБР выделяют гранты на техническое содействие республике в подготовке проектов и аналитических материалов. По данному направлению активно работает Азиатский банк развития, крупнейшими акционерами которого являются Япония и США (владеют по 15,6 %

акций каждый). В частности, в декабре 2019 г. из Специального фонда технического содействия предоставлено 225 тыс. долл. на подготовку всестороннего доклада с оценкой потенциальных экономических и социальных эффектов от вступления Узбекистана в Евразийский экономический союз и с анализом влияния данного шага на торговые потоки республики. Данный доклад, написанный независимыми консультантами (по правилам закупок банка российские организации не могли участвовать в конкурсе на проведение этого исследования), исходя из его содержания, вполне может быть использован для формирования переговорной позиции Узбекистана с действующими государствами-участниками Евразийского экономического союза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, становится очевидным, что «узбекское чудо» второго десятилетия XXI века стало возможным благодаря, по сути, трем факторам: (1) внутренним накопленным резервам экономики, а также возможности и готовности Правительства Узбекистана наращивать долговое бремя; (2) наличию у МБР достаточных ресурсов для предоставления суверенных займов на стабилизацию экономики после вызванных либерализацией шоков и учет особенностей страны при работе с Узбекистаном, и (3) активности, прежде всего, азиатских кредиторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Which nation improved the most in 2019? The Economist. 2021. 21 декабря. URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/12/21/which-nation-improved-the-most-in-2019/> (дата обращения: 03.02.2022).
2. Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг яқин муддатга ва узок истикболга мўлжалланган Ҳаракат дастури. 2015. 23 января 2015 г. URL: https://www.gov.uz/uz/pages/perspective_program (дата обращения: 03.02.2022).
3. Закон Республики Узбекистан от 20 января 2016 г. № ЗРУ-400 «Об утверждении Таможенного кодекса Республики Узбекистан».
4. Бекмурзаев Н. Что ожидать от новой концепции внешней политики Узбекистана? *CABAR.asia*. 2019. 6 февраля. URL: https://cabar.asia/ru/chto-ozhidat-ot-novoj-kontseptsii-vneshnej-politiki-uzbekistana#_ftnref10 (дата обращения: 03.02.2022).
5. International Bank for Reconstruction and Development, International Development Association, International Finance Corporation, Multilateral Investment Guarantee Agency Country Partnership Framework for Uzbekistan for the Period Fy16-Fy20 (Report No. 105771-UZ). Официальный сайт Всемирного банка. 2016. 19 мая. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/537091467993490904/pdf/Uzbekistan-Country-partnership-framework-for-the-period-FY16-20.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).
6. Mendez A., Houghton D.P. Sustainable Banking: The Role of Multilateral Development Banks as Norm Entrepreneurs. *Sustainability*. 2020;12(972):1-20.
7. Langer, M.J. Key Instrument of private environmental finance: funds, project finance and market mechanisms. In *Harnessing Foreign Investment to Promote Environmental Protection: Incentives and Safeguards*; Dupuy, P.-M., Viñuales, J.E., Eds.; Cambridge University Press: Cambridge, UK; 2013. P. 131–175.

8. Broccolini, C.; Lotti, G.; Maffioli, A.; Presbitero, A.F.; Stucchi, R. Mobilization Effects of Multilateral Development Banks. *IMF Working Paper*. 2019. 15 февраля. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/02/15/Mobilization-Effects-of-Multilateral-Development-Banks-46523> (дата обращения: 03.02.2022).
9. Multilateral Development Banks Action Plan to Optimize Balance Sheets. Официальный портал саммита G-20. 2015. 15-16 ноября. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2015/Multilateral-Development-Banks-Action-Plan-to-Optimize-Balance-Sheets.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).
10. Vinaya Swaroop. World Bank's Experience with Structural Reforms for Growth and Development. *MFM Discussion Paper*. No. 11. Официальный сайт Всемирного банка. 2016. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/24360/World0Bank0s0e0owth0and0development.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 03.02.2022).
11. Luiz A Pereira da Silva. Rethinking development finance: towards a new "possible trinity" for growth? Bank for International Settlement. 2016. URL: <https://www.bis.org/speeches/sp170221.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).
12. Addressing systemic issues: Strengthening the coherence and consistency of multilateral financial, investment, trade and development policy (Note by the UNCTAD secretariat). Geneva, 25–27 January 2021.
13. Edwards S. Experts warn against downgrading World Bank chief economist role. *Devex*. 2020. 27 февраля. URL: <https://www.devex.com/news/experts-warn-against-downgrading-world-bank-chief-economist-role-96629> (дата обращения: 03.02.2022).
14. Investigation of Data Irregularities in Doing Business 2018 and Doing Business 2020. Официальный сайт Всемирного банка. 2020. 15 сентября. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/84a922cc9273b7b120d49ad3b9e9d3f9-0090012021/original/DB-Investigation-Findings-and-Report-to-the-Board-of-Executive-Directors-September-15-2021.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).
15. World Bank Group to Discontinue Doing Business Report. Официальный сайт Всемирного банка. 2021. 16 сентября. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/statement/2021/09/16/world-bank-group-to-discontinue-doing-business-report> (дата обращения: 03.02.2022).
16. International Development Association. Program Document For A Proposed Credit In The Amount Of USD500 Million To The Republic Of Uzbekistan For The Uzbekistan Reforms For A Sustainable Transformation Toward A Market Economy Development Policy Operation (Report No. 125008-UZ). Официальный сайт Всемирного банка. 2018. 29 мая. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/554291530243050278/pdf/Uzbekistan-Reforms-for-a-Sustainable-Transformation-toward-a-Market-Economy-Development-Policy-Operation-Project.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).
17. International Bank for Reconstruction and Development. Supplemental Financing Document for a Proposed Loan in the Amount Of US \$200 Million to Republic of Uzbekistan for the Supplementary Development Policy Financing: Sustaining Market Reforms in Uzbekistan (Report No: PCBASIC0220322). Официальный сайт Всемирного банка. 2020. 14 апреля. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/611191588557795920/pdf/Uzbekistan-Supplementary-Development-Policy-Financing.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).
18. International Bank for Reconstruction and Development and International Development Association. Program Document for a Proposed IBRD Loan in the Amount of US\$250 Million

- and a Proposed IDA Scale-Up Window Credit in the Amount of Us\$85 Million and a Proposed IDA Credit in the Amount of US\$165 Million to the Republic of Uzbekistan for the Uzbekistan: Supporting a Transparent and Inclusive Market Transition Development Policy Operation. Официальный сайт Всемирного банка. 2020. 16 ноября. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/355751608433299795/pdf/Uzbekistan-Supporting-a-Transparent-and-Inclusive-Market-Transition-Development-Policy-Operation.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).
19. Ўзбекистон Республикаси давлат қарзи ҳолати ва динамикаси шарҳи (2020 йил учун). Официальный сайт Министерства финансов Республики Узбекистан. 2021. 3 февраля. URL: https://mf.uz/media/file_uz/davlat_karzi/2020/Debt_bulletin_4Q_2020.pdf (дата обращения: 03.02.2022).
20. Ўзбекистон Республикаси давлат қарзи ҳолати ва динамикаси шарҳи (2021 йилнинг I ярим йиллиги). Официальный сайт Министерства финансов Республики Узбекистан. 2021. 1 июля. URL: https://www.mf.gov.uz/media/file_uz/davlat_karzi/2021/nashrlar/Iyarim_2021.pdf (дата обращения: 03.02.2022).
21. Ruziev K. Uzbekistan's Development Experiment: An Assessment of Karimov's Economic Legacy. *Europe-Asia Studies*. 2021;73(7):1303-1329.
22. IMF Data. International Investment Position. Uzbekistan. 2019. 6 февраля. URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=62805744> (дата обращения: 03.02.2022).
23. Uzbekistan: Nations in Transit 2021 Country Report. *Freedom House*. 2021. 15 мая. URL: <https://freedomhouse.org/country/uzbekistan/nations-transit/2021> (дата обращения: 03.02.2022).

REFERENCES:

1. Which nation improved the most in 2019? The Economist, 2021. December 21. URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/12/21/which-nation-improved-the-most-in-2019/> [Accessed: 03.02.2022].
2. The Program of Action of the Cabinet of Ministers for near and long-term perspective. 2015. January 23. URL: https://www.gov.uz/uz/pages/perspective_program [Accessed: 03.02.2022] (in Uzb.).
3. Law of the Republic of Uzbekistan dated January 20, 2016 No. ZRU-400 «On approval of the Customs Code of the Republic of Uzbekistan» (in Russ.).
4. Bekmurzaev N. What to expect from the new concept of Uzbekistan's foreign policy? *CABAR.asia*. 2019. February 6. URL: https://cabar.asia/ru/chto-ozhidat-ot-novoj-kontsept-sii-vneshnej-politiki-uzbekistana#_ftnref10 [Accessed: 03.02.2022]. (in Russ.)
5. International Bank for Reconstruction and Development, International Development Association, International Finance Corporation, Multilateral Investment Guarantee Agency Country Partnership Framework for Uzbekistan for the Period Fy16-Fy20 (Report No. 105771-UZ). Official website of the World Bank. 2016. May 19. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/537091467993490904/pdf/Uzbekistan-Country-partnership-framework-for-the-period-FY16-20.pdf> [Accessed: 03.02.2022].
6. Mendez A., Houghton D.P. Sustainable Banking: The Role of Multilateral Development Banks as Norm Entrepreneurs. *Sustainability*. 2020;12(972):1-20.
7. Langer, M.J. Key Instrument of private environmental finance: funds, project finance and market mechanisms. In *Harnessing Foreign Investment to Promote Environmental Protec-*

- tion: Incentives and Safeguards; Dupuy, P.-M., Viñuales, J.E., Eds.; Cambridge University Press: Cambridge, UK; 2013. P. 131–175.
8. Broccolini, C.; Lotti, G.; Maffioli, A.; Presbitero, A.F.; Stucchi, R. Mobilization Effects of Multilateral Development Banks. *IMF Working Paper*. 2019. February 15. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/02/15/Mobilization-Effects-of-Multilateral-Development-Banks-46523> [Accessed: 03.02.2022].
 9. Multilateral Development Banks Action Plan to Optimize Balance Sheets. Official portal of the G-20 summit. 2015. November 15-16. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/2015/Multilateral-Development-Banks-Action-Plan-to-Optimize-Balance-Sheets.pdf> [Accessed: 03.02.2022].
 10. Vinaya Swaroop. World Bank's Experience with Structural Reforms for Growth and Development. *MFM Discussion Paper*. No. 11. Official website of the World Bank. 2016. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/24360/World0Bank0s0e0owth0and0development.pdf?sequence=1&isAllowed=y> [Accessed: 03.02.2022].
 11. Luiz A Pereira da Silva. Rethinking development finance: towards a new “possible trinity” for growth? Bank for International Settlement. 2016. URL: <https://www.bis.org/speeches/sp170221.pdf> [Accessed: 03.02.2022].
 12. Addressing systemic issues: Strengthening the coherence and consistency of multilateral financial, investment, trade and development policy (Note by the UNCTAD secretariat). Geneva, 25–27 January 2021.
 13. Edwards S. Experts warn against downgrading World Bank chief economist role. *Devex*. 2020. February 27. URL: <https://www.devex.com/news/experts-warn-against-downgrading-world-bank-chief-economist-role-96629> [Accessed: 03.02.2022].
 14. Investigation of Data Irregularities in Doing Business 2018 and Doing Business 2020. Official website of the World Bank. 2020. 15 сентября. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/84a922cc9273b7b120d49ad-3b9e9d3f9-0090012021/original/DB-Investigation-Findings-and-Report-to-the-Board-of-Executive-Directors-September-15-2021.pdf> [Accessed: 03.02.2022].
 15. World Bank Group to Discontinue Doing Business Report. Official website of the World Bank. 2021. 16 сентября. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/statement/2021/09/16/world-bank-group-to-discontinue-doing-business-report> [Accessed: 03.02.2022].
 16. International Development Association. Program Document For A Proposed Credit In The Amount Of USD500 Million To The Republic Of Uzbekistan For The Uzbekistan Reforms For A Sustainable Transformation Toward A Market Economy Development Policy Operation (Report No. 125008-UZ). Official website of the World Bank. 2018. May 29. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/554291530243050278/pdf/Uzbekistan-Reforms-for-a-Sustainable-Transformation-toward-a-Market-Economy-Development-Policy-Operation-Project.pdf> [Accessed: 03.02.2022].
 17. International Bank for Reconstruction and Development. Supplemental Financing Document for a Proposed Loan in the Amount Of US \$200 Million to Republic of Uzbekistan for the Supplementary Development Policy Financing: Sustaining Market Reforms in Uzbekistan (Report No: PCBASIC0220322). Official website of the World Bank. 2020. April 14. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/611191588557795920/pdf/Uzbekistan-Supplementary-Development-Policy-Financing.pdf> [Accessed: 03.02.2022].
 18. International Bank for Reconstruction and Development and International Development Association. Program Document for a Proposed IBRD Loan in the Amount of US\$250 Million and a Proposed IDA Scale-Up Window Credit in the Amount of Us\$85 Million and a Proposed

- IDA Credit in the Amount of US\$165 Million to the Republic of Uzbekistan for the Uzbekistan: Supporting a Transparent and Inclusive Market Transition Development Policy Operation. Official website of the World Bank. 2020. November 16. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/355751608433299795/pdf/Uzbekistan-Supporting-a-Transparent-and-Inclusive-Market-Transition-Development-Policy-Operation.pdf> [Accessed: 03.02.2022].
19. Description of the State Debt Situation and Dynamics of the Republic of Uzbekistan (year of 2021). Official website of the Ministry of Finance of the Republic of Uzbekistan. 2021. February 3. URL: https://mf.uz/media/file_uz/davlat_karzi/2020/Debt_bulletin_4Q_2020.pdf [Accessed: 03.02.2022] (in Uzb.).
20. Description of the State Debt Situation and Dynamics of the Republic of Uzbekistan (1st half of 2021). Official website of the Ministry of Finance of the Republic of Uzbekistan. 2021. July 1. URL: https://www.mf.gov.uz/media/file_uz/davlat_karzi/2021/nashrlar/Iyarim_2021.pdf [Accessed: 03.02.2022] (in Uzb.).
21. Ruziev K. Uzbekistan's Development Experiment: An Assessment of Karimov's Economic Legacy. *Europe-Asia Studies*. 2021;73(7):1303-1329.
22. IMF Data. International Investment Position. Uzbekistan. 2019. February 6. URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=62805744> [Accessed: 03.02.2022].
23. Uzbekistan: Nations in Transit 2021 Country Report. *Freedom House*. 2021. May 15. URL: <https://freedomhouse.org/country/uzbekistan/nations-transit/2021> [Accessed: 03.02.2022].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Екатерина С. Романчук, Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 32;
kate.romanchuk@ya.ru

Ekaterina S. Romanchuk, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; b. 32, Nakhimovsky prospekt, Moscow, 117218, Russia
kate.romanchuk@ya.ru

Ретроспективный анализ экономики Азербайджана за 30-летний период независимости

Губад Ибадоглу¹, Ибрагим М. Нифтиев²

¹ Лондонская школа экономических и политических наук, Лондон, Великобритания,
g.ibadoghlu@lse.ac.uk

² Сегедский Университет, Институт финансов и международных
экономических отношений, Сегед, Венгрия,
niftiyev@eco.u-szeged.hu

Аннотация: Данная статья ретроспективно показывает экономические циклы и описывает экономику Азербайджана с помощью основных макроэкономических показателей, которые менялись на всех этапах развития с момента обретения независимости, уже в постсоветский период. В исследовании выделяются пять различных этапов развития азербайджанской экономики, а именно: рецессия (1991–1994 годы), восстановление (1995–2003 годы), пик (2004–2006 годы), нефтяной бум (2007–2015 годы) и застой (2016–2020 годы). В анализе в основном использовались цифровой анализ и группировка основных макроэкономических показателей по вышеуказанным периодам. Таким образом, период восстановления запомнился быстрыми реформами, а период экономического пика отразил последствия экономического роста в значительной степени за счет нефтяного фактора. Однако стагнация и период после бума в полной мере продемонстрировали суровую реальность и продолжающуюся нефтяную зависимость экономики Азербайджана. Другими словами, устойчивость азербайджанской экономики в реальности ниже кажущейся, поскольку рост основных макроэкономических показателей в значительной степени положительно коррелирует с нефтяной отраслью и ее мультипликативным эффектом. Ископаемые виды топлива относятся к невозобновляемым источникам и по прогнозам, в недалеком будущем истощатся. Цены на них волотильны, а политические режимы в большинстве богатых нефтью стран не справляются с многочисленным институциональными и управленческими сбоями в менеджменте непредвиденных, дополнительных доходов. Будущие политические устремления правительственных чиновников в Азербайджане, должны быть направлены на перераспределение имеющихся экономических и институциональных ресурсов на ликвидацию проблем отставания в секторах экономики, не связанных с нефтью. В противном случае нельзя исключить и более широкую и глубокую рецессию.

Ключевые слова: Азербайджан, постсоветская экономика, экономические циклы, переходный процесс, нефтегазовый сектор, рост за счет нефти, нефтяной сектор, голландская болезнь

Для цитирования: Ибадоглу Г., Нифтиев И.М. Ретроспективный анализ экономики Азербайджана за 30-летний период независимости. *Проблемы постсоветского пространства.* 2022;9(1):58–76. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-58-76>

Статья поступила 24.12.2021

Принята в печать 19.02.2022

Опубликована 30.03.2022

A Retrospective Analysis of the Azerbaijani Economy During 30 Years of Independence

Gubad Ibadoghlu¹, Ibrahim M. Niftiyev²

¹ London School of Economics and Political Science (LSE), London, The United Kingdom

g.ibadoghlu@lse.ac.uk

² University of Szeged, Institute of Finance and International
Economic Relations, Szeged, Hungary

niftiyev@eco.u-szeged.hu

Abstract: Here, we retrospectively describe the Azerbaijani economy since its independence from the Soviet Union in terms of the main macroeconomic indicators that evolved throughout the developmental phases and economic cycles of the country. The study identifies five distinct stages of the Azerbaijani economy, namely a recession (1991–1994), recovery (1995–2003), peak (2004–2006), oil boom (2007–2014), and post-boom (2015–2020). Our analysis mainly utilized the numerical analysis and period-based grouping of the main macroeconomic indicators. Therefore, the recovery period was notable due to rapid reforms, and the economic peak reflected the consequences of the government’s oil-driven economic growth. However, stagnation and the post-boom period hit the Azerbaijani economy with full force, and revealed the harsh reality of oil dependency. In other words, the sustainability of the Azerbaijani economy seems to be below average as the growth of the main macroeconomic indicators are both highly and positively correlated with the oil industry and its many-sided effects. Extractive industries are non-renewable and rapidly exhausted. The commodity prices are highly volatile, and many political regimes of the oil-rich countries improperly manage windfall revenue. The future policy concerns of the Azerbaijani government officials should focus on rechanneling the available economic and institutional resources to address the lagging performance of the non-oil tradable sectors in the future. Otherwise, a wider and deeper recession will be unavoidable.

Keywords: Azerbaijan, post-soviet economy, economic cycles, transition process, oil-gas sector, oil-driven growth, non-oil sector, Dutch disease

For citation: Ibadoghlu G., Niftiyev I.M. A Retrospective Analysis of the Azerbaijani Economy During 30 Years of Independence. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(1):58–76. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-58-76>

Received 24.12.2021

Revised 19.02.2022

Published 30.03.2022

INTRODUCTION

In 1991, Azerbaijan became independent as the result of the collapse of the Soviet Union. In the first decade of the 30 years since the collapse of the USSR, post-Soviet countries have taken a similar course of moving from a command economy to a market economy. Like other socialist countries, Azerbaijan has launched reforms to liberalize prices, liberalize trade, and denationalize property based on the Washington Consensus [1], which is considered a political recipe for development and transition by western economists. Although the first decade created differences between post-Soviet countries in the pace (shock therapy and gradual) of change to a market economy, the differences became more apparent in political governance (democratic and authoritarian) in the second and third decades. Although Azerbaijan began the transition to a market economy late in the first decade, its pace was swift; however, the authoritarian rule, which was formed mainly in the second decade and hardened in the third decade, overshadowed reforms in both the political and economic spheres, slowed down the transition phase and reduced its scope.

Today, Azerbaijan is considered to be one of the most oil-dependent countries in the world [2], where the oil boom has brought heavy inflationary pressures [3], lop-sided industrial production in favor of the extractive sector [4], and the government's wasteful spending on infrastructure projects [5]. In fact, Kaser (2003) and Mahnovski (2003) voiced the early concerns about Azerbaijan's developments,

as mentioned earlier, due to the visible oil-led economic development [6;7]. This economic form resonated with the Dutch Disease and Natural Resource Curse theories that try to explain the political, institutional, and governance mistakes of the windfall revenue management [8, 9, 10, 11, 12]. Therefore, after 30 years since the independence from the Soviet Union, Azerbaijan's economic fluctuations in terms of economic cycles and developmental stages coincide with the oil-led development and they should be analyzed using numerical evaluations via retrospective approach.

Some studies evaluated and surveyed the main macroeconomic indicators based on the developmental and economic cycles of the Azerbaijani economy [13, 14, 15]. However, as both the time and country advanced after independence, new studies related to the comprehensive and systematic evaluation of the main macroeconomic indicators are required. Such studies tell the reader about the overall trends and trajectories of the Azerbaijani economy and provide the necessary information for policymakers to follow the important developments via alternative sources. The main goal of the study is to fill in the gap in retrospective assessment and contribute to the literature on Azerbaijan-related economic issues.

The purpose of the current study is to provide an overview on the main developmental phases and economic cycles of the Azerbaijani economy since the country's independence from the Soviet Union. The objective

of the study is to describe and interpret the developmental stages of the Azerbaijani economy over the past 30 years, based on a retrospective analysis of macroeconomic data. Moreover, a detailed description of the extractive industry – the engine of economic growth in Azerbaijan—, and key developments associated with the oil boom furnished systematic insights into Azerbaijan’s macroeconomy. The following research question reflects the primary motivation of the study: What are the main developmental stages, trends, and economic cycles in the main economic indicators of the Azerbaijani economy between 1991 and 2021? Compared to other similar studies about the Azerbaijani economy, our findings cover a wider time frame and provide more details about the driving forces.

THE RETROSPECTIVE ASSESSMENT OF THE AZERBAIJANI ECONOMY

Since its independence, Azerbaijan has been going through long and different stages of transition from administrative management to a market economy. During this period, economic development went through several cycles: first, the recession (1991–1994), then, the recovery (1995–2003), the peak (2004–2006), an oil boom (2007–2014) and

the post-boom (2015–2020). These phases can be seen in Figure 1.

The current study’s calculations show that between 1995 and 2003, GDP was 90.1%, and excluding the impact of the pandemic on the economy, real GDP growth in 2019 was 3.4 times higher than in 2003. Hence, the period was characterized by positive results due to the rapid average annual growth observed in the economy of Azerbaijan for the last 30 years since independence, especially in the second decade, when exports dramatically increased following the years when the main oil pipeline projects were completed and they became operational.

In the development trajectory of the Azerbaijani economy over the past 30 years, it can be seen that it has gone through five cycles (crisis, recovery, boom, stagnation, and post-boom). Based on an analysis of macroeconomic indicators of Azerbaijan, which had a less oil-dependent economy in the first decade of independence and a heavily oil-dependent economy for the next two decades, forecasts show that the national economy will not be able to free itself of this dependence in the fourth decade. For instance, the Production Sharing Agreement (PSA) signed on 20th September 1994, for the 30-year operation

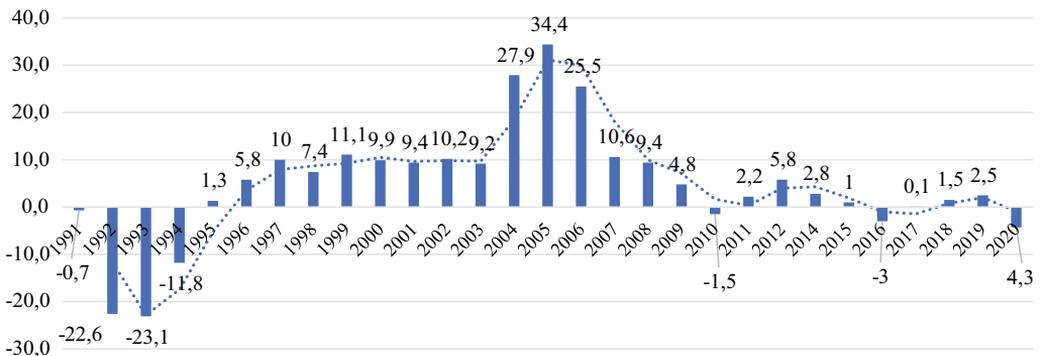

Fig. 1. GDP growth in Azerbaijan in 1991–2020, in percentage terms

Source: World Bank

of the Azeri-Chirag-Guneshli (ACG) fields was extended on 14th September, 2017, until 2049 [16]. According to the Ministry of Energy, 541.2 million tons of oil had been produced from ACG by 1st July 2020, of which 541.1 million tons of oil (including condensate) was exported for the same period [17]. Currently, the main buyer of Azerbaijani oil is Italy [18].

Under the second PSA, a new \$ 6 billion platform with a daily production capacity of 100,000 barrels is expected to be launched in 2023 [19]. The platform is expected to produce 300 million barrels of oil during its operation period. This will ensure the long-term leading role of oil in the Azerbaijani economy.

More than \$ 36 billion had been invested in the development of the ACG field in the first 25 years, and the total revenues from the ACG field alone amounted to \$ 152 billion 893 million in the last 20 years, from 2001 to 1st September 2021. Furthermore, total revenues from the sale of gas and condensate from the Shah Deniz field since 2007 amounted to \$3 billion 797 million [20]. Thus, as of 1st September 2021, the State Oil Fund of Azerbaijan received \$156.690 billion in revenues from the ACG and Shah Deniz fields altogether.

Moreover, by September 2020, payments to the state budget from the corporate income tax of foreign companies amounted to \$17 billion, and SOCAR’s earnings from shareholding in ACG totalled to \$14 billion [21]. Thus, Azerbaijan’s total oil and gas revenues from the development of the ACG and Shah Deniz oil and gas fields alone over the past 20 years amount to \$187 billion 690 million. As of 1st July, 2021, \$44 billion 104 million 900 thousand of these funds have been directed to SOFAZ as financial assets [22]. As of 1st September 2021, over the past two decades, an average of \$76.47 billion (130 billion AZN) of oil revenues has been invested in the Azerbaijani economy. [23].

In addition, Azerbaijan’s oil and gas sectors have always been attractive for foreign investment. Out of \$77.8 billion of FDI to the country’s economy from 2000 to 2017, over 85%, or \$ 66.8 billion, went to the oil and gas sectors. As these funds were mainly directed to the national economy between 2000 and 2020, the annual GDP growth rate in those years was high. The main indicators characterizing the economy for these cycles are presented in Table 1.

Table 1. Macro-indicators characterizing the economic cycles in the Azerbaijani economy for 1991–2020, in percentage terms

Indicators	1991-1994 (recession)	1995-1999 (recovery)	2000-2006 (boom)	2007-2014 (stagnation)	2015-2020 (post-boom)
Real GDP growth rate	-14.55	7.12	18.1	4.87	-0.36
Oil GDP growth rate	-	-	24.7	5.3	- 1.8
Non-oil GDP growth rate	-	-	11.8	9.3	0.5
Inflation	1,052.8	85.2	4.7	7.2	6.2
Investments	-	57.55a	34.27	13.15	-10.96

Source: The indicators were calculated by the author based on the statistics of the SSC and the Central Bank.

Note: a The calculation for this represents the years 1996–1999.

Although the first production at the ACG field was recorded in 1997, as can be seen from the table, based on the increasing role of oil in the economy of Azerbaijan, the GDP has been calculated separately for the oil and non-sector sectors since 2000. Although oil revenues accounted for more than half of GDP after 2006, this ratio has changed since 2013 with the decline in oil revenue in GDP terms. Along with the decline in oil production since 2012 and the fall in oil prices since 2014, the increase in economic growth in the non-oil sector has also played a key role in this change.

Because increasing oil revenues play a special role in providing information about the fiscal policy in Azerbaijan in the long term, it is possible to say that one of the priority tasks of the government is the optimal management of revenues. The experiences of other countries that face a similar problem make clear that there is no standard approach or recipe for obtaining a good solution. For this reason, it is a difficult and complex task to determine the adequate fiscal policy in these circumstances. [24].

GDP, INFLATION AND EMPLOYMENT DYNAMICS

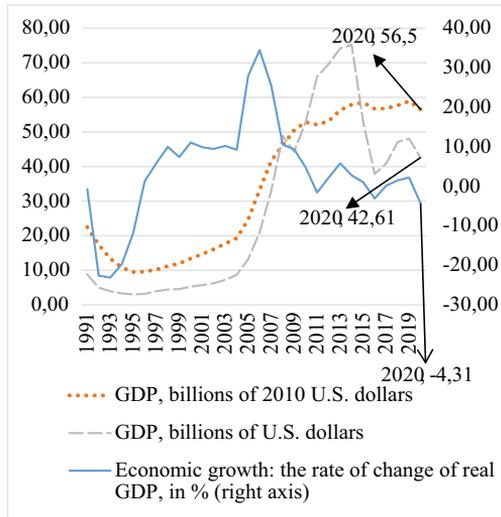
As shown in Figure 2, panel a GDP in current prices indicates that the recovery stage of the national economy concluded in 2005 (reaching 24.7 billion USD) and sharply increased by 68.8% at the beginning of the oil boom period in 2007. Until 2014, GDP reflected sharp upheavals, but the economy returned to 2006 levels in 2015 (33.3 billion USD) when the oil boom began. The GDP in 2010 prices did not reveal any sharp decreases in 2014–2015 compared to the GDP in current prices; however, economic growth rates, as measured by the rate of the change of real GDP, bottomed out at -3.06 percent in 2018, which was the only negative indicator since 1995. The negative growth rate illustrates

the seriousness of the impact of the post-boom period on the national economy.

The picture related to GDP per capita reveals a similar situation (see Figure 2, panel b). In current USD, GDP per capita has experienced gradual growth since the late 1990s. It took off as the oil boom started (rising by 522.63% in 2006 relative to the 1995 level), reaching its highest value in 2014 (7,891.31 USD) and falling to 5,500.31 USD and 3,380.74 USD in 2015 and 2016, respectively, when the oil prices collapsed in the international commodity markets. In the post-boom period, GDP per capita in Purchasing Power Parity (PPP) and constant 2010 USD declined. Accordingly, in 2016, GDP per capita in PPP terms bottomed out around 1,4238.78 USD, while the same indicator gave the highest value since independence in 2015 (14,853.91 USD). GDP per capita in constant 2010 prices was stable; however, the post-boom period average was 5,864.346 USD, which is 3.43% lower than the peak value of 2014.

The increase in capital investments (as measured in current billion USD) starting from 2002 was mainly due to the rapid growth of the oil industry and its numerous effects on the rest of the economy (e.g., government-sponsored non-oil manufacturing, infrastructure spending, and other subsidies). In addition, Figure 3, panel a, shows that capital investments fell to 37.1% of GDP in 2006 and continued to fall as the physical infrastructure for the large oil and gas projects was finalized. During the oil boom years (2005–2014), the average share of capital investments in GDP was 24.10%, which is 7.70 percentage points lower than during the recovery period (31.75%). Furthermore, the post-boom period deterred economic agents from conducting capital investments because of a sharp decline in economic growth in 2015 and 2016. The effect of two national currency devaluations should also be taken into account here.

a. GDP

b. GDP per capita

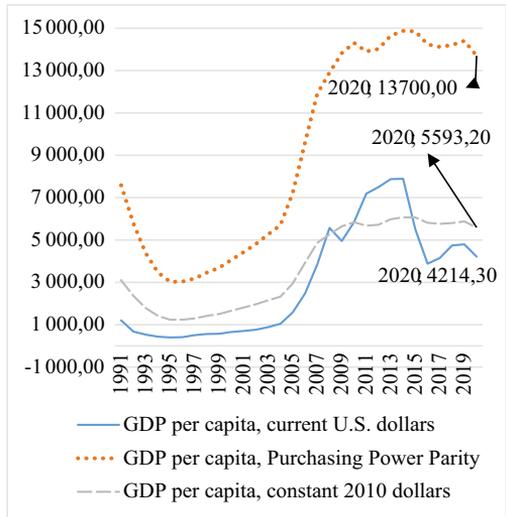
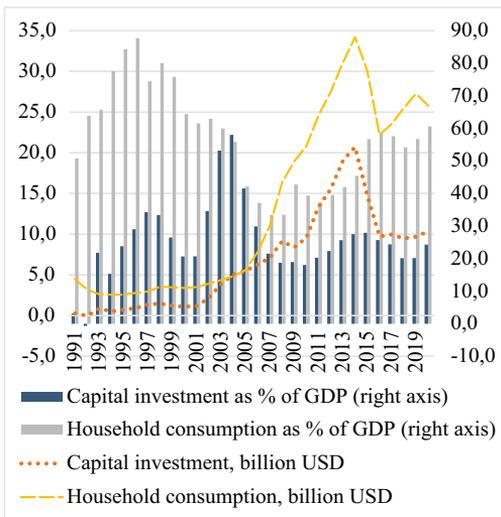

Fig. 2. Gross domestic product (GDP) and GDP per capita in Azerbaijan, 1991–2020

Source: The Global Economy (2021).

a. Capital investments and household consumption

b. CPI and monthly inflation

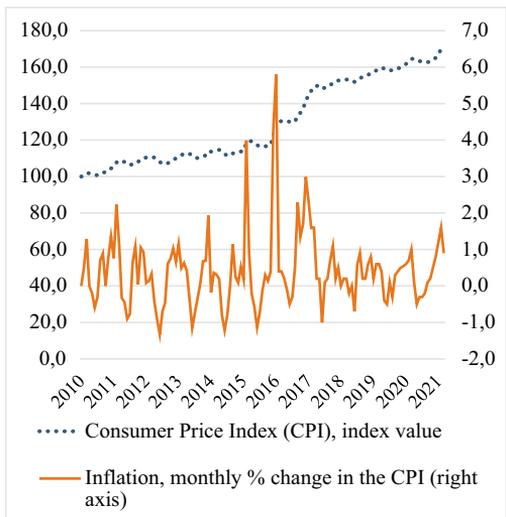

Fig. 3. Capital investments and household consumption (1991–2020) and Consumer Price Index (CPI) and monthly inflation (January 2010–March 2021)

Source: The Global Economy (2021).

Meanwhile, the demand side of the Azerbaijani economy—as measured by household consumption—not surprisingly declined during the recession period (1991–1994) from 4.46 billion USD in 1991 to 2.57 billion USD in both 1994 and 1995; however, the average household consumption was 3.72 billion USD during the recovery phase of the Azerbaijani economy. The upward trend continued, and average household consumption rose to 18.18 billion USD during the oil boom period, when consumers could purchase cheaper imported products due to the overvalued national currency. However, later oil price slumps reversed this trend and resulted in the domestic fall of historically high levels of household consumption, declining from 34.19 billion USD in 2014 to 22.23 billion USD and 23.53 billion USD in 2015 and 2016, respectively. Nevertheless, household consumption then started to increase as the economy began to achieve a stable macroeconomic balance from 2017 to 2019 (see Figure 3, panel a).

During the post-boom period, a sharp variation in the inflation rate occurred; however, the highest monthly inflation (5.8%) occurred at the beginning of 2016 (see Figure 3, panel b). Meanwhile, there were sharp increases in CPI between 2015 and 2016, reaching its highest value in 2021: 167.13 (January), 169.81 (February), and 171.34 (March).

In contrast, compared to the recession period, in the post-boom period there were no huge inflationary pressures. For instance, three years after the collapse of USSR, Azerbaijan's inflation was 1,763.5% in 1994 and 511.8% in 1996 (Aras et al. 2016). This was attributed to import restrictions resulting from economic sanctions imposed by Russia and the war with Armenia. The end of the war and an exclusive focus on the extractive industry in Azerbaijan brought general macroeconomic stability. Hence, overall falls in prices were seen in 1998 and 1999 (e.g., 8.5 percent in 1999) but rose

again starting from 2000 due to the relaxing of a tight monetary policy, reaching 12.45% in 2005 due to the oil boom [25].

Hasanov (2011) argued that the oil boom period in Azerbaijan created severe inflationary pressures, as the government's fiscal policy was pro-cyclical [26]. Government expenditure was channeled towards non-tradable sectors and infrastructure projects, and the non-oil deficit was high [26]. Although the national bank adopted a fixed exchange rate policy, the conversion of a foreign currency into the national currency and the high propensity to spend on the part of the government failed to curb the inflationary effects of the oil boom.

Besides economic growth and inflation data, it is useful to analyze the employment dynamics of Azerbaijan. Figure 4, panel a indicates that the unemployment rate rose dramatically after 1991 and after the war, which created one million internally displaced people and refugees [25]; the unemployment rate then reached its peak in 2000 (11.78%). A gradual decline in the unemployment rate and an increase in the labor force improved the country's employment status; however, in 2020, the unemployment rate returned to 2007 levels (6.27 percent) because of COVID-19. Furthermore, Figure 4, panel b shows that the largest employers in Azerbaijan are in the agriculture, fishery and forestry, and services sectors. Starting from 2010, the mining industry employed less than 1% of the labor force, and the manufacturing sector never experienced any upward development beyond the post-boom years (2015–2019). Overall, employment dynamics in Azerbaijan represented expected outcomes aligned with the transition process and the oil boom; however, various factors discussed below greatly affected the employment situation.

During the recovery and transition stages, labor markets failed to provide as many jobs as had been hoped, which in turn triggered migration to countries such as Russia, Turkey,

a. Labor force and unemployment rate

b. Distribution of employment across economic sectors, % of total employment

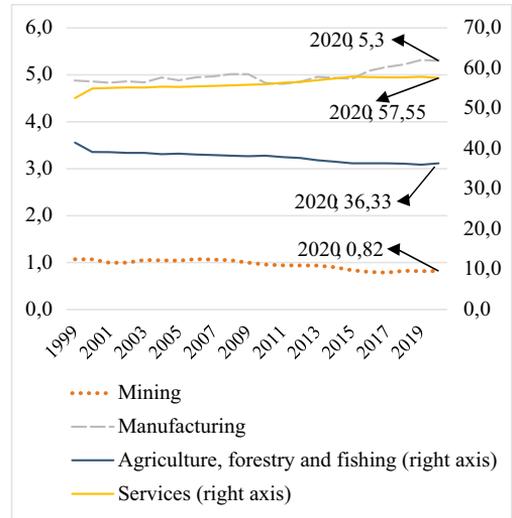
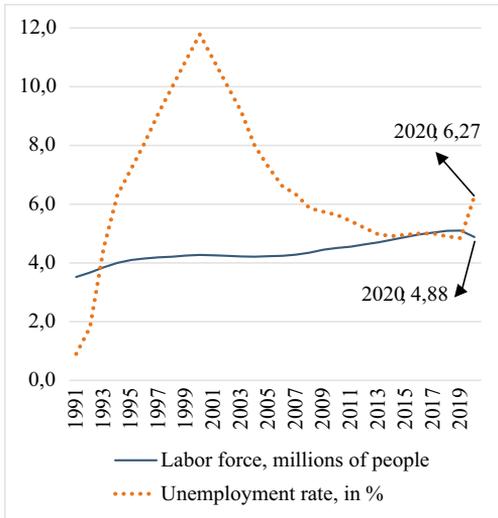

Fig. 4. The overall status of the employment and labor force in Azerbaijan, 1991–2020.

Source: The Global Economy (2021); State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan (2021).

a. Household consumption and savings

b. Capital investments and foreign direct investment (FDI)

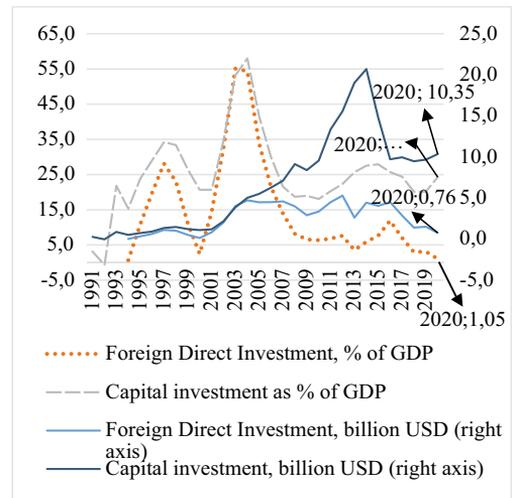
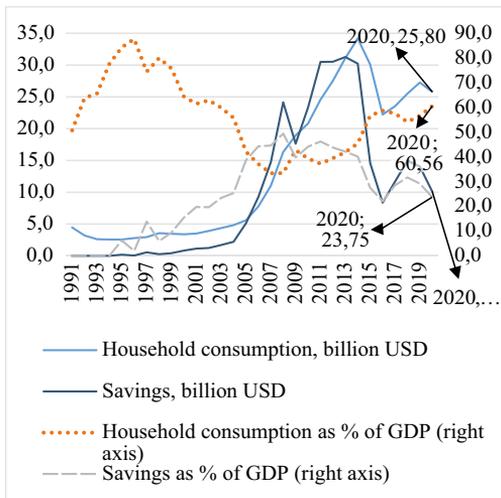

Fig. 5. Consumption, savings, and investments in Azerbaijan (1991–2020)

Source: The Global Economy (2021).

and Iran [25]. While unemployment is a multifaceted problem in Azerbaijan, one of the main issues related to the employment of a highly skilled labor force was the gap between universities and local firms. As Sadirkhanov (2009) remarked, obsolete teaching methods, inefficient internship programs, and low teaching salaries attributed to the dwindling supply of highly skilled specialists and their integration into labor markets [27]. Similarly, Onder's (2013) analysis on rural workers and members of the labor force with only a secondary education revealed that Azerbaijan's high growth rates did not translate into productive employment and high salaries [28]. Also, institutional gaps and associated problems that led to unemployment in Azerbaijan increased the informal sector's—i.e., casual workers—share of the economy [29].

It should be noted that Azerbaijan had one of the highest youth unemployment rates among former Soviet countries, along with higher wage growth and low productivity improvements [30]. Also, the Azerbaijani economy experienced rapid economic growth but without any significant benefits via the newly created jobs in the economy [30].

CONSUMPTION AND SAVINGS DYNAMICS

A dramatic increase in household consumption occurred during the oil boom period (see Figure 5, panel a). The peak value of household consumption (34.19 billion USD) coincided with the last year of this period (i.e., 2014). However, as measured in terms of the percentage share of GDP, household consumption increased as the overall GDP shrank in 2014–2015 due to a crash in international commodity markets.

Figure 5, panel a also tells us that savings dramatically improved during the first years of the oil boom (from 2.2 billion USD in 2002 to 24.15 billion USD in 2008) but slowed when oil revenue peaked in 2011, as meas-

ured by SOFAZ revenue. Meanwhile, savings (as measured by share of GDP) reached 49.44% in 2007, which was very high compared to 1996 levels (2.01%). Nevertheless, as the oil boom neared its end in 2014, savings also decreased, and they bottomed out around 22.08% in 2016 and 29.22% in 2019.

The last years of the recovery period showed significant levels of FDI, as measured in terms of the percentage share of GDP (see Figure 5, panel b). In 2002, FDI reached 2.02 billion USD, which corresponded to 32.47% of the GDP; from 2003 to 2008, FDI reached 4.38 billion USD per year for the same period, which accounted for 31.12% of the GDP. FDI peaked during the second half of the oil boom period but dramatically declined during the post-boom period. For instance, FDI inflows of 1.4 and 1.5 billion USD were observed for 2018 and 2019, respectively, which only accounted for 2.98% and 3.13% of the GDP.

Capital investments also flourished during the oil boom period, increasing from 0.41 billion USD per year between 1991 and 1994 to 1.90 billion USD per year during the recovery period and 11.46 billion USD per year during the oil boom period (see Figure 5, panel b). Like other economic indicators, capital investments decreased during the post-boom period, totalling 9.48 and 9.68 billion USD in 2018 and 2019, respectively. In addition, as measured in terms of the percentage share of GDP, capital investments were high from 2002 to 2004.

FISCAL STATUS AND BANKING SECTOR DYNAMICS

From Figure 6, panel a, it can be seen that Azerbaijan's trade balance and current account balance were negative until the oil boom period. The oil boom period led to high levels of trade balance and current account balance, as measured in terms of the percentage share of GDP. For instance, trade balance increased

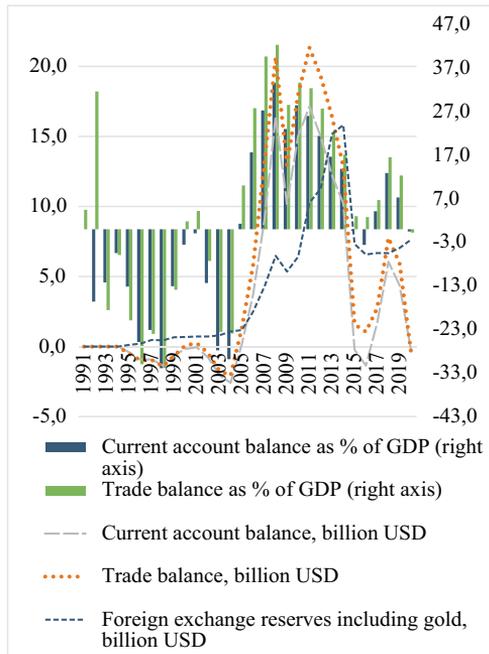
from -23.93% of GDP in 2003 to a historic high of 42.31% in 2008. Similarly, the oil boom boosted the current account balance, which increased from an average of -1% from 1995 to 2004 to 11% from 2005 to 2014. Following the oil boom, foreign exchange reserves also increased by 770.34% in 2015 compared to 2011. Reserves continued to increase up to the post-boom phase, then dramatically decreased as the trade balance and the current account both shrank.

The oil boom also boosted government spending from the year 2005, as measured in billions of USD (see Figure 6, panel b). However, the fiscal balance fluctuated and never displayed any clear trends or signs of stability. Lastly, although the oil boom de-

creased national debt (as measured in terms of the percentage of GDP), oil price slumps increased the debt to 22.51%, which is comparable to levels in 1999–2000.

Next, banking data of the Azerbaijani economy reflect the financial system of the country based on the identified historical development periods (recession, recovery, etc). While bank credits (expressed as a percentage of bank deposits) showed an unequivocally positive trend until the post-boom period in Azerbaijan, bank return on assets dramatically decreased from 3.07% in 2003 and 4.08% in 2007 to -1.05% in 2010 (see Figure 7, panel a). Figure 7, panel a also shows that interest rates rose in 2009, which means that there was a correlation between return on assets and bank credits.

a. Current account, trade balance, and exchange reserves

b. Fiscal balance, government spending, and government debt

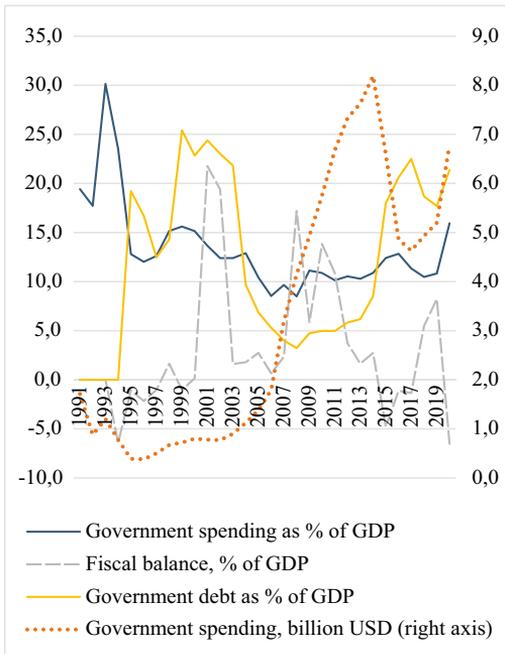

Fig. 6. Key trade and fiscal dynamics of the Azerbaijani economy (1991–2020)

Source: *The Global Economy* (2021).

a. Bank credits, interest rate, and return on assets. b. Fiscal balance, government spending, and government debt

b. Cost, information, regulatory capital-to-risk, and non-interest income-to-total income data

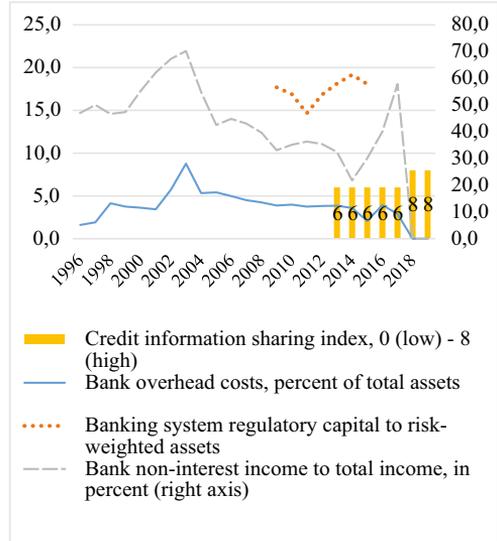
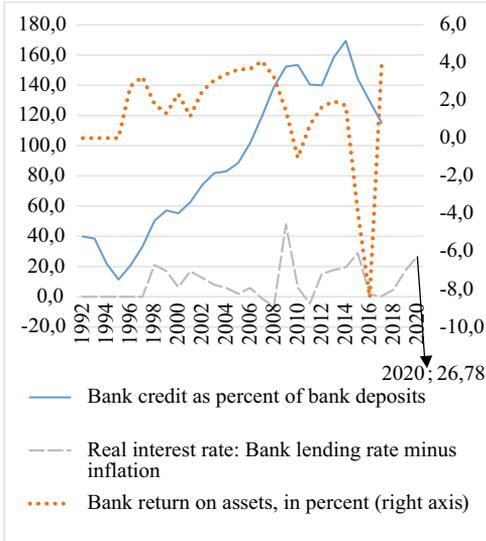

Fig. 7. Banking indicators in Azerbaijan (1992–2020)

Source: *The Global Economy* (2021); *Trading Economics* (2021).

Even though the post-boom period illustrates a lagging behind in the financial development of the Azerbaijani economy, the global financial crisis also had a detrimental effect on the above-stated banking indicators.

Within the banking sector, the post-boom period shows that there was a greater transparency as measured by the credit information sharing index, which increased from 6 between 2013 and 2016 to 8 in 2017 and 2018 (see Figure 7, panel b). While information concerning regulatory capital-to-risk-weighted assets in the banking system is limited, it can be seen from Figure 7, panel b that this ratio increased from 14.67% in 2011 to 19.16% in 2014. Furthermore, bank overhead costs, as measured in terms of the percentage share of total assets, have experienced a gradual downward trend since 2003, but the bank non-interest income to total income (in percentage terms) experienced a notable increase in 2017.

AZERBAIJAN'S ROLE IN THE WORLD ECONOMY

After the collapse of the USSR, all 15 former Soviet countries became part of the world economy by participating in value chains, pursuing globalization, and benefiting from new partnerships. In Azerbaijan's case, the country's share of global GDP has rapidly risen since 2005 (0.08% between 2008 and 2014) but slowed after 2014 to 0.04% in 2016 and 2017 (see Figure 8, panel a). Azerbaijan's share of world exports and imports reflected the same patterns as other domestic indicators, which means it rose during the oil boom period and fell after the commodities boom in 2014–2015.

Figure 8, panel b provides information about Azerbaijan's share of the world FDI and its oil reserves. The years before the oil boom were associated with sharp changes in the above-mentioned indicators. For example,

while Azerbaijan’s share of world FDI was only 0.01% in 1994, this figure rose to 0.21% in 1997 and skyrocketed to 0.55% in 2003 after the completion of oil and gas projects, then gradually fell in more recent years (0.13% in both 2017 and 2018). Meanwhile, Azerbaijan’s share of world the oil reserves continued to decrease despite discoveries of new oil and natural gas fields in the Caspian Sea (see Figure 8, panel b under “percentage of world oil reserves”).

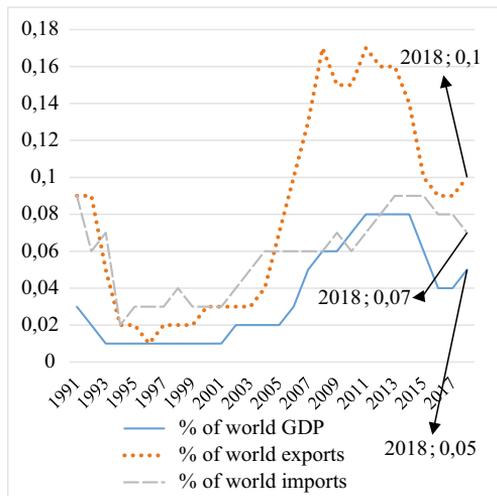
STRUCTURE OF THE AZERBAIJANI ECONOMY

In the last part we provided a macroeconomic overview of the Azerbaijani economy and demonstrated how macroeconomic dynamic processes were shaped by their developmental stages. The oil boom period naturally boosted GDP, GDP per capita, investments, consumption, and trade. Therefore, energy resources and oil revenue have played a decisive role in Azerbaijan’s economic decisions, integra-

tion projects, and foreign affairs for a long time [31]. Nevertheless, concerns about the country’s lopsided economic structure have also been voiced, as Azerbaijan is expected to approach the end of the active oil extraction period, provisionally in 2024 [32]. Hence, there is an urgent need to focus on the structural aspects of the Azerbaijani economy.

Azerbaijan has not only experienced rapid recovery but also several economic challenges have emerged owing to the colossal oil revenue and booming oil production and exports. Since the former Soviet countries essentially started from the bottom, their economic policy decisions have shaped their structural developments. For instance, Figure 9, panel a shows that Azerbaijan had higher-than-average oil rents (21.34% within a 27-year timeframe) from 2000 to 2012 among the 15 post-Soviet countries between 1990 and 2017. The global financial crisis in 2008 and sharp commodity price dips in 2014 influenced the role of oil

a. Azerbaijan’s participation in world gross domestic product (GDP), exports, and imports

b. Azerbaijan’s share of foreign direct investment (FDI) and world oil reserves

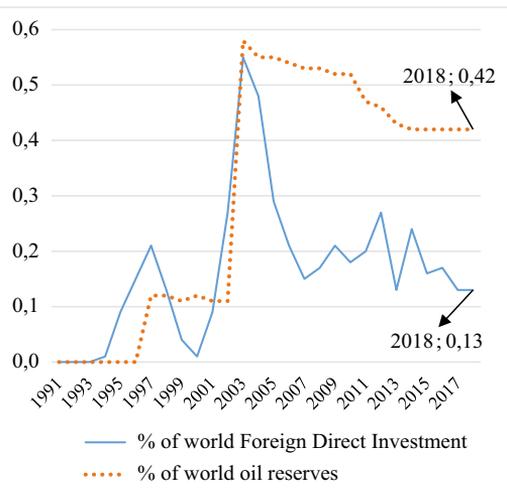

Fig. 8. Azerbaijan’s role in the world economy (1991–2018)

Source: The Global Economy (2021).

a. Azerbaijan's oil rents, as measured by share of GDP compared to 15 post-Soviet countries and average in Azerbaijan, in % terms (1990–2019)

b. Decomposition of real GDP value added using the chain-linking method, in % terms (2005–2019)

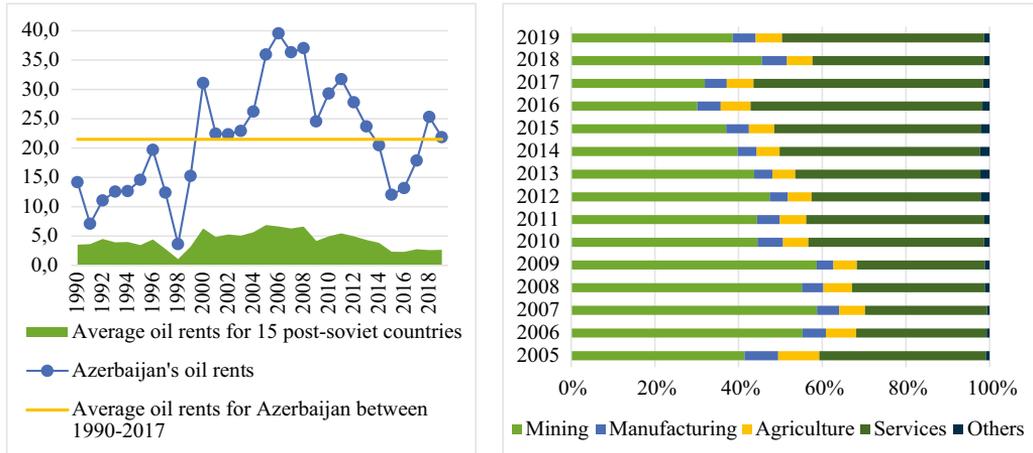

Fig. 9. Oil rents and disaggregation of the real gross domestic product (GDP) in the Azerbaijani economy

Source: World Bank; SSCRA, and the author's own calculations.

rents in both Azerbaijan and other post-Soviet countries. Azerbaijan's oil rents have declined below the country average since 2014; however, they started to increase again in 2016, indicating that they have a strong role in the national economy because of increasing oil prices and the country's ongoing dependency on the oil industry. Meanwhile, Figure 9, panel b tells us that the mining sector dominated real GDP, while the manufacturing and agriculture sector shrank compared to the early 1990s and 2000s. In addition, the service sector increased its share in real GDP value added, achieving 50.3% in 2017 of overall real GDP value added, while manufacturing was 4.8% and agriculture accounted for 5.8% in the same year. Due to the crowding-out effects of the mining sector, the manufacturing and agriculture sectors exhibited low levels of value added in the national economy, but the turbocharged service sector was a natural outcome of the government's spending of the mineral revenue. Thus, Jin and Zhang's

(2018) assessment of Azerbaijan's service sector as strong and stable should be interpreted as the multiplicative effect of the oil industry on the rest of the economy, which the service sector was able to absorb [33].

Although Azerbaijan is well known for its rich oil and gas resources, it also has abundant reserves of iron, non-ferrous metals, bauxite, copper, mercury, gold, and other minerals such as iodine-bromine, sodium, and sodium-magnesium [34]. Domestic production is strongly oil- and gas-oriented, and the non-oil branches of the economy usually are viewed in much the same way as other mining activities such as gold and copper extraction, and petroleum production. All the necessary modernization processes have been addressed to improve the production possibilities of the petroleum sector as a part of the manufacturing sector [35]. Therefore, extractive industry-led industrialization and economic recovery was a natural choice for the government. However, does this mean that non-resource sectors, especially

manufacturing and agriculture, have been neglected by the government during the oil boom and post-boom periods?

Huseynov (2017) discussed a variety of approaches to account for the poor diversification of the Azerbaijani economy [36]. The author remarked on the positions of scholars who argued that the collapse of the USSR played a key role in the degeneration of non-oil sectors and this severely damaged the economic and administrative capacity of Azerbaijan. However, other post-Soviet countries such as Uzbekistan, Russia, and Estonia achieved significant diversification despite their post-Soviet status. Moreover, as Huseynov (2017) argued, the main reason why the national economy had low diversification was linked to oil revenue, which made traditional sectors less attractive [36].

The diversification issue in Azerbaijan remains one of the most addressed research topics and it centers around an unfavorable economic structure, namely oil sector-based economic growth and development. Azerbaijan has the highest reliance on mineral exports of all Caspian basin countries, at least according to the Herfindahl-Hirschmann Index (Product HHI) [37]. As Huseynov (2017) argued, since the fourth development cycle began in 2015, the Azerbaijani government has taken steps to diversify the country's economic structure, develop backward regions, and boost the non-oil tradable sector. However, productivity levels in these sectors remain low [36].

In some cases, the manufacturing sector may not grow even if the country has a booming sector such as oil and gas. Interestingly, Russia has not suffered from the Dutch disease, as there has been industrial growth despite an appreciation of the ruble [37]. Although the Russian economy was de-industrialized after the collapse of the Soviet Union, it recovered and became industrialized during

the oil boom. Output increased despite declining manufacturing employment, suggesting productivity gains and lower costs. By contrast, manufacturing production in Azerbaijan is costly and poor productivity has failed to spur on non-oil sectors to help them catch up with their performance in the Soviet era. This has led to the flow of FDI exclusively towards booming sectors, undercutting the economic environment necessary for non-oil manufacturing. Although various policy decisions have been made and industrial assembly lines have been opened in recent years, a high dependence on oil prices and large transfers from the state oil fund have created fiscal and monetary challenges that hinder long-term growth.

Overall, Figure 10 panel a indicates that with the value added of the industry sector there was an increasing trend starting from 1997 (1.12 billion USD) but a decreasing trend from 2014 (40.31 billion USD). However, if divided into extractive and manufacturing industries, the Azerbaijani economy had a 4.95% share in value added per year during the oil boom period (2005–2014), while the extractive industry had 55.41% with peak values of 61.18% in 2007, and 60.81% in 2008 shares in value added (see Figure 10, panel b).

As regards manufacturing, the contribution of the agricultural sector to overall value added also continued to decline. Accordingly, agriculture accounted for 29 % and 17.53% of value added during the recession and recovery periods, respectively, but this figure decreased to 6.01% during the oil boom period.

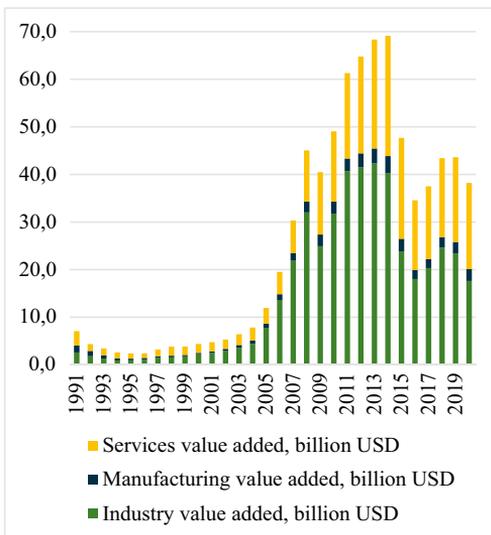
CONCLUSION

Calculations show that compared to the period of the restoration of independence, over the course of the last 30 years physical volume index of Azerbaijan's economy increased on average by up to 5 times measured by its GDP at current prices. It is essential to identify the factors that caused this growth and their

sources. According to calculations of the IMF (IMF 2007), during 1996–2006 the following proportions were noted in the average growth rate (11.4%) in Azerbaijan; capital - 7.1%, labour - 0.2%, and technological productivity factor - 4.1% [38]. Recent studies provided almost the same picture about the driving forces behind the growth in the Azerbaijani economy. Although the GDP per capita growth was 8.4 percent between 1995 and 2015, 87.2 percent of the growth happened because of capital accumulation, 7.3 percent by the labor force, and only 5.5 percent by total factor productivity [39]. Apparently, the economic growth rate due to the accumulation of capital was much higher in Azerbaijan and in the period 2006–2010 when this trend was even stronger. Nevertheless, the labour productivity and contribution of the labour factor to the econo-

my are also viewed as important factors when analyzing the sources of economic growth. As has been noted in the latest country memorandum of the World Bank, “the existing problems led to low productivity in Azerbaijan compared to several neighboring countries; in particular, the certain growth in the overall productivity of the economy recorded in recent years is largely explained by the growth of the oil sector. Indeed, rich oil and gas resources of Azerbaijan have played a significant role in achieving good results over the past 30 years. Considering the fact that increasing oil revenues play a special role in the formation of the long-term fiscal policy in Azerbaijan, it can be stated that one of the priority tasks of the government is the optimal management of revenues. The experiences of other countries facing similar problems tells us that there

a. Value added, in billions of USD

b. Value added, as a percentage of gross domestic product (GDP)

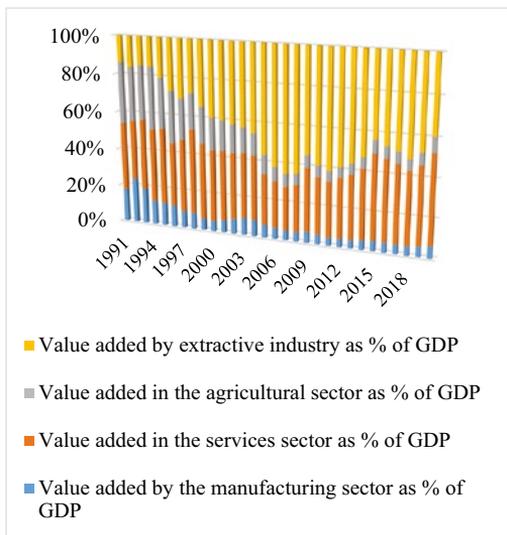

Figure 10, panel a shows Azerbaijan's value added in billions of USD, while panel b shows the sectoral distribution of value added in percentage terms. Since 2007, the role of the service sector has increased in terms of value added.

Notes: Data for the service sector was not available for 2017 and 2019.

is no standard approach or recipe for a wonder solution. For this reason, it is not straightforward to determine what the right fiscal policy should be at present and how successful it is expected to be.

Our retrospective analysis of the past 30 years of the history of Azerbaijan's economy indicates that unless economic reforms and structural changes are speeded up and economic liberalization and diversification are ensured, the sustainability gain in the economic sphere could be in danger.

This study systematically described the five developmental stages of the Azerbaijani economy: 1991–1994 (recession); 1995–2003 (recovery); 2004–2006 (peak); 2007–2014 (oil boom); 2015–2020 (post-boom). A retrospec-

tive assessment of the transition to a market economy during the 30 years of Azerbaijan's independence indicates that the transition period is not yet over, and economic growth and development are both volatile. This volatility originating from the oil dependency issue brings to mind the Dutch Disease and Natural Resource Curse. Meanwhile, it is worth mentioning that the oil industry was and is the key industry for the government. Non-oil industrial sectors lag due to the government's insufficient developmental programs. Further studies should focus on qualitative assessments that examine the institutional, political, social, and management aspects of the Azerbaijani economy.

REFERENCES

1. Williamson J. The Washington Consensus as policy prescription for development. *Development challenges in the 1990s: leading policymakers speak from experience*. World Bank, Institute for International Economics, Washington. 2009: 31-33.
2. Czech K. Oil dependence of post-Soviet countries in the Caspian Sea Region: the case of Azerbaijan and Kazakhstan. *Acta Scientiarum Polonorum. Oeconomia*. 2018; 17(3): 5-12. DOI: [10.22630/ASPE.2018.17.3.32](https://doi.org/10.22630/ASPE.2018.17.3.32)
3. Mukhtarov S., Mammadov J., Ahmadov F. The impact of oil prices on inflation: The case of Azerbaijan. *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2019;9(4):97-102. DOI: [10.32479/ijeeep.7712](https://doi.org/10.32479/ijeeep.7712)
4. Karimov R. Development of non-oil sector in Azerbaijan: tendencies and opportunities. *Journal of Business & Economic Policy*. 2015;2(2):39-52.
5. Guliyev F. Oil and regime stability in Azerbaijan. *Demokratizatsiya*. 2013;21(1):113-147.
6. Kaser M. The economic and social impact of systemic transition in central Asia and Azerbaijan. *Perspectives on Global development and Technology*. 2003;2(3):459-473. DOI: [10.1163/156915003322986352](https://doi.org/10.1163/156915003322986352)
7. Mahnovski S. Natural resources and potential conflict in the Caspian Sea region, Caucasus: Implications for the U.S. Army. In Olga Olikier, Thomas Szayna, (eds.), *Faultlines of conflict in Central Asia and the South*. Santa Monica: RAND; 2003. 109-143.
8. Corden W.M., Neary J.P. Booming sector and de-industrialisation in a small open economy. *The economic journal*. 1982;92(368):825-848. DOI: [10.2307/2232670](https://doi.org/10.2307/2232670)
9. Corden W.M. Booming sector and Dutch disease economics: survey and consolidation. *Oxford economic Papers*. 1984;36(3):359-380. DOI: [10.1093/oxfordjournals.oep.a041643](https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.oep.a041643)
10. Auty R. *Sustaining development in mineral economies: the resource curse thesis*. London: Routledge; 1993. DOI: [10.4324/9780203422595](https://doi.org/10.4324/9780203422595)
11. Auty R. M. Industrial policy reform in six large newly industrializing countries: The resource curse thesis. *World development*. 1994; 22(1): 11-26. DOI: [10.1016/0305-750X\(94\)90165-1](https://doi.org/10.1016/0305-750X(94)90165-1)

12. Auty R.M. Natural resources, capital accumulation and the resource curse. *Ecological economics*. 2007;61(4):627-634. DOI: [10.1016/j.ecolecon.2006.09.006](https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2006.09.006)
13. Kaynak E., Nasirova Z. The transition period of C.I.S. economies. *Journal of East-West Business*. 2005;10(3):31-51. DOI: [10.1300/J097v10n03_03](https://doi.org/10.1300/J097v10n03_03)
14. Suleymanov E., Aliyev K. Macroeconomic analysis and graphical interpretation of Azerbaijan economy in 1991-2012. *Expert Journal of Economics*. 2015;3(1):40-49.
15. Güneş M. The stages of development of the transition economy: the case of Azerbaijan. *International Journal of Academic Research in Economics and Management Sciences*. 2020;9(2):89-101. DOI: [10.6007/IJAREMS/v9-i2/7841](https://doi.org/10.6007/IJAREMS/v9-i2/7841)
16. Əsrin müqaviləsi - milli uğur strategiyası. URL: https://www.bp.com/az_az/azerbaijan/home/who-we-are/operationsprojects/acg2/srin-mueqavil_si---milli-uur-strategiyas.html [Accessed: 02.11.2021] (In Aze.)
17. Son 6 ayda Azərbaycanca neftə nisbətən qaz hasilatı 11 faizdən çox artıb. URL: <https://az.trend.az/business/3266899.html> [Accessed: 25.09.2021] (In Aze.)
18. Azərbaycan hansı ölkələrə neft və qazı neçəyə satır? URL: <https://www.yeniavaz.com/az/news/170233/azerbaycan-hansi-olkelere-neft-ve-qazi-neceye-satir-tam-siyahi> [Accessed: 12.09.2021] (In Aze.)
19. “Azəri-Mərkəzi-Şərqi” layihəsi. URL: https://www.bp.com/az_az/azerbaijan/home/who-we-are/operationsprojects/acg2/azeri-central-east-development-project.html [Accessed: 02.11.2021] (In Aze.)
20. Azəri-Çıraq-Günəşli və Şahdəniz üzrə gəlirlər – 01 sentyabr 2021-ci il tarixinə. URL: <https://oilfund.az/fund/press-room/news-archive/1502> [Accessed: 02.11.2021] (In Aze.)
21. “Əsrin müqaviləsi” bizə nə verdi - ekspert rəqəmləri açıqladı. URL: https://musavat.com/news/esrin-muqavilesi-bize-ne-verdi-ekspert-reqemleri-aciqladi_736333.html [Accessed: 03.11.2021] (In Aze.)
22. Azəri-Çıraq-Günəşli və Şahdəniz üzrə gəlirlər – 01 sentyabr 2021-ci il tarixinə. URL: <https://oilfund.az/report-and-statistics/recent-figures> [Accessed: 02.11.2021] (In Aze.)
23. Recent figures, Information as of 01 September 2021. URL: <https://oilfund.az/en/report-and-statistics/recent-figures> [Accessed: 11.12.2021]
24. İbadoglu G. Azerbaijan’s economic model and its development since independence. *SSRN Electronic Journal*. 2012;1-10. DOI: [10.2139/ssrn.3110219](https://doi.org/10.2139/ssrn.3110219)
25. Aras O.N., Suleymanov E., Mammadov K. Economy of Azerbaijan. Baku: Sharg-Garb Publishing House; 2016.
26. Hasanov F. Analyzing price level in a booming economy: the case of Azerbaijan. *SSRN Electronic Journal*. 2011; Economics Educational and Research Consortium, Working Paper No. 11/02E: 1-34. DOI: [10.2139/ssrn.1784323](https://doi.org/10.2139/ssrn.1784323)
27. Sadirxanov R. Employment pattern pressure for pragmatic change in universities: Azerbaijan case study. *Higher Education in Europe*. 2009;34(3-4):431-444. DOI: [10.1080/03797720903356602](https://doi.org/10.1080/03797720903356602)
28. Onder H. Azerbaijan: Inclusive growth in a resource-rich economy. Washington D.C: The World Bank; 2012. DOI: [10.1596/978-0-8213-9759-6](https://doi.org/10.1596/978-0-8213-9759-6)
29. Abdurrahimli F. Informal employment as a side effect of informal economy in Azerbaijan. *SSRN Electronic Journal*. 2019;1-6. DOI: [10.2139/ssrn.3521811](https://doi.org/10.2139/ssrn.3521811)
30. Rahmanov R., Qasimov A., Tahirova G. The labor market in Azerbaijan. MPRA Paper. 2016;72368. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/72368/1/MPra_paper_72368.pdf [Accessed: 09.10.2021].
31. Suleymanov E. The analysis of impact of the global financial crisis on development Azerbaijan economy. *Journal of Qafqaz University*. 2013;1(1):114-123.

32. Boyarchuk D. Azerbaijan's fiscal policy after the oil boom. CASE network e-briefs. 2012;2:1-3. URL: <https://www.proquest.com/openview/b03e87fa0c997648f7bd5068dbda060a/1?c-bl=266692&pq-origsite=gscholar> [Accessed: 09.10.2021].
33. Jin C., Zhang Z. Regarding the role of oil & gas industry on social infrastructure development in Azerbaijan and the solution of ecological problems. 2018. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 189, 052004. DOI: [10.1088/1755-1315/189/5/052004](https://doi.org/10.1088/1755-1315/189/5/052004)
34. Shekinski A. M. The natural mineral resources of Azerbaijan: waiting to be developed. *Azerbaijan International*. 1995;3(2):16-17.
35. Shaban I. Azərbaycan qazının TAP-la Avropaya sınaq nəqlinə başlanılıb. 2020. URL: <http://cas-pianbarrel.org/az/2020/09/az-rbaycan-qazinin-tap-la-avropaya-sinaq-n-qlin-baslanilib/> [Accessed: 04.11.2021] (In Aze.)
36. Huseynov N. Approach to the Azerbaijan economic structure: non-oil sector, *North Economic Review*. 2017;1(1):28-40.
37. Dobrynskaya V., Turkisch E. Economic diversification and Dutch disease in Russia. *Post-Communist Economies*. 2010;22(3):283-302. DOI: [10.1080/14631377.2010.498680](https://doi.org/10.1080/14631377.2010.498680)
38. Yasmin T., El Refae G. A., Eletter S. Oil price and urgency towards economic diversification through effective reforms and policies in Caspian Basin. *Journal of Eastern European and Central Asian Research (JEECAR)*. 2020;7(3):305-315. DOI: [10.15549/jee-car.v7i3.326](https://doi.org/10.15549/jee-car.v7i3.326)
39. Iradian G. Rapid growth in transition economies: growth-accounting approach. *IMF Working Paper*. 2007;16:1-34. DOI: [10.5089/9781451867282.001](https://doi.org/10.5089/9781451867282.001)
40. Vafa J., Kim K.D., Lee B.H. Analysis of factors affecting economic growth and productivity in Azerbaijan, Belarus, Georgia, Moldova, and Ukraine. *Journal of Agricultural, Life and Environmental Sciences*. 2020;32(3s):281-296. DOI: [10.22698/jales.20200023](https://doi.org/10.22698/jales.20200023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Губад Ибадоглу, Старший приглашенный научный сотрудник, Лондонская школа экономических и политических наук, Лондон, Великобритания; WC2A 2AE, Хоутон-стрит, Лондон, Великобритания;

g.ibadoghlu@lse.ac.uk

Ибрагим М. Нифтиев, Докторант, Сегедский Университет, Институт финансов и международных экономических отношений, Сегед, Венгрия; 6720, Дугоникс, д. 13. Сегед, Венгрия;

niftiyev@eco.u-szeged.hu

Gubad Ibadoghlu, Senior Visiting Fellow, London School of Economics and Political Science (LSE), London, The United Kingdom; Houghton Street, London, WC2A 2AE, The United Kingdom;

g.ibadoghlu@lse.ac.uk

Ibrahim M. Niftiyev, PhD Candidate, University of Szeged, Institute of Finance and International Economic Relations, Szeged, Hungary; bld. 13, Dugonics tér, Szeged, 6720, Hungary;

niftiyev@eco.u-szeged.hu

<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-77-91>

Эволюция, современное состояние внешнеторговой деятельности Российской Федерации и ее влияние на развитие экономики страны

Леонид В. Добровольский¹, Аделина Ш. Ногмова²

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

¹ dobrovolsky.l@mail.ru, ² adelinamid@mail.ru

Аннотация: в статье показаны роль и место внешнеторговой деятельности Российской Федерации в развитии ее экономики. Исследован товарный состав, основные маршруты и результаты ведения внешней торговли в Киевской Руси и в Московском (Русском) царстве. Проанализированы и обобщены требования Торгового устава 1653 г., Новоторгового устава 1667 г., Таможенного устава 1775 г., таможенных тарифов, регулирующие внешнеторговые отношения и направленные на развитие внешней торговли государства, защиту ее от иностранной недобросовестной конкуренции. Приведены обобщенные результаты внешней торговли Российской империи в период 1901–1913 гг. и СССР в довоенный и послевоенный периоды (1940–1884 гг.). Исследовано современное состояние российской внешней торговли и ее влияние на развитие экономики страны. Раскрыты особенности функционирования всей системы международной торговли в условиях формирования глобального информационного общества, приведена общая характеристика и динамики развития информационного рынка. Обобщены и изложены сравнительные результаты внешней торговли Российской Федерации за 2019–2021 гг. Раскрыты основные проблемы внешней торговли и подходы к их решению.

Ключевые слова: внешняя торговля, экспорт, импорт, сальдо торгового баланса, товарная структура внешней торговли, торговые партнеры Российской Федерации

Для цитирования: Добровольский Л.В., Ногмова А.Ш. Эволюция, современное состояние внешнеторговой деятельности Российской Федерации и ее влияние на развитие экономики страны. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(1):77–91. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-77-91>

Статья поступила 12.02.2022

Принята в печать 28.02.2022

Опубликована 30.03.2022

Evolution, Current State of Foreign Trade Activities of the Russian Federation and its Influence for the Development of the Country's Economy

Leonid V. Dobrovolsky, Adelina S. Nogmova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

¹ dobrovolsky.l@mail.ru, ² adelinamid@mail.ru

Abstract: The article shows the role and place of the foreign trade activity of the Russian Federation in the development of its economy. The commodity composition, the main routes and the results of foreign trade in Kievan Rus and in the Moscow (Russian) kingdom have been investigated. The requirements of the Trade Charter of 1653, the New Trade Charter of 1667, the Customs Charter of 1775, customs tariffs, regulating foreign trade relations and aimed at developing foreign trade of the state, protecting it from foreign unfair competition are analyzed and summarized. The generalized results of foreign trade of the Russian Empire in the period 1901–1913 are presented. and the USSR in the pre-war and post-war periods (1940–1884). The current state of Russian foreign trade and its influence on the development of the country's economy have been investigated. The features of the functioning of the entire system of international trade in the conditions of the formation of a global information society are revealed, the general characteristics and dynamics of the development of the information market are given. Comparative results of foreign trade of the Russian Federation for 2019–2021 are generalized and presented. The main problems of foreign trade and approaches to their solution are revealed.

Keywords: Foreign trade, export, import, trade balance, commodity structure of foreign trade, trade partners of the Russian Federation

For citation: Dobrovolsky L.V., Nogmova A.S. Evolution, the current State of foreign Trade activities of the Russian Federation and its Impact on the Development of the Country's Economy. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(1):77–91. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-77-91>

Received 12.02.2022

Revised 28.02.2022

Published 30.03.2022

ВВЕДЕНИЕ

Одним из фундаментальных факторов социально-экономического развития Российской Федерации является ее внешнеторговая деятельность, предусматривающая «осуществление сделок в области внешней торговли товарами, услугами, информацией и интеллектуальной собственностью» [1].

Проводимая в рамках внешнеторговой деятельности внешняя торговля является системообразующей коммуникацией российской экономики с товаропроизводителями разных стран, возникающей на основе взаимного товарообмена, так как способствует: расширению возможностей и разви-

тию ресурсного потенциала страны и ассортиментного состава ее внутреннего рынка; интенсификации воспроизводственных процессов в отраслях экономики на основе обеспечения организации массового производства всех видов продукции; необходимости осуществления в условиях международной рыночной ценовой и неценовой конкуренции постоянного технико-технологического обновления и совершенствования производственных процессов, обеспечивающих повышение объемов, качества, конкурентоспособности и востребованности на внешних рынках выпускаемых товаров, выполняемых работ и оказываемых услуг; ежегодному приращению существенной части государственного бюджета и формированию до 40 % ВВП страны, увеличению на данной основе возможности технико-технологического совершенствования производственных отраслей экономики, оптимизации использования природных и трудовых ресурсов, возрастанию эффективности производства и доходов объектов экономики и населения; обеспечению занятости значительной части трудоспособного населения страны на основе создания новых рабочих мест, связанных с расширением производства и ассортимента выпускаемой продукции для увеличения товарного ряда и объемов экспорта страны; обеспечению возможности международной и региональной производственной интеграции, повышению на данной темпов и эффективности развития различных отраслей национальной экономики [2,11].

Все это обуславливает необходимость исследования состояния и правового регулирования внешнеторговой деятельности Российской Федерации, решение сформировавшихся в ней проблем и поставленных Президентом Российской Федерации задач по повышению эффективности развития с ее участием российской экономики.

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Истоки возникновения и функционирования в России международного товарообмена уходят к временам глубокой древности, к формированию первых форм ее государственности.

Внешняя торговля древней Руси интенсивно велась со странами ближнего и дальнего зарубежья по направлениям, предусматривающим:

- обеспечение транзитной торговли, заключавшейся во взимании с купцов различных пошлин и налогов за предоставление им возможности провоза своих товаров по территории страны;
- непосредственное ведение внешней торговли, заключавшейся в экспорте в другие страны собственных товаров и импорте зарубежных товаров.

Основными торговыми маршрутами, проходившими по территории Киевской Руси, являлись:

- Балтийско-Днепровский водно-сухопутный путь (из «Варяг в Греки»), соединявший Киевскую Русь со странами северной Европы, Византией и государствами южной Европы;
- Балтийско-Волжский путь, соединявший страны северной Европы с поволжскими странами и Кавказскими государствами, с Арабским халифатом, его вассалами и другими мусульманскими государствами Азии [3].

Интенсивное использование этих торговых путей обеспечивало получение прибыли за оказываемые зарубежным купцам посреднические услуги, а также поступление на внутренний рынок широкого спектра дефицитных для российской действительности того периода зарубежных товаров, включавших шерстяное сукно и льняное полотно, шелковые и сатиновые ткани,

ковры, драгоценные камни и оружие из дамасской стали, изделия из стекла, железо, медь, олово и свинец, предметы искусства, фрукты, специи продукты питания, селедка, вино, пиво, соль и др. [3,16].

Ассортиментный состав поставляемых русскими купцами товаров в европейские страны, Византию и страны Востока традиционно составляли зерно, меха, мед, воск, клыки моржей, узды, седла, кожи, лес, пенька, бочки, а также захваченное в многочисленных войнах население, продаваемое в рабство. Из стран ближнего и дальнего зарубежья на русский рынок поставлялись шерстяное сукно и льняное полотно, шелковые и сатиновые ткани, ковры, драгоценные камни и оружие из дамасской стали, изделия из стекла, железо, медь, олово и свинец, предметы искусства, фрукты, специи продукты питания, селедка, вино, пиво, соль и др. [3,16].

Внешняя торговля Московского государства в XVI–XIX вв. являлась неотъемлемой и важнейшей составляющей на всех этапах его развития. Еще при Василии III шведским купцам была предоставлено право ведения свободной торговли во всей России, содержания своего подворья в Новгороде. При правлении первого русского царя Ивана IV (Грозного) голландским купцам были предоставлены особые привилегии, позволявшие им вести торговлю без обложения налогами. После окончания Ливонской войны заключенным со Швецией соглашением шведскому купечеству предоставлялось право торговли во всех крупных городах Московского царства и свободного провоза через его территорию купленных в странах Азии товаров. Взамен московские купцы могли торговать в самой Швеции, а также через ее территорию — в Голландии, Англии, Дании и Испании [4,16].

В XVII в. возникает и развивается товарная специализация торговли, появляются

ярмарки как организованная форма ведения торговли, формируется всероссийский рынок и купеческое сословие, состоящее из трех сословных групп-гостей, а также торговых людей гостинной и суконной сотен с выборными представителями и старшинами, пользовавшимися определенными организационными и административными правами.

Вместе с тем развитие внешней торговли Русского царства сопровождалось ожесточенной борьбой российского купечества с гегемонией и недобросовестной конкуренцией на внутренних рынках страны иностранных купцов, свободно пересекавших русскую границу и в целях захвата российского рынка скупавших через своих агентов по низким ценам и в наиболее выгодное время российские товары с последующей их продажей под иностранными марками и клеймами.

В этих условиях актуальнейшей задачей государства являлось обеспечение защиты отечественного внешнеторгового предпринимательства от нечестной торговли иностранцев, получившее последовательное воплощение в высочайше утвержденных в 1653 г. и в 1667 г. Торговом и Новоторговом уставах.

Анализ и обобщение норм и требований указанных документов свидетельствует о том, что они являлись системообразующим фактором, определяющим основные направления российской внешнеторговой политики, в соответствии с которой:

- для русских купцов предусматривалась отмена сохранявшихся со времен феодальной раздробленности многочисленных мелких торговых сборов с введением единого порядка и размеров взимания пошлин: «...С продажи всяких товаров русским людям платить пошлину: с весчих товаров по 10 денег с рубля, с невесчих — по 8 денег с рубля,

с денег, привозимых торговцами на покупку товаров, — также по 8 денег с рубля. А отвозных пошлин с русских людей с товаров ни с каких не иметь...». Отменялись также проезжие пошлины, ранее выплачиваемые русскими купцами при провозе товара через внутренние города, с сохранением сборов на гостиних дворах и переправах через широкие реки. Объединение русских торговых людей в создаваемые на комиссионной основе торговые компании, а также организация помощи мелкотолевому предпринимательству. Поощрялось ведение русскими купцами оптовой торговли, вывоз русских товаров за границу, продажа своих и беспошлинное приобретение иностранных товаров во всех порубежных городах. Вводились способствующие интересам крупного и среднего купечества ограничения на ведение мелко стихийного торгова вне традиционных торговых мест и лавок; Устанавливалось осуществление процедур таможенного оформления выборным лицом из верхушки купечества — таможенным головой, а также изъятие из ведения воевод решение вопросов судопроизводства по торговым делам, организации торговли и таможенной службы с передачей их «...гостю с товарищи, чтобы великого государя казне в зборах поруки не было» [3,4,5,16];

- для иностранных купцов, продававших товары внутри России, предусматривалось введение, жесткой регламентации правил торговли с установлением для них повышенной пошлины в размере 6 % от цены товара во внутренних таможах и 2 % проезжих пошлин в пограничных таможах при вывозе русских товаров. Устанавливались строгая регламентация учета товаров, особые таможенные тарифы и порядок досмо-

тра товаров. Категорически под страхом конфискации товаров запрещалось брать подряды, вести розничную торговлю, обмениваться товарами между собой, продавать их русским купцам, не живущим в городах, в которых осуществляется торговля. Вводились общий запрет на торговлю иностранцев во внутренних городах Русского царства и ограничения по месту (пограничные города), времени (сроки ярмарок) и перечню продаваемых иностранцами товаров, в соответствии с которыми ведение торговли с западными европейцами должно было осуществляться только в Архангельске, Пскове и Новгороде; с Персией, Бухарой, Индией и Кавказом — в Астрахани; с Литвой и Польшей — в Смоленске; с народами, живущими у Черного моря — в Путивле. С европейских купцов при продаже товаров в Архангельске взималась рублевая пошлина в размере 4-5 % стоимости их товаров, в других городах — 6 %, при покупке русских товаров — 10 %. С восточных купцов в Архангельске и с купцов из Османской империи в Путивле и в Москве при продаже товаров взималась пошлина в размере 5 % от их стоимости, а при проезде в другие города — 10 %. Иностранцы, получавшие в индивидуальном порядке право на ведение торговли во внутренних городах, наряду с рублевой пошлиной должны были выплачивать еще проезжую пошлину золотом или ефимками в размере до 10 % от стоимости товара. К нарушителям установленных правил торговли применялись жесткие санкции вплоть до конфискации товара в пользу государства: «...А будет иноземцы товары свои заморские мимо тех граждан приезжим людям иного города учнут продавать или у них какие покупать, хотя и свалом, и те товары иметь на великого

государя. Учинить заказ крепкой, чтоб иноземец с иноземцом никакими товары не торговали и не продавали и не меняли, понеже великому государю в таможенных в зборех ево великого государя казне чинятся большие недоборы, а русским людем в торгах их помешка и изнищение чинитца. И будет иноземцы меж себя учнут торговать, а сыщется про то допряма, и те товары взять на великого государя...» [3,4,5,16];

- для всех купцов устанавливалась строгая система наказаний за нарушение правил торговли, предусматривающих безвозмездное изъятие у нарушителей в пользу государства товаров, а также применение к ним мер физического воздействия при повторном и последующих нарушениях: «...А для утаённых товаров таможенным головам и целовальникам посылать на дворы ко всяких чинов людем и к иноземцам безпенно, чтоб в избылых ни кто не был. А которые всякие чинов торговые люди учнут товары свои, жемчуг и камень, золото и серебро, и всякие узорочные и висячие и невисячие товары таити и продажной цены у товаров убавлявати: и у тех торговых людей те их товары имати на себя Государя безповоротно. А которые торговые люди объявятся с утаёнными товары и с убавочною ценою в другой ряд, или в третий; и тем людем, сверх тех их взятых товаров, чинить наказание, бить кнутом нещадно...» [3,4,5,16].

Таким образом, реализация норм и требований Торгового и Новоторгового уставов обеспечила формирование и реализацию в Московском государстве (Русском царстве) единой государственной политики в области внешнеторговой деятельности, что несомненно способствовало повышению эффективности ее осуществления и таможенного сопровождения.

Внешняя торговля России в XVIII–XIX вв. сопровождалась постоянным совершенствованием ее нормативного правового регулирования, организационных форм и способов ведения. Таможенным уставом 1755 г., дополненным в 1819 г. единой тарификацией таможенных ставок, устанавливался комплекс норм и требований по совершенствованию правового регулирования внешнеторговой деятельности, в соответствии с которыми:

- устранялись препятствовавшие развитию торговли внутренние таможенные границы, отменялись таможенные пошлины с внутренних торговых операций, а также 17 других видов сборов (таможенных и мелочных). При проведении экспортных и импортных поставок с торговцев взимались единая «внутренняя» и портовая (таможенная) пошлины. С иностранных купцов, желающих торговать в России, дополнительно взималась проезжая пошлина. Сборы пошлин передавались в ведение Коммерц-коллегии и осуществлялись деньгами в российских пограничных морских портах, на таможах и заставах. В целях компенсации финансовых потерь размер внутренней рублевой пошлины был увеличен до 13 %, она стала взиматься только с импортных и экспортных товаров на внешних границах в портовых и пограничных таможах. Осуществление контроля за качеством продаваемого товара и обязательным клеймением весов и других мер измерения возлагалось на магистратуры, ратуши и таможи;
- русским предпринимателям предоставлялись права на ведение торговли с учетом их сословной специфики. В частности, купцам предоставлялись права на ведение оптовой внешней и внутренней торговли, при этом, ведение ими роз-

ничной торговли могло осуществляться только в городах по месту записи в купечество. Дворянству разрешалось ведение оптовой внешней и розничной внутренней торговли, однако, торговать они могли только товарами, произведенными в своих имениях. Крестьянам дозволялось ведение розничной торговли съестными и лесными припасами на городских рынках только в первой половине дня, после полудня они могли правомерно продавать те же товары перекупщикам оптом без запрещенного предварительного сговора о цене. Кроме того, крестьяне могли вести торговлю изделиями промыслов согласно прилагаемого к Таможенному уставу реестра товаров в любое время. Ведение торговли разрешалось в крупных сельских поселениях, расположенных на больших дорогах не ближе 5,3 км от городов;

- иностранным купцам, записавшимся в российское купечество и получившим «вечное» российское подданство, предоставлялись равные с российскими купцами права и обязанности. Купцы, получившие указанный статус «на время» получали те же права, однако, освобождались от общественной службы с уплатой от 50 до 100 руб. в год, а при отъезде из России они должны были оставить в казне десятую часть своего капитала. Лица же, не имеющие российского подданства, могли продавать свои товары только оптом российским купцам;
- устанавливался комплекс различных взыскательных мер воздействия на недобросовестных продавцов, включающих, наложение штрафов, конфискацию товара, применение телесных наказаний. Подлежали наказанию также браковщики за недобросовестное обследование товара и приказчики, подложно торговав-

шие от имени своих хозяев. Вводились меры по борьбе с взяточничеством должностных лиц (представителей таможен, магистратов, органов местной власти), которые при выявлении получения ими взятки подлежали наказанию большим штрафом. В целях борьбы со злоупотреблениями и нарушениями правил внешней и внутренней торговли поощрялось доноительство на недобросовестных или уклонявшихся от уплаты пошлин торговцев. При выявлении по сведениям «информатора» указанных нарушений последний получал треть или половину конфискованного товара, остальное поступало в казну;

- вводилась единая система мер и действий по борьбе с контрабандой, предусматривающих взимание с контрабандиста штрафа в размере 10 % стоимости товара с выплатой этих денег в полном размере представителю таможенной службы, осуществившему задержание нарушителя. При взыскании такого штрафа с беспошлинных товаров, доставленных в таможенную, но не указанных в соответствующих документах, половина суммы передавалась чиновнику, установившему факт нарушения, а другая половина — всем остальным служащим данной таможни, что, безусловно, способствовало повышению их мотивации к добросовестному исполнению служебных обязанностей. Тайно провезенный пошлинный товар подлежал конфискации с одновременным взысканием с виновного пятикратной пошлины. Скрытый от обложения пошлиной товар также подлежал конфискации с одновременным взысканием с нарушителя пошлины в однократном размере. Выявленные товары, запрещенные к ввозу и вывозу, также подлежали конфискации с взысканием с контрабандиста пени

в размере, соответствующем двойной цене проданного в России товара [7,16].

Последующие многократные дополнения таможенного тарифа (1824 г., 1825 г., 1830 г., 1831 г., 1836 г., 1838 г., 1841 г.) были направлены на повышение защищенности российских товаропроизводителей и предусматривали:

- обложение низкими пошлинами необходимых для государства товаров, производство которых возможно и в России;
- беспошлинный провоз востребованных и не производимых в России иностранных товаров;
- всепрощение ввоза иностранных товаров, конкурирующих с отечественной промышленностью;
- обложение высокой пошлиной предметов роскоши и товаров, которые могут производиться в стране;
- освобождение от пошлин сырья, вывозимого из России в Польшу и обратно;
- полное запрещение ввоза некоторых товаров (железо, чугун, набивные ткани, пиво, цикорий) [7,16].

Обобщая рассмотренные внешнеторговой деятельности Московского государства и Российской империи в XVI–XIX вв. представляется возможным заключить, что реализованный комплекс мер и действий по правовому регулированию данной сферы несомненно способствовал формированию и реализации в ней единой государственной политики, обеспечению устойчивого развития, функционирования и таможенного сопровождения всех форм внешнеторгового товарообмена.

Внешняя торговля России в начале XX в. характеризуется увеличением интенсивности внешнеторгового товарооборота, общий объем которого за 1901–1913 гг. по отношению к 1900 г. составил более 112 %. Однако, доля России в мировом торговом обороте оставалась невысокой

и составляла по экспорту и импорту 4,2 % и 3,5 % соответственно. Количественные показатели оборота внешней торговли России за указанный период приведены в табл. 1 [8].

Их анализ свидетельствует о стабильно положительном сальдо внешнеторгового баланса, способствующем развитию экономики, обороны и социальной сферы государства.

Внешняя торговля советского периода развития России характеризуется осуществлением ее планового развития и функционирования во все периоды социально-экономического развития страны. В частности, после окончания Гражданской войны в период восстановления народного хозяйства (1921–26 гг.) в интересах развития отечественной лёгкой промышленности в импортных поставках преобладали сырьевые ресурсы (хлопок, шерсть, кожа), в то время как товарный ряд экспорта традиционно с дореволюционного периода включал: зерновые, составлявшие до 37,8 % общего объема экспорта, лес и лесоматериалы — 13 %, нефть и нефтепродукты — 11 %, пушнина — 5 % [9,16].

За годы первой пятилетки (1929–32 гг.) объём внешней торговли был существенно увеличен, особенно по группе импортных товаров. В частности, в 1932 г. в сравнении с 1929 г. в общем объеме импортных поставок удельный вес машин и оборудования возрос до 55,7 % (в 1929 — 30,1 %), чёрных и цветных металлов — до 20,1 % (в 1929 г. — 7,6 % и 12,8 % соответственно) [9,16].

В условиях великой депрессии системы капиталистического производства (1933–1938 гг.), а также в связи с ростом объемов продукции советского машиностроения внешнеторговый оборот последовательно сокращался особенно по импорту машин и оборудования, удельный вес кото-

Таблица 1

Количественные показатели внешнеторгового оборота России за 1901–1913 гг.

Годы	Вывоз/ввоз, тыс. руб.					Превышение (+), дефицит (-)
	Виды товаров					
	Жизненные припасы	Сырье и полуфабрикаты	Животные продукты	Фабрично- заводские изделия	Итого	
1901	442413/ 118368	259473/ 304547	20567/ 4014	39129/ 166495	860332/ 593425	+266907
1905	712458/ 30208	297335/ 325586	16278/ 3549	51254/ 176044	1077325/ 635087	+324715
1910	927517/ 191462	436934/ 554386	30120/ 10791	54514/ 327807	1449085/ 1084446	+364639
1911	1017550/ 206909	482029/ 553143	26390/ 10997	65443/ 390633	1591411/ 1161682	+429729
1912	821500/ 209600	589000/ 555500	31000/ 12000	77300/ 394610	1518800/ 171800	+347000
1913	839900/ 237900	561000/ 668000	34400/ 17600	84900/ 450510	1520100/ 374000	+146100

Источник: Составлена авторами [8]

рых по отношению к отечественному производству такой продукции к 1938 г. составлял уже менее 1 %. Экспортный товарный ряд в сравнении с дореволюционной Россией был значительно расширен с включением в него химикалий, различных видов транспортных средств, обработанных и полубработанных сырьевых товаров [9,16].

В период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) внешняя торговля обеспечивала удовлетворение военных потребностей государства и была связана с предоставлением союзниками помощи СССР в соответствии с законом о ленд-лизе [9,16].

В послевоенный период экономический рост СССР и возникновение нового мирового социалистического рынка привели к существенному увеличению внешнеторгового оборота с социалистическими странами, который в 1950 г. в сравнении с 1946 г. возрос более чем в три раза. Показатели внешнеторгового оборота СССР за 1950–1985 гг. приведены в табл. 2.

Современное состояние внешней торговли Российской Федерации, несмотря на постоянное расширение спектра санкционных ограничений США и Евросоюза,

а также негативного воздействия последствий глобальной чрезвычайной ситуации биолого-социального характера, вызванной пандемией COVID-19, имеет в целом положительную динамику и характеризуется последовательным расширением товарного ряда и увеличением объемов внешнеторгового оборота.

По данным Федеральной таможенной службы России общий объем внешнеторгового оборота по итогам 2021 г. увеличился на 37,9 % в сравнении с 2020 г. и составил \$784.4 млрд, превысив результаты докризисных 2018–2019 гг. Сальдо торгового баланса по итогам 2021 г. сохранилось положительным и составило \$197,3 [10,11].

Общий объем экспорта российских товаров в сравнении с 2020 г. увеличился на 45,7 % и составил \$493,3, что обусловлено в основном низкой базой 2020 г. и значительной мировой инфляцией в течение всего 2021 г. Основную товарную структуру российского экспорта (в % от общего объема) в 2021 г. составляли: топливно-энергетические товары и минеральные продукты — 57,4 % (2020 г. — 51,19 %); металлы и изделия из них — 10,65 %

Таблица 2

Внешнеторговый оборот СССР 1950-1985 гг. (млрд руб. в ценах соответствующих лет)

Годы	Торговый оборот	Экспорт	Импорт
1950	2,9	1,6	1,3
1960	10,1	5,0	5,1
1970	22,1	11,5	10,6
1980	94,1	49,6	44,5
1985	142,1	72,8	69,3

Источник: Составлена авторами [9,16]

(2020 г. — 10,37 %); продукция химической промышленности — 7,85 % (2020 г. — 7,11 %); продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё — 7,48 % (2020 г. — 8,80 %); драгоценные металлы и камни — 6,58 % (2020 г. — 9,03 %); машины, оборудование и транспортные средства — 5,35 % (2020 г. — 5,73 %); древесина и целлюлозно-бумажные изделия — 3,54 % (2020 г. — 3,68 %) [10,11].

Общий объем российского импорта в 2021 г. в сравнении с 2020 г. увеличился на 26,5 % и составил 296,1 млрд долл. Товарную структуру российского импорта в % от общего объема в 2021 г. составляли: машины, оборудование и транспортные средства — 47,26 % (в 2020 г. — 44,35 %); продукция химической промышленности — 19,06 % (в 2020 г. — 18,32 %); продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё — 12,05 % (в 2020 г. — 12,84 %); металлы и изделия из них — 7,22 % (в 2020 г. — 6,84 %); текстиль и обувь — 6,03 % (в 2020 г. — 6,31 %); минеральные продукты — 1,98 % (2020 г. — 1,90 %); древесина и целлюлозно-бумажные изделия — 1,47 % (в 2020 г. — 1,49 %) [10,11].

По группам стран доля основных участников в общем объеме российского внешнеторгового товарооборота в 2021 г. со-

ставляла: ЕС — 35,9 %; АТЭС — 33,3 %; СНГ — 12,2 %; ЕАЭС — 8,8 %; другие — 9,8 % [10,11].

В страновой структуре доля основных участников в общем объеме российского внешнеторгового товарооборота в 2021 г. составила:

- Китайская народная республика — 17,9 %;
- Германия — 7,3 %;
- Нидерланды — 5,9 %;
- Беларусь — 4,9 %;
- США — 4,4 %;
- Турция — 4,2 %;
- Италия — 4,0 %;
- Республика Корея — 3,8 %;
- Великобритания — 3,4 %;
- Казахстан — 3,3 %;
- Другие страны — 40,9 % [10,11].

Вместе с тем анализ результатов российской внешней торговли за 2021 г. свидетельствует о существовании в ней хронической проблемы, связанной с наличием в экспортной части внешнеторгового оборота высокой доли продукции с низкой добавленной стоимостью, представленной преимущественно необработанными сырьевыми ресурсами (сырая нефть, газ, металлические руды и металлы, прошедшие лишь первичную обработку, необработанный лес

и др.). Причинно-следственными связями формирования и углубления данной проблемы является снижение в первые десятилетия становления российской рыночной экономики роли науки и инноваций в обеспечении качественного инновационного развития производственной сферы как одного из ключевых факторов всей системы внешнеторговой деятельности, оснащении ее современными и высокоэффективными технико-технологическими системами, обеспечивающими выпуск высокотехнологичной, конкурентоспособной и востребованной на рынках продукции, выполнение работ и оказание услуг. В частности, общие расходы на выполнение и внедрение в производство результатов НИОКР в США и Японии составляют более 3 % ВВП, в странах Евросоюза — около 2 %, в то время как в России общие затраты на эти цели составляют менее 1 % ВВП, а ее доля на мировых рынках высокотехнологичной продукции не превышает 0,3 % или в 130 раз меньше, чем в США. По этой причине внедрение в промышленное производство результатов многочисленных научных разработок в области создания высокоэффективных инновационных технологий затягивается на длительные сроки,

оказывая негативное воздействие на все формы внешнеторговой деятельности.

Магистральные направления решения указанной и совокупности других проблем социально-экономического развития Российской Федерации и связанной с ним внешнеторговой деятельности определены Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в соответствии с которым Правительством Российской Федерации в указанный период должны быть обеспечены:

- создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами [2,16];
- формирование в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг глобальных конкурентоспособных не сырьевых секторов, общая доля экспорта товаров (работ, услуг) которых составит не менее 20 процентов валового внутреннего продукта (ВВП) страны [2,16];

Таблица 3

Динамика и прогноз развития мирового информационного рынка

Сфера ИТ	Объем рынка 2020 г., \$ млрд	Объем рынка 2021 г., \$ млрд (прогноз)	Объем рынка 2022 г., \$ млрд (прогноз)
Объем рынка 2022 г., \$ млрд (прогноз)	219,9	236,8	247,5
Корпоративное ПО	466,6	516,9	571,7
Устройства и техника	663,2	755,8	778,9
ИТ-услуги	1021,2	1112,6	1193,5
Телекоммуникации	1386,5	1450,4	1504,7
Итого	3757,5	4072,5	4296,4

Источник: Составлена авторами [14]

- достижение объема экспорта (в стоимостном выражении) не сырьевых не энергетических товаров в размере 250 млрд долларов США в год, в том числе продукции машиностроения — 50 млрд долларов США в год и продукции агропромышленного комплекса — 45 млрд долларов США в год, а также объема экспорта оказываемых услуг в размере 100 млрд долларов США в год [2,16].

Выполнение поставленных задач несомненно будет способствовать осуществлению технико-технологического прорыва в экономическом развитии страны с повышением на данной основе эффективности всей системы ее внешнеторговой деятельности.

Важной особенностью функционирования всей системы внешнеторговой деятельности Российской Федерации в современных условиях является формирование глобального информационного общества, в соответствии с концепцией З. Бжезинского, Д. Белла, О. Тоффлера являющегося «разновидностью постиндустриального общества, становление которого осуществляется с доминированием «четвертого», информационного сектора экономики, следующего за тремя известными секторами — сельским хозяйством, промышленностью и экономикой услуг. При этом, капитал и труд, как основа индустриального общества, уступают место информации и знаниям в информационном обществе» [12,15].

Одним из системообразующих факторов формирования глобального информационного общества является создание современных цифровых технологий, внедрение которых в практику всех сфер жизнедеятельности принято называть цифровизацией. В Окинавской хартии (2000 г.) глобального информационного общества указывается, что «...информационно-коммуникационные технологии являются од-

ной из самых мощных сил в формировании общества двадцать первого века» [13,15].

Формирование глобального информационного общества сопровождается стремительным ростом информационного рынка, включающего рынок программно-аппаратных средств, телекоммуникаций, информационно-коммуникационных технологий, информационных услуг в финансовой сфере и др. Если в 1995 г. общий товарооборот на мировом информационном рынке в стоимостном выражении составлял около \$2 трлн, то к 2020 г. его объем увеличился более чем в два раза (\$4,058 трлн), а в 2021 г. и в 2022 г. прогнозируется дальнейший рост информационного товарооборота на 8,4 % в сравнении с 2020 г. [14,15].

Динамика и прогноз развития мирового информационного рынка в 2020–2022 гг. приведены в табл. 3.

В последующем прогнозируется еще большее возрастание темпов развития информационного рынка с двукратным через каждые пять-шесть лет увеличением стоимостного объема его товарооборота.

Цифровая экономика приводит к стремительному развитию электронной коммерции, обеспечивая отечественным предприятиям возможность формирования активной внешнеэкономической деятельности через торговлю в онлайн-пространстве.

Распространение цифровых технологий, использование информации становятся очень важным ресурсом, поскольку они позволяют оптимизировать процессы, внедрять инновации в продукты, совершенствовать процесс принятия решений и прогнозировать будущие события, имеют большой потенциал в областях, тесно связанных с социальной и экономической сферами.

Внедрение цифровых технологий способно принести в экономику и связанную

с ней систему внешнеторговой деятельности широкий спектр преимуществ, включая доступ к новым рынкам, осуществление внешнеторгового товарообмена с использованием сети Интернет, снижение различного рода издержек, контроль за качеством, производством и перемещением товаров, увеличение прозрачности их реализации на рынке, предоставление услуг на территории страны и за ее пределами, сокращение объема документирования процедур таможенного сопровождения внешнеторговых операций и др. [15].

Все это несомненно будет способствовать повышению эффективности внешнеторговой деятельности Российской Федерации и увеличению ее интегрированного вклада в реализацию программ и планов развития экономики страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Внешняя торговля Российской Федерации является одним из основополагающих и системообразующих факторов развития ее экономики, так как ее функционирование способствует ежегодному приращению существенной части государственного бюджета и формированию до 49 % ВВП страны, увеличению возможности технико-технологического совершенствования производственных секторов экономики, оптимизации использования природных и трудовых ресурсов, сокращению безработицы, возрастанию на данной основе эффек-

тивности производства и доходов объектов экономики и населения.

2. Серьезнейшим препятствием повышения эффективности внешней торговли является комплекс проблем, связанных с продолжающимися санкционными ограничениями США и стран Евросоюза в торговой политике с Россией, а также сформировавшимися в результате многочисленных реформ при переходе к рыночной экономике резким снижением отечественного научного-производственного потенциала и дефицитом инженерно-технических кадров и специалистов высокотехнологичных рабочих профессий, наличием на данной основе в экспортной части торгового оборота страны высокой доли продукции с низкой добавленной стоимостью, представленной преимущественно необработанными сырьевыми ресурсами.
3. Решение указанных проблем и выполнение поставленных Президентом Российской Федерации задач по созданию и обеспечению функционирования в производственной и агропромышленной сфере экспортно ориентированных секторов несомненно будет способствовать осуществлению технико-технологического прорыва в экономическом развитии Российской Федерации и повышению на данной основе эффективности внешней торговли в реальных условиях современного мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ, собрание законодательства Российской Федерации от 15 декабря 2003 г. № 50 ст. 4850.
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204.

3. Торговля и торговые пути на территории Киевской Руси. URL: <https://histua.com/ru/istoriya-ukraini/kievskaya-rus/torgovlya-i-torgovye-puti-na-territorii-kievskoj-rusi-put-iz-varyagov-v-greki-grecheskij-put> (дата обращения: 12.10.2021).
4. Торговля Московского государства. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1406157> (дата обращения: 12.10.2021).
5. Торговый устав (1653). URL: https://yandex.ru/search/?lr=213&clid=2242347&text=suggest_B (дата обращения: 22.10.2021).
6. Новоторговый устав (1667). — URL: <https://study.shmat.by/novotorgovyiy-ustav-1667-g/> (дата обращения: 10.10.2021)
7. Таможенный устав (1755). — URL: <https://base.garant.ru/55005311/> (дата обращения: 20.10.21).
8. Статистика внешней торговли России в 1900–1913 гг. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Stat/23.php (дата обращения: 24.10.2021).
9. Внешняя торговля СССР: Стат. сб./ М-во внеш. торговли. Москва: Финансы и статистика; 1985. 280 с.
10. Российский товарооборот в 2021 году. — URL: <https://journal.open-broker.ru/research/vneshnyaya-torgovlya-rossii-itogi-2021-goda/> (дата обращения: 20.01.2022).
11. Роль внешней торговли в экономике России. URL: https://studme.org/124922/ekonomika/rol_vneshney_torgovli_ekonomike_rossii (дата обращения: 20.10.2021).
12. Окинавская хартия Глобального информационного общества 2000 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 20.10.2021)
13. Информация. Информационное общество. URL: <https://lektsia.com/4x2457.html> (дата обращения: 20.10.2021)
14. Основные направления и перспективы развития мирового рынка в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. URL: https://sudact.ru/law/rasporyazhenie-pravitelstva-rf-ot-14082019-n-1797-r/strategiia-razvitiia-eksporta-uslug-doi/ii/4_1/osnovnye-napravleniia-i-perspektivy-razvitiia_3/ (дата обращения: 29.10.2021).
15. Красных С. С. Развитие внешнеторговой деятельности регионов в условиях цифровизации международной торговли: дисс. на соискание уч. ст. кэн. Екатеринбург: Уральское отд. РАН, 2021. 164 с.
16. Добровольский Л.В. Возникновение, эволюция и современное состояние международной торговли. *Автомобиль. Дорога. Инфраструктура*. 2018;4(18):20.

REFERENCES:

1. On the basics of State Regulation of Foreign Trade Activity: Federal Law No. 164-FZ of December 8, 2003, Collection of Legislation of the Russian Federation No. 50, Article 4850 of December 15, 2003 (In Russ).
2. On National goals and Strategic objectives of the Development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018, No. 204 (In Russ).
3. Trade and trade routes on the territory of Kievan Rus. URL: <https://histua.com/ru/istoriya-ukraini/kievskaya-rus/torgovlya-i-torgovye-puti-na-territorii-kievskoj-rusi-put-iz-varyagov-v-greki-grecheskij-put> [Accessed: 12.10.2021] (In Russ).
4. Trade of the Moscow state. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1406157> [Accessed: 12.10.2021] (In Russ).
5. Trade Charter (1653). URL: https://yandex.ru/search/?lr=213&clid=2242347&text=suggest_B [Accessed: 22.10.2021] (In Russ).

6. New Trade Charter (1667). URL: <https://study.shmat.by/novotorgoviy-ustav-1667-g/> [Accessed: 10.10.2021] (In Russ).
7. Customs Charter (1755). URL: <https://base.garant.ru/55005311/> [Accessed: 20.10.2021] (In Russ).
8. Statistics of Russia's foreign trade in 1900-1913 — URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Stat/23.php (Date of circulation — 24.10.2021) (In Russ).
9. Foreign trade of the USSR: Stat. sat./ M-in external. trade. Moscow: Finance and Statistics; 1985. 280 p. (In Russ).
10. Russian trade turnover in 2021. URL: <https://journal.open-broker.ru/research/vneshnyaya-torgovlya-rossii-itogi-2021-goda>. [Accessed: 20.01.2022] (In Russ).
11. The role of foreign trade in the Russian economy. URL: https://studme.org/124922/ekonomika/rol_vneshney_torgovli_ekonomike_rossii [Accessed: 20.10.2021] (In Russ).
12. Okinawa Charter of the Global Information Society 2000. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> [Accessed: 20.10.2021] (In Russ).
13. Information. Information Society. URL: <https://lektsia.com/4x2457.html> [Accessed: 20.10.2021] (In Russ).
14. The main directions and prospects for the development of the world market in the field of information and telecommunication technologies. URL: https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-14082019-n-1797-r/strategiia-razvitiia-eksporta-uslug-do/ii/4_1/osnovnye-napravleniia-i-perspektivy-razvitiia_3/ [Accessed: 29.10.2021] (In Russ).
15. Krasnykh S. S. Development of foreign trade activity of regions in the conditions of digitalization of international trade: diss. for the application of the uch. art. ken. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2021. 164 p. (In Russ).
16. Dobrovolsky L.V. The emergence, evolution and current state of international trade. *Automobile. Road. Infrastructure*. 2018;4(18):20 (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Леонид В. Добровольский, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;

dobrovolsky.l@mail.ru

Аделина Ш. Ногмова, Кандидат политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;

adelinamid@mail.ru

Leonid V. Dobrovolsky, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;

dobrovolsky.l@mail.ru

Adelina S. Nogmova, Candidate of Sciences (Politics), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;

adelinamid@mail.ru

Новый популизм в новой Европе: венгерский и польский примеры в научном дискурсе

Сергей П. Артеев¹, Дмитрий С. Буневич², Максим И. Сигачёв³

¹ *Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия,*

artsp7@yandex.ru

² *Институт русско-польского сотрудничества, Москва, Россия,*

d.bunevich@rospol.org

³ *Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия,*

maxsig@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается феномен нового популизма в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) на примере таких стран-членов Вишеградской группы как Венгрия и Польша. В качестве объекта исследования выступает научный дискурс, а предметом является его сегмент, прямо или косвенно связанный с популизмом в ЦВЕ. Выявляются основные проблемы, аспекты и позиции, существующие в научном сообществе по тематике популизма. В статье исследуются вопросы, относительно того, являются ли популисты стран ЦВЕ носителями потенциала альтернативности. Также в материале поднимается проблема о модели миропорядка и возможности проектирования восточноевропейской альтернативы развития. Ответам на эти исследовательские вопросы уделяется наибольшее внимание. Кроме того, в статье намечаются возможные перспективы развития научного дискурса популизма, в том числе в сравнительно-политическом ключе.

Ключевые слова: популизм, правый популизм, правый радикализм, Фидес, Орбан, Право и справедливость

Для цитирования: Артеев С.П., Буневич Д.С., Сигачёв М.И. Новый популизм в новой Европе: венгерский и польский примеры в научном дискурсе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(1):92–110. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-92-110>

Статья поступила: 24.01.2022

Принята в печать: 27.02.2022

Опубликована: 30.03.2022

The New Populism in New Europe: Hungarian and Polish Examples in the Scientific Discourse

Sergey P. Arteev¹, Dmitry S. Bunevich², Maksim I. Sigachev³

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia,

artsp7@yandex.ru

² The Institute for Russian-Polish Cooperation, Moscow, Russia,

d.bunevich@rospol.org

³ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia,

maxsig@mail.ru

Abstract: The article analyzes the phenomenon of new populism in Central and Eastern Europe, taking as an example such countries as Hungary and Poland. The object of research is scientific discourse, and the subject is its segment, directly or indirectly related to populism in CEE. The main problems, aspects and positions that exist in the scientific community on the topic of populism are identified. This article explores the questions of whether populists in CEE countries are bearers of the potential for alternativeism. The piece also raises the problem of the model of the world order and the possibility of projecting an Eastern European alternative development. Most attention is paid to the answers to these research questions. In addition, the article outlines possible prospects for the development of the scientific discourse of populism, including in a comparative political key.

Keywords: populism, right-wing populism, right-wing radicalism, Fidez, Orban, Right and Justice

For citation: Arteev S.P., Bunevich D.S., Sigachev M.I. The New Populism in New Europe: Hungarian and Polish Examples in the Scientific Discourse. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(1):92–110. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-92-110>

Received: 24.01.2022

Revised: 27.02.2022

Published: 30.03.2022

ВВЕДЕНИЕ

В рамках изучения современного популистского дискурса особое место занимают исследования восточноевропейского популизма. Именно в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) популистам-евроскептикам удалось добиться наибольших

успехов и прийти к власти в таких государствах как Венгрия и Польша. Венгерский и польский кейсы важны также в качестве примеров двух этномиров (сообществ, зачастую не институализированных и слабо консолидированных, действующих на ос-

нове этнической, языковой и культуральной идентичности) — финно-угорского¹ и славянского, что придаёт им дополнительную цивилизационную специфику. Региональной особенностью правых популистов ЦВЕ является присущее им мессианское понимание национальной идеи — своеобразный национал-максимализм, нашедший своё воплощение в таких концепциях как «Великая Венгрия» и «Великая Польша».

Ключевой научной проблемой является выявление специфики восточноевропейского популизма на примере Венгрии и Польши. Кроме того, важны ответы на исследовательские вопросы относительно того, являются ли популисты стран ЦВЕ носителями потенциала альтернативности, способны они предложить альтернативную модель миропорядка и иной вариант мироустройства, можно ли говорить о популистском проектировании восточноевропейской альтернативы развития.

Исходя из обозначенной исследовательской проблемы, Новая Европа понимается двояко. В первую, очередь, под ней подразумеваются так называемые «младоевропейцы» — новые страны-члены ЕС, бывшие младшие партнеры Советского Союза, ядром которых является Вишеградская группа. Во-вторую очередь, данный концепт включает в себя и понимание в качестве проекта Альтер-Европы, Молодой Европы. В данном контексте альтеревропеизм, неоевропеизм, младевропеизм может трактоваться как альтернативная модель европейского развития, носителем которого выступает регион ЦВЕ.

ЧЕРТЫ НОВОГО ПОПУЛИЗМА

С социально-философской точки зрения главной отличительной чертой нового популизма по отношению к старому может считаться их принадлежность к разным историческим эпохам. Палеопопулизм классического типа — это феномен XX в., обусловленный «восстанием масс» в рамках индустриального общества эпохи Модерна. Неопопулизм, напротив, возникает на рубеже XX–XXI вв., уже после окончания «холодной войны», как проявление постиндустриальных, постмодернистских тенденций. Следующим важным отличием нового популизма по отношению к старому является его относительная мягкость, гибридность, тогда как классический популизм характеризовался более жёстким, непримиримым, крайним характером. В качестве примера палеопопулиста можно привести создателя французского «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пена, тогда как его дочь Марин Ле Пен — уже политик неопопулистского толка, что отразилось даже в изменении в 2018 г. названия партии с более воинственного и боевого «Национального фронта» на более примирительное и консолидирующее «Национальное объединение». Подводя итог рассмотрения отличительных характеристик неопопулизма по отношению к палеопопулизму, можно отметить, что новому популизму присущ больший акцент на «суверенизме» и «идентаризме», выражающийся в апелляции к принципам национального суверенитета и национальной идентичности, равно как и использование

¹ При В. Орбане в Венгрии также стала более активно продвигаться теория о тюркском происхождении венгров. В 2018 г. Венгрия в качестве наблюдателя вошла в Тюркский совет, членами которого являются Турция, Казахстан и др. Финно-угорская и тюркские теории происхождения венгров — давние конкуренты в венгерском общественном сознании. И выход на авансцену одной из этих теорий обычно является не столько результатом научных изысканий, сколько обусловлен текущей политической конъюнктурой в тот или иной период. Например, в 1990-2000-е гг. Венгрия позиционировала себя как финно-угорская страна. В то же время с лингвистической точки зрения венгерский язык однозначно относится к финно-угорской группе уральской языковой семьи.

новых информационно-коммуникативных технологий” [1, с. 463].

Российские ученые уделяют пристальное внимание изучению Вишеградской группы (В4) — объединения Венгрии, Польши, Словакии и Чехии. В ходе изучения данной тематики Институт Европы РАН как ведущий научный центр в этой области подготовил фундаментальную монографию [2], многие положения которой не утратили актуальность и спустя десятилетие после публикации. Исследователем из ИМЭМО РАН Ф.А. Басов фокусируется на эволюции партийной системы государств В4, указывая, что в Венгрии сегодня наблюдается четкое деление на два лагеря — демократические и националистические партии [3]. Также, по его мнению, популистские элиты В4 способны выдвигать общеевропейские инициативы, которые стимулируют более тесную интеграцию. Однако лидеры В4 считают целесообразным реализовывать их, прежде всего, на межправительственном уровне [4]. Изучение этой региональной межгосударственной группировки формирует более полный образ не только стран В4 и Венгрии, но и избавляет политические элиты этих государств от стереотипизированного негативно нагруженного восприятия, характерного для либерального научного и, особенно, общественно-политического дискурса.

ВЕНГЕРСКИЙ КЕЙС

Исследователи, занимающиеся проблематикой популизма, традиционно уделяют значительное внимание сущности этого актуального понятия, вокруг которого разворачиваются острые дебаты не только в общественно-политическом поле, но и в научных кругах. Авторы указывают на разные подходы к сущности популизма: идеология, политическая технология, особая культурная традиция... [5; 6]

Несомненным достижением научной мысли последнего десятилетия следует считать признание популизма в качестве долгосрочного системного политического явления. Именно такую трактовку обосновывают в своих статьях Л.Г. Фишман [5], С.В. Бирюков и А.А. Коваленко [7] и другие исследователи [8].

Методологически явление популизма в Венгрии исследуется преимущественно в компаративном ключе. Чаще всего анализируются особенности венгерских политических реалий в контексте соседних государств Центрально-Восточной Европы, что видно на примерах работ В.А. Ачкасова [9], С.В. Бирюкова и А.А. Коваленко [10], Х. Вайса [11]. В отличие от своих коллег Х. Вайс более смело подходит к выбору кейсов для сравнительного анализа, так как помимо Чехии, Словакии, Венгрии и Польши он берет еще и Австрию. Греческий исследователь Т. Паппас также оригинально применяет кейс-стади и рассматривает особенности функционирования популистских режимов в Венгрии и Греции [12]. Хотя попытки сравнить модели популизма в регионах с сильно отличающейся политической культурой предпринимались и до того, как тематика популизма стала мейнстримом [13]. Так в работе К. Вейланда, вышедшей на рубеже XX–XXI вв., в качестве основы для сравнения выступает полупериферийный статус Центрально-Восточной Европы и Латинской Америки в мировой экономике и международных отношениях [13].

Причинность подъема популизма как общемирового феномена в 2000–2010-е гг. имеет сложную структуру. Известный ученый из ИМЭМО РАН К.Г. Холодковский [14] приходит к выводу, что популизм представляет собой реакцию на несбалансированность глобализации. Также, по его мнению, глобализацию невозможно повернуть вспять и глобальному гражданскому обще-

ству необходимо сосредоточиться на гармонизации происходящих процессов [14, с. 10-12.] Сходной позиции, на основе марксистской методологии (что само по себе встречается сегодня не часто), придерживается и А.В. Глухова, анализируя глобализацию через дихотомию выигравшие/проигравшие и острую антиэлитарную реакцию обществ восточно-европейских государств на издержки системной трансформации 1990–2000-х гг. [15].

Специфика венгерского популизма привлекает большое внимание академического сообщества. Ключевые параметры венгерского популизма схожи с популистскими феноменами в других государствах бывшего соцлагеря. В качестве основы национал-популизма в этой стране выступает фактор этнической и культуральной идентичности [9; 16]. Как указывает венгерский политолог А. Бозоки, популизм — часть венгерской культурной традиции, которая имеет длительную историю [6]. Иначе говоря, текущий подъем венгерского популизма — это политическая проекция фундаментального укоренившегося явления. В случае Венгрии подъем популизма обусловлен не только текущими процессами, но и тяжелым историческим наследием. По мнению М.В. Клиновой, электоральный успех популистов объясняется неудачной политикой левых сил, находившихся у власти во многих европейских странах еще 10–20 лет назад, и неэффективными действиями наднациональных органов власти ЕС, в частности, Еврокомиссии [17]. Существенную лепту вносит и столетняя, так до сих пор и непреодоленная «травма Трианона»², которая делает вопрос о сохранении венгерского этнического идентитета чрезвычайно чувствительным для венгерско-

го общества. Как отмечают И.Г. Жиряков и М.В. Барабанов [18], в условиях разочарования венгерского общества от ускоренной евроинтеграции премьер-министр Венгрии В. Орбан в поисках новых идеологических опор ревитализировал проект «Великая Венгрия» и включил его в политическую повестку, что усиливает евроскепсис. Отсюда и резкое неприятие массовой инокультурной миграции некоторыми политическими силами Венгрии [19]. Ревитализация имперского дискурса в политической повестке характерна для евроскептиков-популистов как внутри, так и за пределами ЕС. Многолетние неудачи Турции по вступлению в ЕС привели к реинкарнации нео-османского проекта с подачи премьер-министра, а затем и президента Турецкой Республики Р. Эрдогана, который также в своей деятельности демонстрирует популистские черты поведения и, как и В. Орбан, активно разыгрывает «мигрантскую карту» (пусть и с другими вводными) для достижения своих целей.

Проблематика миграции, в силу членства Венгрии в ЕС, тесно сопряжена с вопросами национального суверенитета и распределения властных полномочий между Брюсселем и Будапештом. Премьер-министр Венгрии В. Орбан и его партия ФИДЕС выступают в качестве одного из лидеров движения евроскептиков внутри ЕС. Сотрудник Венгерской академии наук, политолог А. Биро-Надь считает, что Орбану удалось максимально политизировать общеевропейский миграционный кризис в свою пользу и превратить страх венгров перед мигрантами в свой электоральный ресурс [20]. Профессора Будапештского университета им. Л. Этвёша И. Барна и Ю. Колтаи также указывают на уникальность венгерского

² По итогам Первой мировой войны в 1920 г. между Венгрией и странами-победительницами был подписан Трианонский мирный договор. По его условиям Венгрия утратила 70% территории, а 3 млн венгров оказались за пределами новых границ государства.

миграционного кейса в общеевропейском контексте, когда правящая партия ФИДЕС подогрела моральную панику в обществе и сумела кооптировать новых сторонников [21]. Исследователи солидарны в том, что восточноевропейский популизм и евроскептицизм — жестко связанные между собой явления. Именно такие выводы делает и А.Ф. Дырина на основе анализа ряда зарубежных публикаций [22].

Несмотря на признание в научном сообществе важной роли традиционных христианских ценностей для понимания феномена центрально-европейского популизма, религиозный фактор еще не подвергся глубокому всестороннему анализу. Как считают венгерские ученые З. Адам и А. Бозоки христианство выполняют для правых популистов функцию идеологической конструкции, из которой пытаются сформировать ядро венгерского этнонационализма [23]. В российском научном дискурсе следует выделить работы заместителя директора Института Европы РАН Р.Н. Лункина [24, 25]. На основе привлечения широкого круга источников и научной литературы автор делает оригинальный вывод о диалектическом характере взаимодействия между католической церковью и политическими организациями популистов. Как считает Р.Н. Лункин, между представителями церкви и популистами наблюдается сложный синтез противостояния и сотрудничества на разных уровнях [24].

Анализ актуального научного дискурса позволяет заключить, что популизм воспринимается как серьезная угроза демократическим ценностям и институтам. При этом, в силу незрелости политических институтов посткоммунистические государства считаются в этом плане менее устойчивыми по сравнению со странами Западной Европы и Северной Америки. Жесткий критик В. Орбана Б. Мадьяр ха-

рактеризует текущий политический режим Венгрии как мафиозный [26]. Болгарско-австрийский исследователь И. Крастев указывает, что венгерская демократия в правление В. Орбана деградирует [27]. Однако главная проблема, по его мнению, заключается не в этом, а в том, что теперь лоббируемая Венгрией повестка создает угрозу целостности ЕС [27]. Упомянутый выше Т. Паппас предлагает выделить особый тип политического режима — популистскую демократию [12]. Однако ряд зарубежных исследователей однозначно считают, что популисты у власти разрушают демократию, формируя вместо нее имитационные псевдодемократические институты [28]. Венгерский исследователь З. Адам из Университета Корвина полагает, что продолжающаяся пандемия COVID-19 может уменьшить популярность В. Орбана, обнажив несостоятельность антидемократических процедур в кризисной ситуации, и открыть оппозиции возможность для мобилизации своего электората [29]. Происходит поляризация Европы как макрорегиона, что в совокупности с Brexit и другими дезинтеграционными и контринституциональными факторами порождает особый исследовательский интерес к субрегиональной европейской проблематике.

Личность популистских лидеров всегда вызывала особый интерес исследователей, ведь, как правило, среди популистов нет недостатка в харизматиках. Венгерский историк-политолог Л. Кёрти из Университета г. Мишкольца считает, что феномен Орбана — это часть общемирового политического процесса [30], причем выходит, что в этот раз данный тренд зародился на полупериферии мировой системы и он укрепляет не только идеологию крайне правых, но и неолиберализм как политико-экономическую модель развития общества [30]. В свою очередь ведущий российский эксперт по Венгрии

Л.Н. Шишелина рассматривает популизм правящей венгерской партии ФИДЕС через комплексный анализ внутривнутриполитического и социально-экономического развития Венгрии. Как она считает, В. Орбан — политик, которому удается резонировать с запросами общества, что и обеспечивает его национальный и международный успех [31, 32, 33]. Однако не стоит преувеличивать склонность венгерского лидера к многовекторности во внешней политике. Как отмечает венгерский исследователь С. Вег, статус В. Orbana в качестве одного из главных «оппозиционеров ЕС» [34] создает границы, за которые он не выйдет, если не готов идти до конца, то есть вывести свою страну из ЕС.

ПОЛЬСКИЙ КЕЙС

Политические процессы в Польше традиционно находятся в фокусе пристального внимания российских исследователей и экспертов [35]. Этому способствуют, как богатая традиция и исторически сильная школа отечественной полонистики, так и объективно важная роль, которую Варшава играет в своём регионе и стремится сыграть в Европе в целом. Экономический, демографический, военный и политический потенциалы Польши достаточно высоки, а их проецирование в сферу внешней политики напрямую связаны с внутривнутриполитическими процессами в стране. Российские исследователи поэтому систематически анализируют внутреннюю динамику этих процессов. Не стала исключением и проблема политического популизма в Польше. Еще до того, как проблематика исследования популизма приобрела свою нынешнюю востребованность, российские полонисты уже обратили на неё внимание [36].

Проведенный анализ последних работ ведущих российских исследователей из авторитетных российских научных и эксперт-

ных центров (Институт Европы РАН, ИМЭМО РАН, СПбГУ, ИСл РАН, РГГУ, НИУ ВШЭ, Дипломатическая академия МИД России, Московский центр Карнеги и др.) позволяет выделить несколько основных подходов к пониманию и исследованию феномена польского политического популизма, представленного в науке.

К первой группе можно отнести те работы, в которых популизм рассматривается в цивилизационном контексте, как отражение особого исторического пути, пройденного польским обществом и государством, и отражающим (или даже воплощающим) сформировавшуюся в Польше самобытную политическую культуру. К числу авторов, разделяющих цивилизационный подход относятся, например, М.М. Саморуков и Н.А. Баранов. Так, представляющий Московский центр Карнеги, М.М. Саморуков при анализе политики лидера польских национал-популистов из «ПиС» отмечает, что «он настолько точно попадал в базовые черты польскости, что их невозможно было критиковать ни слева, ни справа, потому что такая критика выглядела бы как критика не Качиньского, а польской нации» [37]. Говоря же о результатах выборов в Европарламент, исследователь из Центра Карнеги также подчёркивал, что итоги голосования и высокие показатели поддержки польских и других восточноевропейских популистов, и вовсе отражают цивилизационный раскол Старого света [38].

Схожих оценок придерживается и представляющий СПбГУ Н.А. Баранов, который объясняет успехи польских популистов осознанием поляками их особой исторической роли в Европе и историческими травмами нации, связанными с опытом негативного взаимодействия с соседями, Россией и Германией. По его мнению, успех польских популистов прямо связан с тем, что они задели определённые

национальные комплексы, базирующиеся в т. ч. на идее цивилизационно обусловленной особенности Польши и необходимости её возрождения с опорой на католическую традицию и противостояние русским, немцам и наднациональным властям в Брюсселе [39, с. 28].

В целом в рамках цивилизационного подхода к феномену польского популизма подходит и известный отечественный исследователь-политолог Н.А. Медушевский. Так, рассуждая о причинах привлекательности популизма, он отмечает, что «он основан на мощной социальной поддержке, которая в свою очередь обусловлена формами исторической памяти поляков, связанной с историей их государства в XX в. и в более ранний исторический период» [40, с. 99]. По мнению исследователя, память о многочисленных кризисах сформировала в польской культуре нетерпимое отношение к религиозным и этническим меньшинствам, что в современных условиях воплотилось в мигрантофобии и неприятии европейских ценностей толерантности и диалога, что и привело к успеху политиков-популистов. Более того, Н.А. Медушевский специально подчёркивает, что «не партия правых популистов «Право и справедливость» формирует мнение общества, а сам электорат создаёт запрос...» [40, с. 99].

Другой подход, в рамках которого исследователи анализируют проблематику польского популизма, заключается в его рассмотрении в качестве реакции на глобализацию. В рамках этого подхода приход популистов к власти объясняется как ответ недостаточно модернизированных и успешных обществ на их вовлечение в процессы либеральной модели глобализации, в рамках которой они занимают не самые лучшие позиции в мировом разделении труда. Сами социально-политические модели популистов, сторонники данного подхода, не-

редко называют «новым авторитаризмом», подчёркивая как его связь с известными авторитарными моделями прошлого, так и принципиально иной характер обществ, в рамках которых этот «новый авторитаризм» существует.

Среди исследователей, разделяющих данный подход, можно выделить работы А.В. Глуховой, Р.В. Савенкова и И.С. Яжборовской. Так, отталкиваясь от исследования польского политолога М. Гдулы [41], А.В. Глухова и Р.В. Савенков, предлагают использовать именно этот термин для описания того политического поворота, который начался в Польше после прихода к власти популистов. К числу основных причин, способствовавших успехам популистов, исследователи относят, в частности то, что «в Польше...велик страх перед последствиями либерализации и интернационализации политической, экономической и культурной жизни. Здесь глобализация и европейская интеграция перемешаны: считается, что реакцией на негативные последствия глобализации должен стать общеевропейский поворот назад» [42, с. 183].

Авторитетный российский историк-полонист И.С. Яжборовская, много лет посвятившая исследованию польской политики, в целом склонна описывать успехи польских популистов с точки зрения реакции общества Польши на вызовы либеральной модели глобализации. Она указывает, что в польском обществе «стали резко меняться уже отнюдь не сводящиеся к передаче информации, но формирующие реальность коммуникативные отношения, приобретая черты правоконсервативного популизма. Это явление было вызвано носящим в известной мере классовый характер раздражением трудящихся по поводу нереализуемого ожидания позитивных перемен, несоизмеримо увеличившимися масштабами накопившихся претензий

к элитам и государству в связи с ущербной реализацией его патерналистской, перераспределительной функции» [43, с. 84-85].

Упомянутый выше польский исследователь-социолог М. Гдула в своей фундаментальной монографии, подготовленной на основе исследования небольшого благополучного городка в регионе Мазовия, предлагает, наверное, наиболее стройную концепцию популизма как «нового авторитаризма», основанного на неприятии либеральной глобализации. По мнению социолога, польские популисты сознательно делают акцент на неравенстве при капитализме, умело играя на чувствах и рациональных интересах тех, кто пострадал от нелиберальных рыночных реформ и даже тех, кто лично выиграл от них, но считает, что сама Польша и её общество оказались не в лучшем положении. Умелое сочетание социальной демагогии, национализма и установление контроля над всеми ветвями власти и основными СМИ, становятся базой для «нового авторитаризма».

Анализируя позиции сторонников рассмотрения польского популизма в качестве реакции на глобализацию нельзя не отметить определённого влияния, которую на них, оказал мир-системный подход крупного американского гуманитарного мыслителя-неомарксиста И. Валлерстайна [44]. Если рассматривать Польшу и Восточную Европу в целом как «полупериферию» мир-системы, то всплеск там популизма с одной стороны является реакцией на срыв попыток этих стран присоединиться к государствам «ядра» мир-системы, начатым в 1989 г., а с другой — приход к власти популистов — это ни что иное как элемент закрепления этого полупериферийного положения Польши и её соседей.

Третий подход к пониманию польского популизма можно назвать инструментальным — в его рамках исследователи

видят в популизме не самостоятельную «идеологию» или политическую стратегию, а всего лишь технологию прихода к власти и её удержания. К числу авторов предлагающих именно такой взгляд относится, на наш взгляд, О.В. Тимофеева, прямо утверждающая, что «популизм — это скорее метод борьбы за власть, а не конкретная идеология» [45, с.109]. Эту оценку в целом разделяют и многие польские авторы, такие как К. Ящевич, который считает, что для ряда польских партий свойственен популизм «в чистом виде» — готовность провозглашать правые и левые лозунги в зависимости от обстоятельств [46].

Вместе с тем, любые типологизации понимания исследователями феномена польского политического популизма носят достаточно условный, вспомогательный характер. В наиболее серьёзных и глубоких работах авторы обыкновенно используют сразу несколько подходов для более полного и всестороннего рассмотрения феномена популизма. К числу таких работ, например, относятся исследования российского политолога П.В. Осколкова. В его фундаментальной монографии «Правый популизм в Европейском союзе» данный политический феномен рассмотрен с самых разных точек зрения. Автор внимательно анализирует идеи, методы политической борьбы и механизмы удержания власти популистами.

В конечном итоге он отмечает, что популизм — «один из множества возможных ответов на вызовы глобализации». Однако, говоря о проблеме популизма применительно к Польше, этот же исследователь считает необходимым оговориться, что для страны характерно особое отношение к проблеме сохранения национальной идентичности, что оказывает влияние и на форму местной разновидности популизма [47]. При этом П.В. Осколков признаёт, что «мы всё же предпочитаем понимать популизм не как са-

мостоятельную идеологию, а как стратегию политической борьбы, некий образ действия, основанный на противопоставлении «элиты» «народу» и обладающий рядом других специфических черт».

ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОПУЛИЗМ КАК ФЕНОМЕН

В академическом дискурсе отмечается, что именно в посткоммунистических государствах Центрально-Восточной Европы правые популисты оказались самыми сильными игроками, способными не только претендовать на политическую власть, но и участвовать в правительстве. Правление Орбана в Венгрии и «Права и справедливости» в Польше привело к кризису либеральной демократии в этих странах спустя тридцать лет после падения коммунистических режимов. Более того, траектория центральноевропейских и восточноевропейских государств после антикоммунистических революций 1989 г. интересна не только сама по себе, но и как преддверие возможного будущего для всего континента. Регион ЦВЕ — это своеобразное «зеркало» для Западной Европы [48]. Политологи И. Крастев и С. Холмс анализировали успехи восточноевропейских евроскептиков в статье «Как либерализм стал «провалившимся богом» в Восточной Европе» [49]. Они указывали на то, что после падения коммунистических режимов обещания западного либерализма по трансформации ЦВЕ никогда не были полностью реализованы, вследствие чего наступила реакция, нашедшая своё воплощение в феномене восточноевропейского популизма. Центральноевропейские популисты утверждали, что либеральная модель демократии превратилась в новую безальтернативную ортодоксию, пришедшую на смену местной разновидности марксизма. Имитация западных ценностей, принципов, институтов

и практик стала рассматриваться как обязательный императив. Популизм в странах ЦВЕ позиционировал себя как протестное движение, направленное против бездумного подражания Западу, которое обозначалось как американизация, европеизация, демократизация, либерализация, интеграция, глобализация [49].

При анализе центральноевропейского популизма в концептуальном плане представляется более продуктивным делать акцент не столько на антиевропеизме национал-суверенистов из стран ЦВЕ, сколько на их альтеревропеизме. Альтеревропейский подход уже относительно давно применяется исследователями-восточноевропейцами при анализе Центрально-Восточной Европы: «...следует говорить не о возобладавшем “антиевропеизме”, а о своеобразном “альтеревропеизме” — то есть о попытке стран ЦВЕ вернуться к “исконным европейским ценностям”, к числу которых относятся национальная государственность, христианская религия, традиционная мораль и трудовая этика... Что же является конструктивной альтернативой для Восточной Европы исходя из особенностей ее собственного “месторазвития”? В свое время Д. де Ружмон рассматривал в качестве возможных альтернатив политического самоопределения для народов и стран Европы (включая ее восточную часть) индивидуалистическую, национально-государственную и регионалистскую модели. Развивая свою идею, Д. де Ружмон говорит о возможности формирования “плюралистической идентичности” для граждан будущей “объединенной Европы”: патриотической, национальной, культурной и универсальной...Какой же выбор предстоит сделать в этом контексте Восточной Европе?.. Именно такое “большое пространство” на основе принципов равноправия конституирующих субъектов и модели “много-

уровневой идентичности” и могут попытаться создать сегодня страны Восточной Европы. Это стало бы достойным ответом на вызовы “евроскептицизма”, демодернизации, национализма и изоляционизма, позволив странам ЦВЕ выйти из состояния “бессубъектности” и превратиться в своеобразный “геополитический мост”, связывающий Восток и Запад. Таким образом, ЦВЕ не только перестанет позиционировать себя как некая “периферия” или “антипод” “Большой Европы”, но и сможет осознать и реализовать себя как полноценный геополитический макрорегион, являющийся неотъемлемой частью общеевропейского цивилизационного пространства.» [50]. Делая акцент на том, что восточноевропейцам необходимо отказаться от изоляционистского антиевропеизма в пользу альтеревропеизма, представители современной восточноевропейистики подчёркивают: «Как представляется, странам ЦВЕ следует отказаться от неконструктивных форм «евроскептицизма» и «политической идентичности», заявив конструктивную альтернативу современной модели евроинтеграции, обнаруживающей свой кризис» [51, с. 127].

О восточноевропейской альтернативе стремится рассуждать и В. Орбан. Формулируя её смысл, венгерский лидер заявлял, что западные либералы видят угрозу в существовании внутри цивилизации Запада консервативной национальной альтернативы. Своими успехами в экономике, политике и культуре Центральная Европа, по мнению венгерского лидера, бросает вызов господству либерализма [52]. С ним согласны и многие консервативные христиане. Так, католический интеллектуал Г. Куби из Германии также возлагает особые надежды на восточноевропейскую альтернативу, рассматривая регион ЦВЕ в качестве оплота сопротивления гендерному «новому тоталитаризму» ЕС [53]. Примечательно,

что российская исследовательница из Института философии РАН В.Г. Федотова ещё в 1990-е гг. ввела в научный оборот концепт «второй» Европы («другой» Европы), включающей в себя страны второго эшелона развития, догоняющей модернизации, которые при этом обладают региональной, цивилизационной спецификой [54]. Таким образом, представляется, что в свете происходящей трансформации неолиберального миропорядка и вызванного кризисом либерал-глобализма запроса на альтернативные модели развития потенциал восточноевропейского альтеревропеизма имеет шансы быть востребованным в процессе конструирования будущего полицентричного мироустройства.

Актуальность изучения популистско-евроскептических партий и движений в Центрально-Восточной Европе обусловлена также тем, что регион можно рассматривать как периферию Евросоюза и, если следовать терминологии мир-системного подхода, полупериферию мир-системы капитализма в целом, которая в тоже время обладает потенциалом превращения в новое ядро: “Вышеградские страны, в отличие от других новых членов ЕС, хотя и подчиняются старым членам ЕС, а сформировать собственный центр силы в Евросоюзе” [4, с. 184]. Приход популистов к власти в таких центрально-восточноевропейских государствах как Венгрия и Польша можно рассматривать как важное свидетельство в пользу той точки зрения, что ЦВЕ — это «слабое звено» либерал-глобализма, и что страны Новой Европы могут сыграть особую роль в случае трансформации либерального мирового порядка в новый постлиберальный миропорядок, контуры которого начали проступать на рубеже 2010-х–2020-х гг.

Особый интерес представляют поэтому и известные различия между моделями

правления популистов в Венгрии и Польше. При всей схожести риторики и политической практики в двух странах, являющихся постоянным объектом критики со стороны Брюсселя, наличие подобных особенностей неоспоримо и имеет существенные последствия. Так, в первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что венгерские популисты имеют ярко выраженного харизматического лидера в лице В. Орбана, которого оппоненты внутри страны и извне обвиняют чуть ли не в установлении диктатуры. С другой стороны, лидерство среди польских популистов из партии «Право и справедливость» скорее размыто и деперсонифицировано. Наиболее влиятельный человек в партии, Я. Качиньский, в силу возраста и мизантропического склада характера, избегает публичности и вовлечения в оперативное управление страной. Правление популистов в Польше имеет поэтому партийно-коллективный характер.

Две модели популистского правления сказываются не только на организации власти, но и на её восприятии внутри страны и вовне. Коллективное правление польских партократов-популистов куда сложнее обвинять в авторитаризме, чем яркую фигуру В. Орбана, который и для своих сторонников, и для противников персонифицирует власть в Венгрии. Возможно, специфика этих двух моделей популистского правления основывается на историческом опыте авторитаризма межвоенного периода, когда во главе Венгрии несколько десятилетий стоял диктатор М. Хорти, в то время как в Польше, особенно после смерти Ю. Пилсудского, утвердился коллективный авторитаризм. Закономерно поэтому, что Польша, которую не меньше, чем Венгрию, упрекают в нарушении принципов демократии, администрация президента США Дж. Байдена все же пригласила на «Саммита за демократию» (Summit for Democracy).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ научного дискурса по проблематике венгерского и польского популизма демонстрирует широкий интерес научного сообщества к данной теме. Представленный перечень аспектов не является исчерпывающим, но позволяет охватить наиболее важные направления продвижения научной мысли как за рубежом, так и в России. В то же время, для создания более целостной картины не хватает анализа еще некоторых проблем.

К числу наиболее сложных и пока не нашедших адекватного решения в научном дискурсе проблем следует отнести вопрос о роли популизма во внешней политике государства и в международной политике в целом. Постулат о неразделимости внешней и внутренней политике в современном мире, с одной стороны, стал общим местом в научном дискурсе, с другой — большинство исследователей пока не слишком активно применяют такой «безграничный» поствестфальский ракурс и придерживаются более традиционных методологических рамок: исследователи внутренней политики занимаются своим предметным полем, политологи-международники — своим.

В компаративном ключе заметно отсутствие значимых работ, где сравнивается венгерский/польский и российский популизм. Российский популизм, в отличие от западного, вообще крайне слабо представлен в научном дискурсе, хотя накоплена обширная фактологическая база.

Не менее значимой является и проблема субъектов популизма. Прежде всего, не внесена ясность в ряд вопросов: можно ли считать популистами не только партии и отдельных политических деятелей акторов, а, например НКО, НПО и бизнес-структуры? Это особенно актуально в ситуации энергетических проблем, с которыми столкнулся ЕС вследствие форсирования

реализации «зеленой повестки». В случае утвердительного ответа, не до конца выясненными остаются вопросы о функции этих субъектов в политическом раскладе

на национальном и международном уровнях в контексте функционирования, эволюции и перспектив популизма как одного из ключевых явлений современности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сигачёв М.И., Слепцов Э.С., Фадеев Э.В. Новый правый популизм: тенденции и перспективы на примере ряда европейских государств (Италия, Франция, Германия, Австрия). *Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2020;22(3):458-474. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474
2. Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / Отв. ред. Л.Н. Шишелина. Москва: Весь Мир; 2010. 568 с.
3. Басов Ф.А. Вишеградская «четверка» и развитие европейской интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020;12:87-95.
4. Басов Ф.А. Вышеградские страны ЕС: периферия или новое ядро? *Свободная мысль*. 2019;5:175-184.
5. Фишман Л.Г. Популизм — это надолго. *Политические исследования*. 2017;3:55-70. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04
6. Бозоки А. Популизм как дискурс венгерских элит. *Сравнительная политика*. 2012;3(9):162-184.
7. Бирюков С.В., Коваленко А.А. Восточная Европа: евроскептицизм и правоконсервативный тренд. *Мировая экономика и международные отношения*. 2012;8:49-58.
8. Хахалкина Е.В., Андреев К.П., Мунько А.В. Новое лицо Евросоюза: феномен правого популизма на примере отдельных стран ЕС. *Вестник МГИМО-Университета*. 2020;13:99-132.
9. Ачкасов В.А. Национал-популизм в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: причины роста electoralной поддержки. *Вестник МГИМО-Университета*. 2011;5:145-150.
10. Бирюков С.В., Коваленко А.А. Восточная Европа: евроскептицизм и правоконсервативный тренд. *Мировая экономика и международные отношения*. 2012;8:49-58.
11. Weiss H. A Cross-National Comparison of Nationalism in Austria, the Czech and Slovak Republics, Hungary, and Poland. *Political Psychology*. 2003;2:377-401.
12. Pappas T. Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary. *Government and Opposition*. 2014;1:1-23.
13. Weyland K. Neoliberal Populism in Latin America and Eastern Europe. *Comparative Politics*. 1999;4:379-401.
14. Холодковский К.Г. Глобализация vs национальное государство — попятное движение? *Мировая экономика и международные отношения*. 2019;12:5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-5-14
15. Глухова А.В. Политические конфликты в глобальную эпоху (к проблеме теоретической идентификации). *Политическая наука*. 2020;3:13–33. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poIn/2020.03.01>
16. Гарас Л.Н., Губанов А.И., Шавалюк Е.Р. Особенности политического популизма в странах Европейского союза (на примере Венгрии). *Парадигмы истории и общественного развития*. 2020;19:68-73.
17. Клинова М.В. По итогам европейских выборов 2019 года. Националисты-популисты: социально-экономический аспект. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020;5:42-51.

18. Жиряков И.Г., Барабанов М.В. Проект «Великая Венгрия» в политике современных венгерских правых партий. *Вестник МГПУ*. 2013;2:87-95.
19. Форет И.В. Проблемы миграции в идеологии партии «Наше отечество» («Mi hazánk mozgalom») в современном венгерском этническом национализме. *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*. 2020;4:94-97.
20. Bíró-Nagy A. Orbán's political jackpot: migration and the Hungarian electorate. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021;2:405-424. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1853905
21. Barna I., Koltai J. Attitude Changes towards Immigrants in the Turbulent Years of the 'Migrant Crisis' and Anti-Immigrant Campaign in Hungary. *Intersections. East European Journal of Society And Politics*. 2019;5(1):48-70. DOI: <https://doi.org/10.17356/ieejsp.v5i1.501>
22. Дырина А.Ф. Евроскептицизм и популизм в Центральной и Восточной Европе (Обзор по материалам англоязычных публикаций). *Актуальные проблемы Европы*. 2017;3:154-176.
23. Ádám Z., Bozóki A. State and faith: Right-wing populism and Nationalized religion in Hungary. *Intersections East European Journal of Society and Politics*. 2016;1:98-122. DOI: 10.17356/ieejsp.v2i1.143
24. Лункин Р.Н. Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях. *Современная Европа*. 2018;1:102–113.
25. Лункин Р.Н. Существует ли христианский электорат в Европе? церковь, верующие и политики. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2019;3(9):110-117.
26. Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии. Москва: Новое литературное обозрение; 2016. 388 с.
27. Крастев И. Новые деспоты Восточной Европы: долгий путь к упадку демократии. Неприкосновенный запас. 2018;4:140-150.
28. Grzymala-Busse A. Global Populisms and Their Impact. *Slavic Review*. 2017;1:3-8.
29. Ádám Z. Ultra-orthodoxy and selective voluntarism: How did the Orbán regime react to the first wave of the pandemic? *European Policy Analysis*. 2020;2:277-292.
30. Kürti L. Orbánism: The culture of illiberalism in Hungary. *Ethnologia Europaea*. 2020;2:62-79. DOI: 10.16995/EE.1055
31. Шишелина Л.Н. Виктор Орбан: 10 лет у штурвала Венгрии. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2020;3:48-54.
32. Шишелина Л.Н. Четвёртое правительство Виктора Орбана. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018;4:84-88.
33. Шишелина Л.Н. Самая цитируемая речь премьер-министра Венгрии. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018;5:66-70.
34. Végh Zs. Hungary: The EU's troublemaker. Keeping europeans together: assessing the state of EU cohesion. *European Council on Foreign Relations*. 2016:72-75.
35. Польша в современном мире / А.А. Габарта, Д.С. Буневич, В.В. Воротников, Е.А. Акифьева / под общ. ред. В.В.Воротникова; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра истории и политики стран Европы и Америки. Москва: МГИМО-Университет; 2021.
36. Лыкошина Л.С. Нереальное решение реальных проблем (к вопросу о популизме и национализме в Польше). Национализм и популизм в Восточной Европе. *Сб. науч. трудов. Сер. «Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России»*, Москва; 2007:55-83.
37. Саморуков М. Пока Брюссель не смотрит. Как изменит Польшу и Европу новая победа Качиньского. Фонд Карнеги. URL: <https://>

- carnegie.ru/commentary/80061 (дата обращения: 10.11.2021).
38. Саморуков М. Как выборы в Европарламент отодвинули Восточную Европу от власти в ЕС. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/29/802707-vibori-evroparlament> (дата обращения: 10.11.2021).
 39. Баранов Н. А. Возрождение популизма: европейский опыт и российские практики. *Вестник СПбГУ. Сер. 6.* 2015;3:28.
 40. Медушевский Н.А. Культура толерантности и историческая память: столкновение противоположностей в современном польском обществе. *Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения.* 2019;3:99-111.
 41. Gdula M. Nowy autorytaryzm. Warszawa; 2018. 112 p.
 42. Глухова А.В., Савенков Р.В. Новый авторитаризм в польском облачении. *Полис. Политические исследования.* 2019;4:181-191.
 43. Яжборовская И.С. Системные трансформации и становление информационного общества как предпосылки роста популизма в постсоциалистических странах. *Среднерусский вестник общественных наук.* 2018;6:82-96.
 44. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Санкт-Петербург: *Университетская книга;* 2001. 414 с.
 45. Тимофеева О. В. Социальная риторика партии «Право и справедливость» (Польша): популизм или партийная идеология? *Вестник Прикамского социального института.* 2019;2(83):107-111.
 46. Jasiewicz K. The New Populism in Poland: The Usual Suspects? / K. Jasiewicz. *Problems of Post-Communism.* 2008;3:7-25.
 47. Осолков П.В. Правый популизм в Европейском союзе. Москва: Институт Европы РАН; 2019. 165 с.
 48. Explaining Right-Wing Populism in Central and Eastern Europe: Economics, Politics, (Civil) Society and Culture. ECPR. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/SectionDetails/1152> (дата обращения: 30.11.2022).
 49. Krastev I., Himes S. How liberalism became 'the god that failed' in eastern Europe. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/24/western-liberalism-failed-post-communist-eastern-europe> (дата обращения: 15.12.2021).
 50. Бiryюков С., Коваленко А. Геополитика восточноевропейских «крайне правых». Свободная мысль. URL: <http://svom.info/entry/316-geopolitika-vostochnoevropskikh-krajne-pravykh/> (дата обращения: 10.12.2021).
 51. Бiryюков С.В., Коваленко А.А. Правоконсервативное лицо Восточной Европы. *Вопросы национализма.* 2012;4:118-128.
 52. Western liberals are threatened by Hungary's success, can't accept 'conservative national alternative,' Orban tells Tucker Carlson. RT. URL: <https://www.rt.com/news/531386-orban-blasts-western-liberals/> (дата обращения: 15.11.2021).
 53. Elzbieta Korolczuk. The roots of right-wing populism in Central and Eastern Europe: at the nexus of neoliberalism and the global culture wars. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/eurocrisispress/2019/11/08/the-roots-of-right-wing-populism-in-central-and-eastern-europe-at-the-nexus-of-neoliberalism-and-the-global-culture-wars/> (дата обращения: 17.11.2021).
 54. Федотова В. Многообразная Европа. Концепт «второй» Европы как характеристика стадии развития. Перспективы. Фонд исторической перспективы. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35922> (дата обращения: 20.11.2021).

REFERENCES:

1. Sigachev M.I., Sleptsov E.S., Fadeev E.V. The New Right-Wing Populism: Trends and Prospects on the Example of Several European States (Italy, France, Germany, Austria). *Vestnik (Herald) of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science.* 2020;22(3):458-474. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-458-474 (In Russ).
2. Visegradaska Europe: From where and to where? Two Decades on the Way of Reform in Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic. Moscow: All World; 2010. (In Russ).
3. Basov F.A. The Visegrad Four and the Development of European Integration. *World Economy and International Relations.* 2020;12:87-95. (In Russ).
4. Basov F.A. The Visegrad Countries of the EU: Periphery or New Core? *Free Thought.* 2019;5:175-184. (In Russ).
5. Fishman L.G. Populism is a long-term thing. *Polis. Political Studies.* 2017;3:55-70. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04 (In Russ).
6. Bozoki A. Populism as Discourse of Hungarian Elites. *Comparative Politics.* 2012;3(9):162-184. (In Russ).
7. Biryukov S.V., Kovalenko A.A. Eastern Europe: Euroscepticism and the Right-Conservative Trend. *World Economy and International Relations.* 2012;8:49-58. (In Russ).
8. Khakhalkina E.V., Andreev K.P., Munko A.V. The New Face of the European Union: the Phenomenon of Right-Wing Populism on the Example of Individual EU Countries. *Vestnik MGIMO-University.* 2020;13:99-132. (In Russ).
9. Achkasov V.A. National Populism in the Post-Communist Countries of Central and Eastern Europe: Reasons for the Growth of Electoral Support. *Vestnik MGIMO-University.* 2011;5:145-150. (In Russ).
10. Biryukov S.V., Kovalenko A.A. Eastern Europe: Euroscepticism and the Right-Conservative Trend. *World Economy and International Relations.* 2012;8:49-58. (In Russ).
11. Weiss H. A Cross-National Comparison of Nationalism in Austria, the Czech and Slovak Republics, Hungary, and Poland. *Political Psychology.* 2003;2:377-401.
12. Pappas T. Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary. *Government and Opposition.* 2014;1:1-23.
13. Weyland K. Neoliberal Populism in Latin America and Eastern Europe. *Comparative Politics.* 1999;4:379-401.
14. Kholodkovsky K.G. Globalization vs. the nation-state — a backward movement? *World Economy and International Relations.* 2019;12:5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-5-14 (In Russ).
15. Glukhova A.V. Political conflicts in the global era (To the problem of theoretical identification). *Political Science.* 2020;3:13-33. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.01> (In Russ).
16. Garas L.N., Gubanov A.I., Shavalyuk E.R. Features of Political Populism in the Countries of the European Union (on the Example of Hungary). *Paradigms of History and Social Development.* 2020;19:68-73. (In Russ).
17. Klinova M.V. On the results of the 2019 European elections. Nationalist-populists: the socio-economic aspect. *World Economy and International Relations.* 2020; 5:42-51. (In Russ).
18. Zhiryakov I.G., Barabanov M.V. The Great Hungary Project in the Politics of Modern Hungarian Right Parties. *Vestnik MGPU.* 2013;2:87-95. (In Russ).
19. Foret I.V. Migration Problems in the Ideology of the Party "Our Fatherland" ("Mi hazánk mozgalom") in Modern Hungarian Ethnic Nationalism. *Herald of the All-Union State University. Series: History. Political Science. Sociology.* 2020;4:94-97.
20. Bíró-Nagy A. Orbán's political jackpot: migration and the Hungarian electorate. *Journal of Ethnic and Migration Studies.* 2021;2:405-424. DOI: 10.1080/1369183X.2020.1853905

21. Barna I., Koltai J. Attitude Changes towards Immigrants in the Turbulent Years of the 'Migrant Crisis' and Anti-Immigrant Campaign in Hungary. *Intersections. East European Journal of Society And Politics*. 2019;5(1):48-70. DOI: <https://doi.org/10.17356/ieejsp.v5i1.501>
22. Dyrina A.F. Euroscepticism and Populism in Central and Eastern Europe (Review on the Materials of English-language Publications). *Actual Problems of Europe*. 2017;3:154-176. (In Russ).
23. Ádám Z., Bozóki A. State and faith: Right-wing populism and Nationalized religion in Hungary. *Intersections East European Journal of Society and Politics*. 2016;1:98-122. DOI: 10.17356/ieejsp.v2i1.143
24. Lunkin R.N. Religion and European Populism: The Christian Factor in Political Discourse. *Contemporary Europe*. 2018;1:102-113. (In Russ).
25. Lunkin R.N. Is there a Christian electorate in Europe? Church, believers and politicians. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2019;3(9):110-117. (In Russ).
26. Magyar B. Anatomy of the Post-Communist Mafia State: The Case of Hungary. *Moscow: New Literary Review*; 2016. 388 c.
27. Krastev I. The new despots of Eastern Europe: the long road to the decline of democracy. *Untouchable Stock*. 2018;4:140-150. (In Russ).
28. Grzymala-Busse A. Global Populisms and Their Impact. *Slavic Review*. 2017;1:3-8.
29. Ádám Z. Ultra-orthodoxy and selective voluntarism: How did the Orbán regime react to the first wave of the pandemic? *European Policy Analysis*. 2020;2: 277-292.
30. Kürti L. Orbánism: The culture of illiberalism in Hungary. *Ethnologia Europaea*. 2020;2:62-79. DOI: 10.16995/EE.1055
31. Shishelina L.N. Viktor Orban: 10 years at the helm of Hungary. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2020;3:48-54. (In Russ).
32. Schichelina L.N. Viktor Orban's Fourth Government. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2018;4:84-88. (In Russ).
33. Schishelina L.N. The most quoted speech of the Prime Minister of Hungary. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2018;5:66-70. (In Russ).
34. Végh Zs. Hungary: The EU's troublemaker. Keeping europeans together: assessing the state of EU cohesion. *European Council on Foreign Relations* (2016):72-75.
35. Poland in the modern world / A.A. Gabarta, D.S. Bunevich, V.V. Vorotnikov D.S., Akifieva E.A. / ed. by V.V. Vorotnikov; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Department of History and Politics of Europe and America. Moscow: MGIMO-University; 2021.
36. Lykoshina L.S. Unrealistic Solutions to Real Problems (To the Question of Populism and Nationalism in Poland). Nationalism and Populism in Eastern Europe: *Collection of Scientific Works. Ser. Problems of Social Transformation in the Countries of Eastern Europe and Russia*. Moscow; 2007:55-83. (In Russ).
37. Samorukov M. While Brussels is not looking. How Kaczynski's New Victory Will Change Poland and Europe. *Carnegie Endowment*. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80061> (accessed 10.11.2021). (In Russ).
38. Samorukov M. How Elections to European Parliament Moved Eastern Europe away from EU Power. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/05/29/802707-vibori-ev-roparlament> [Accessed: 10.11.2021]. (In Russ).
39. Baranov N. A. The Renaissance of Populism: European Experience and Russian Practices. *Vestnik (Herald) of St. Petersburg State University. Ser. 6*. 2015;3:28. (In Russ).
40. Meduszewski N.A. Tolerance Culture and Historical Memory: Clash of Opposites in Modern

- Polish Society. *Vestnik (Herald) of the Russian State University of Humanities. Series Political Science. History. International Relations*. 2019;3:99-111. (In Russ).
41. Gdula M. Nowy autorytaryzm. Warszawa; 2018. 112 p.
42. Glukhova A. V., Savenkov R. V. New authoritarianism in Polish attire. *Polis. Political Studies*. 2019;4:181-191. (In Russ).
43. Yazhborovskaya I.S. Systemic transformations and the formation of information society as pre-conditions for the growth of populism in post-socialist countries. *Srednerussky vestnik of social sciences*. 2018;6:82-96. (In Russ).
44. Wallerstein I. Analysis of world systems and the situation in the modern world. Saint Petersburg: *University Book*; 2001. 414 c. (In Russ).
45. Timofeeva O. V. Social rhetoric of the Law and Justice Party (Poland): populism or party ideology? *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta [Bulletin of the Kama Social Institute]*. 2019;2(83):107-111. (In Russ).
46. Jasiewicz K. The New Populism in Poland: The Usual Suspects? / K. Jasiewicz. *Problems of Post-Communism*. 2008;3:7-25.
47. Oskolkov P.V. Right-wing populism in the European Union. Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; 2019. 165 c. (In Russ).
48. Explaining Right-Wing Populism in Central and Eastern Europe: Economics, Politics, (Civil) Society and Culture. ECPR. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/SectionDetails/1152> [Accessed: 30.11.2022].
49. Krastev I., Hones S. How liberalism became 'the god that failed' in eastern Europe. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/24/western-liberalism-failed-post-communist-eastern-europe> [Access: 15.12.2021]. (In Russ).
50. Biryukov S., Kovalenko A. Geopolitics of the Eastern European "extreme right". Free Thought. URL: <http://svom.info/entry/316-geopolitika-vostochnoevropejskih-krajne-pravyh/> [Accessed: 10.12.2021]. (In Russ).
51. Biryukov S.V., Kovalenko A.A. The Right-Conservative Face of Eastern Europe. *Issues of Nationalism*. 2012;4:118-128. (In Russ).
52. Western liberals are threatened by Hungary's success, can't accept 'conservative national alternative,' Orban tells Tucker Carlson. RT. URL: <https://www.rt.com/news/531386-orban-blasts-western-liberals/> [Accessed: 15.11.2021]. (In Russ).
53. Elżbieta Korolczuk. The roots of right-wing populism in Central and Eastern Europe: at the nexus of neoliberalism and the global culture wars. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/eurocrisispress/2019/11/08/the-roots-of-right-wing-populism-in-central-and-eastern-europe-at-the-nexus-of-neoliberalism-and-the-global-culture-wars/> [Accessed: 17.11.2021].
54. Fedotova V. Versatile Europe. The Concept of the "Second" Europe as a Characteristic of the Stage of Development. Perspectives. Fund of Historical Perspectives. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35922> [Accessed: 20.11.2021]. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей П. Артеев, Кандидат политических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23;

artsp7@yandex.ru

Дмитрий С. Буневич, Кандидат исторических наук, Институт русско-польского сотрудничества, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, Трехпрудный пер. , д. 10/2;

d.bunevich@rospol.org

Максим И. Сигачёв, Кандидат политических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул.Профсоюзная, д. 23;

maxsig@mail.ru

Sergey P. Arteev, Candidate of Political Science, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia; b. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation;

artsp7@yandex.ru

Dmitry S. Bunevich, Candidate of History, The Institute for Russian-Polish Cooperation, Moscow, Russia; b. 20, Tryokhpрудny pereulok st., Moscow, 123001, Russia

d.bunevich@rospol.org

Maksim I. Sigachev, Candidate of Political Science, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia; b. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation;

maxsig@mail.ru

Медийная среда в Грузии в ходе парламентских выборов 2020 года

Димитри Абазов¹, Нино Скворцова²

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,

¹ dimitriabazov@gmail.com, ² nino.skvortsova@gmail.com

Аннотация: В статье анализируется роль государственных и частных телекомпаний в ходе предвыборной гонки в парламент Грузии в 2020 году. В данной работе определена степень влияния информации, интерпретируемой различными СМИ, на формирование политической ситуации в стране и на предвыборный процесс. Отмечается, что чем ближе избирательный процесс, тем агрессивнее и радикальнее становится грузинская медийная среда, а отдельные средства массовой информации становятся более агрессивными как по отношению друг к другу, так и по отношению к обществу в целом. Политическая поляризация, как следствие ожесточённой борьбы за власть, выражается в политизации всех общественных процессов в республике, в том числе, оказывает сильное влияние на информационное пространство в Грузии. Несмотря на следование демократической модели развития государства и заявленного курса на демократизацию политических процессов, грузинская реальность далека от поставленных целей. Значительную роль в дестабилизации ситуации играют средства массовой информации, политизированность которых не позволяет говорить о создании здоровой политической среды и о формировании более гибкой государственной модели в Грузии.

Ключевые слова: Грузия, массмедиа, политизация, выборы, общественное мнение, пропаганда, дискурс

Для цитирования: Абазов Д., Скворцова Н. Медийная среда в Грузии в ходе парламентских выборов 2020 года. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(1):111–120. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-111-120>

Статья поступила 16.11.2021

Принята в печать 17.01.2022

Опубликована 30.03.2022

Media Environment in Georgia During the 2020 Elections

Dimitri Abazov¹, Nino Skvortsova²

^{1,2} Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia,

¹ dimitriabazov@gmail.com, ² nino.skvortsova@gmail.com

Abstract: Paper provides the analysis of state-owned and private media companies during parliamentary pre-election race in Georgia in 2020. An attempt to measure the influence of variously interpreted information by different media and how this process, precisely, affects elections was made in this work. It should be noted, the closer the elections are, the more aggressive and radical Georgian media-companies become in their relation to each other and to their audience on a whole.

Political polarisation, as consequence of the fierce clash over political power, results in politization of all the social processes, and strongly affects information environment in Georgia. Despite following the democratic blueprint of state formation and announced course for the democratization of political processes, Georgian reality remains far distant from the set goals. Significant role in destabilization of the situation belongs to mass media, whose political activity prevents us from speaking about healthy political environment, nevertheless about flexible state-model in Georgia.

Keywords: Georgia, mass media, politicization, elections, public opinion, propaganda, discourse

For citation: Abazov D., Skvortsova N. Media environment in Georgia during the 2020 elections. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(1):111–120. DOI:<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-111-120>

Received 16.11.2021

Revised 17.01.2022

Published 30.03.2022

ВВЕДЕНИЕ

Средства массовой информации — сложная организация, играющая решающую роль в просвещении и информировании массового общества, работа которой нуждается в человеческих, технических и финансовых ресурсах. Повышение значимости СМИ и их становление основным инструментом создания и манипулирования массовым обществом произошло еще в XX веке — в веке трансформации практически всех измерений общественной жизни, поэтому переход политической международной системы отразился на современных средствах массовой информации [1, с. 67].

Благодаря технологическим разработкам, СМИ используются как инструмент манипуляции. В Грузии СМИ представляют собой ключевой элемент политической пропаганды, разделенной на проправительственную и прооппозиционную, что в след-

ствии порождает и порой усугубляет множество проблем в грузинском обществе. Наиболее активно эта грань средств массовой информации проявляется во время выборов. 2020 год оказался политически насыщенным для Грузии: 31 октября 2020 года состоялись парламентские выборы, по итогам которых в стране начался очередной виток, так называемого, политического кризиса и поляризации в обществе.

Очевидно, что здесь присутствует и финансовый аспект. Согласно всем парадигмам, такие сложные организации обычно принадлежат влиятельным и богатым людям или группам людей. В политической социологии такие ассоциации классифицируются как группы интересов и влияния [2, с. 18].

Средства массовой информации и группы интересов, несмотря на существование

журналистской этики, производят медийные продукты, которые, как правило, являются предвзятыми, исходя из частных интересов определенных групп влияния, таких как правительственные сегменты или финансово-промышленные комплексы [3, с. 12].

Посредством публикации в СМИ различные интерес-группы распространяют не всегда весомую, но достаточную для общественного интереса информацию, просвещая потенциальных избирателей или поддерживая кандидатов, лоббируя соответствующие стратегии и социальные программы. Однако зачастую эта информация направлена только на публичные манипуляции.

Грузия — постсоветское государство, имеющее непродолжительный опыт государственности, и которое в настоящее время идеологически позиционирует себя в качестве новой, транзитной демократии. С тех пор как Грузия вновь обрела независимость, страна оставалась полем для политических столкновений, за которыми последовали незначительные институциональные преобразования.

В Грузии существует большое количество средств массовой информации с четкой линией поддержки определенных кандидатов, компаний или партий. Телевидение является первым и основным источником политической информации, за ним следуют социальные сети. Поляризация СМИ в Грузии представляет собой очень серьезную проблему как во время выборов, так и в целом, ставя под угрозу общественно-политическое развитие страны.

Поляризация, представляющая собой первостепенную угрозу грузинскому обществу и государственным институтам, проявляется и выражается в разных формах. Например, поляризация может быть противостоянием и враждой между разными политическими

группами, очень часто поляризация понимается как невозможность диалога между отдельными группами и обществом, поскольку они подвержены влиянию одной партии и не замечают процессы, развивающиеся вне их конфронтации [4, с. 5].

Усиление разрыва между политическими партиями или средствами массовой информации и их тяготение к противоположным полюсам можно рассматривать как поляризацию элит. Поляризация элит часто вызывает поляризацию в массах или в обществе в целом, что мы и наблюдаем в Грузии.

Ивент-, контент- и фрейм-анализы СМИ Грузии позволяют определить принадлежит ли средство массовой информации определенной партии или продвигает конкретную политическую фигуру. Так, анализ отчетов и заявлений одних и тех же журналистов из «Мтавари Архи» или «Формуль», доказывает отсутствие позитивного дискурса в адрес властей — только негатив и обвинения в их адрес. При просмотре других телеканалов, таких как «ТВ Имеди», факты трактуются в пользу правительства. Есть некоторые СМИ, которые пытаются быть нейтральными в этом отношении, например, «Общественный вещатель». Они финансируются из государственного бюджета и не может составить конкуренцию по влиянию частных телевидений [5, с. 4].

Помимо этого, интернет-ресурсы и медиа-платформы формируют новое измерение социальной жизни, в которую плавно перетекают все социальные отношения и взаимодействия. У пользователя просто нет возможности проверить достоверность фактов, так как каждую новость тиражируют десятки СМИ, и для того, чтобы добраться до первоисточника, необходимо владеть определёнными навыками и обладать познаниями в различных сферах. При этом новости слишком быстро сменяют друг

друга, что не позволяет надолго сосредоточиться на одной проблеме [6, с. 13].

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2020 ГОДА В ГРУЗИИ

Предвыборная гонка в Парламент Грузии началась 1 сентября 2020 года и продолжалась вплоть до дня выборов 31 октября. Ядро кластера информации по грузинским средствам массовой информации представлял собой два наиболее политически активных месяца — сентябрь и октябрь.

С приближением выборного процесса, агрессивнее и радикальнее становится грузинская медиасреда, при этом отдельные СМИ переходили к агрессивно-наступательным действиям — как по отношению друг к другу, так и по отношению к обществу в целом. В СМИ усилился процесс «поиска», «обнаружения» и «похвалы врагов», «антигосударственных элементов» между политическими силами или простыми гражданами [7].

В рамках предвыборной гонки СМИ используют различные формулировки с целью делегитимизации оппонента. Например, правящую партию «Грузинская мечта» традиционно определяют как «пророссийскую» политическую силу, с помощью чего оппозиционные партии и аффилированные с ними СМИ пытаются повлиять на избирателя, манипулируя его страхами, что страна окажется под влиянием Москвы.

Грузинские СМИ активно участвовали в стратегии использования «российского фактора» в качестве политического рычага с 7 ноября 2007 года, когда правительство М. Саакашвили разогнало оппозиционный митинг и обвинило оппонентов в союзнничестве с Россией. Тогда предателями были объявлены не только противники, но и все граждане, группы или средства массовой информации, критиковавшие правительство [8].

Данные обвинения позволили правительству М. Саакашвили предпринять нелегитимные шаги по отношению к оппозиционным телеканалам и прекратить вещание наиболее крупного на тот момент телеканала «Имеди». Дело о незаконности захвата телеканала долгое время рассматривалось Страсбургским судом, который вынес решение об антиправовых действиях властей и изъятии имущества у владельцев [9].

Эти события положили начало использованию российского фактора, ставшего главным инструментом «Единого национального движения» в борьбе с политическими оппонентами. Что касается средств массовой информации, то тогда первый канал «Рустави-2», а затем и ТВ «Имеди», стали основными источниками проправительственной пропаганды.

Среднестатистический избиратель в Грузии судит о политическом деятеле на основании его личности, отношения к евроинтеграции Грузии и антироссийской внешнеполитической позиции. Исходя из этого, средства массовой информации пропагандируют мощный дискурс, дискредитируя и маргинализируя противоположные точки зрения, обычно прибегая к средствам черного пиара и стигматизации отдельных лиц, групп и организаций [3, с. 46].

В Грузии широко используются классические модели политических технологий. После «Революции роз» 2003 года средства массовой информации пропагандировали исключительно европейскую систему ценностей и либеральный мировой политический порядок. СМИ в основном используют прием, который обычно практикуется во время выборов: черный пиар, используемый против Российской Федерации как агрессора, нарушающего суверенитет соседних государств. По сравнению с Россией западные политические союзы преподносятся положительно — как более

привлекательные и заслуживающие доверия партнеры. Грузинские СМИ скрывают негативную информацию о западных странах и всех тех странах мира, которые интегрированы в евроатлантические структуры.

Практики прошлых лет сохранились и даже укрепились в политической среде Грузии. Наибольшая радикализация оппозиционной силы «Единое национальное движение» и её союзников наблюдается с попытки штурма парламента 20 июня 2019 года. Протест оппозиционных сил был связан с визитом депутата Государственной Думы РФ С. Гаврилова, принимающего участие в заседании межправительственной ассамблеи православия. Участие российского депутата интерпретировалось как проявление пророссийской настроенности правящей партии «Грузинская мечта», и поляризация в стране лишь усилилась, нарастая вплоть до парламентских выборов в 2020 году, когда всё перетекло в кризис отношений между правящей партией и, главное, оппозиционной силой.

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ГРУЗИИ

В Грузии медийное пространство разделено на два лагеря, и некими центрами силы представляются два телеканала: «Имеди» и «Мтавари Архи» (Главный канал). Исходя из политической предрасположенности владельцев и, следовательно, редакции телеканалов, дискурс формируется в угоду определённой политической силы.

Частный телеканал «Мтавари Архи» формулирует дискурс, в рамках которого третий Президент Грузии М. Саакашвили считается «спасителем нации и Грузии», сравнивая его с грузинским царём Д. Агмашенебели (Строителем), правление которого способствовало объединению грузинского государства и считается предтечей «золотого века» в стране. В ходе полити-

ческой гонки в тех же парламентских выборах 2020 года ему посвящали отдельные репортажи, записывали с ним интервью (суммарно 915 запросов с ним) [10].

С другой стороны, провластный телеведущий ТВ «Имеди» в своём дискурсе формулирует иную реальность, в которой М. Саакашвили «отступник от национальных интересов страны» и «авантюрист». У телеканала отсутствуют интервью с ним, и он реже появляется в новостях. Подобное различие в подходах подводит к тому, что в Грузии нет фактической журналистики, есть только журналистика, построенная на личных отношениях, и в этой «журналистике отношений» тенденции не устанавливаются журналистами, они не устанавливаются и не изучают факты.

Во время парламентских выборов 2020 года ситуация отражала данную тенденцию. Такие телеканалы как «Формула», «Мтавари Архи», открыто поддерживали оппозиционные партии — в первую очередь Единое национальное движение. Руководство и журналисты открыто поддерживали оппозиционные политические силы. В эфире имели место призывы к гражданам не голосовать за правительство, фабриковались новости, активно продвигалась кандидатура экс-президента М. Саакашвили и кандидаты от его партии «Единое национальное движение».

Поляризация в СМИ наносит огромный ущерб демократическому развитию страны и общества. Согласно отчету «Freedom House», Грузия относится к группе стран, где СМИ являются лишь частично свободным [11]. С другой стороны, были проправительственные СМИ и социальные сети, которые, наоборот, продвигали идею сохранения правящей партии, приглашали ее представителей на интервью, посвящали им статьи. Они также часто прибегали к манипуляциям и к интерпретации фактов в угоду

правлящей партии. В итоге это привело к политическому кризису в стране и отказу со стороны оппозиции признать выборы 2020 года, которые, по словам оппозиции, были сфальсифицированы. Кризис, начавшийся после парламентских выборов, сохраняет страну в турбулентном состоянии.

Средства массовой информации, которые часто называют четвертой ветвью власти, сталкиваются с проблемами доверия в грузинском обществе из-за поляризации и политизации. Общественность перестала доверять средствам массовой информации, однако большинство людей находится под их влиянием и не видит реальной картины происходящего в Грузии. СМИ очень часто принадлежат членам семьи определенной партии или элиты, которые поддерживают эту партию [12].

Анализируя выпуски новостей на двух каналах «Мтавари Архи» и «Имеди» или «Формула» и «Общественный вещатель», можно прийти к выводу, что общественное мнение об одном и том же событии будет кардинально разным, что продиктовано политической принадлежностью и финансовой зависимостью СМИ.

СМИ в Грузии служат интересам определенной элитной группе и усиливают раскол и способствуют нестабильности в стране. В этих условиях СМИ будет трудно способствовать демократическому развитию и процветанию в стране, что продемонстрировали президентские и парламентские выборы последних лет, на которых правительство и оппозиция использовали СМИ как средство для продвижения своих интересов [13]. К примеру, «Имеди» и «Мтавари Архи» — это не только коммерческое соперничество двух телеканалов, но и демонстрация стереотипов мышления, которые эти СМИ часто используют в своем взаимодействии с общественностью. В то же время очевидно, что риторика «Имеди» становится

все более жесткой не только в отношении «Мтавари Архи», но и в отношении любой критики в целом, которая не может иметь объективную основу.

Один из важнейших элементов предвыборной кампании в Грузии — убедить общественность в том, что результаты predeterminedены: либо правительство уже сфальсифицировало выборы, либо население уже вынесло приговор действующему правительству.

Особую роль в формировании такого отношения играют СМИ и стратегия, которую можно назвать медиасоциологией. Суть ее заключается в том, что тот или иной телеканал поручает той или иной социологической службе измерить уровень поддержки политических партий, а затем на основе полученных данных распространяет и устанавливает желаемый прогноз.

Этот процесс отличается от объективного освещения обычных социологических исследований тем, что зритель получает радикально иную картину из разных СМИ, поскольку социология медиа служит политическим и идеологическим задачам одних и тех же СМИ, а не отражает реальную ситуацию. Следовательно, в политизированной медиасреде, такой как сейчас в Грузии, у каждого канала есть не только свои зрители, но и собственная «доверенная» социологическая служба, на основе которой он пытается популяризировать желаемый прогноз [14].

Предвыборная кампания 2020 года не стала исключением. Только в сентябре крупные телеканалы представили общественности результаты четырех опросов общественного мнения, которые предлагают избирателям совершенно разные прогнозы. В частности, опросы проводились организациями IPSOS (Заказчик — «Мтавари Архи») [15], Gorbi / GORBI («Имеди») [16], Edison Research («Формула») [17] и Survation («Рустави-2») [18].

Проанализировав результаты, становится очевидным, что между ними есть разница в рейтинге правящей команды — «Грузинской мечты». В частности, если партия убедительно ведет согласно GORBI и Survation, у нее будет гораздо меньше поддержки, согласно Edison Research и, в частности, IPSOS. Напротив, эти опросы показывали более высокую поддержку «Объединенного национального движения» и связанных с ним партий.

Это еще раз доказывает, что цифры, отраженные в опросах, обычно прямо или косвенно зеркальны отношениям отдельных СМИ к той или иной политической группе. Такая явка в предвыборный период напоминает о том, что и оппозиция, и правящая команда придают большое значение созданию настроения перед принципиальными выборами. С другой стороны, очевидно, что даже в условиях политизированной медиасоциологии «Грузинская мечта» остается самой популярной политической силой. Это подтверждали результаты другого опроса, опубликованного в отчетном периоде, а именно от 14 сентября. Опрос, проведенный Национальным демократическим институтом (NDI), не проводился по заказу какого-либо средства массовой информации, но он имел довольно высокое общее количество сторонников оппозиционных групп [19].

При этом грузинские СМИ создали «виртуальную реальность» не только путем преувеличения фактов, цифр и событий, которые были нужны, но и путем сокрытия нежелательных обстоятельств. Например, все это время на экранах телевизоров можно было наблюдать только тех представителей неправительственного сектора, которые находятся в оппозиции к власти. При этом оппозиционные СМИ полностью проигнорировали параллельный подсчет, проведенный тем же неправительственным сектором и, в частности, ISFED [20] резуль-

таты которого были очень близки к официальным данным ЦИК.

Зрители оппозиционных каналов практически ничего не узнали об оценке выборов международными организациями и наблюдателями или, в лучшем случае, слышали только критические замечания, когда, например, по оценке ОБСЕ выборы прошли в конкурентной и свободной среде [21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История существования авторитетных грузинских телеканалов доказывает, что эти СМИ явно обслуживали группы с разными политическими интересами или даже были созданы с целью использования в качестве политического инструмента. Общественное доверие и общественное мнение о популярных телеканалах основывались на этих субъективных или объективных обстоятельствах. Естественно, политическая поляризация общества — это не только грузинская проблема. Более того, как показывают различные исследования, эта проблема особенно остро стоит для традиционных либерально-демократических государств. Однако в государствах с низким социальным капиталом политическая фрагментация может стать непреодолимой проблемой и может нанести необратимый ущерб демократии. Хотя плюрализм СМИ является важной характеристикой демократии, поляризация медиа, если ее игнорировать слишком долго, может спровоцировать крайнюю конфронтацию между социальными группами.

Медийная среда Грузии стала более поляризованной и все больше ассоциировалась с политическими партиями в 2020 году. Это было особенно очевидно в период выборов, когда партийная ориентация препятствовала созданию открытой информационной среды в стране и отрицательно сказывалась на способности избирателей

делать осознанный выбор. Роль СМИ в Грузии находится под большим вопросом, они служат интересам определенной элиты и усиливают раскол и нестабильность в стране. В этих условиях средствам массовой информации будет трудно способство-

вать демократии и процветанию в стране, что продемонстрировали президентские и парламентские выборы последних лет, на которых правительство и оппозиция использовали медиа как средство для продвижение своих интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Newman N., Richard F., Antonis K., Rasmus N. Reuters Institute Digital News Report 2019. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism. 2019;2:156.
2. Petrova M. Mass media and special interest groups. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2012;84(1):17-38.
3. Mosashvili G. Media ethics and political election. Tbilisi: Georgian National University; 2018. 57 p. DOI:10.6084/m9.figshare.9121970.
4. Robakidze N. Political Polarization and Media: Threats to the Democratic Process in Georgia. *Georgian Institute of Politics*. 2019;19:5-10.
5. Kuprashvili N. Polarization as a Threat for Democracy Analysis of the Media System of Georgia. *ATINER's Conference Paper Series*. 2019:4-16.
6. Sulaiman A.O. Fake News as Aberration in Journalism Practice: Examining Truth and Facts as Basis of Fourth Estate of the Realm. *IntechOpen*. 2020. 18 p.
7. Сихарулидзе А. Медиа социология. 2020. *Mediacritic*. 11 октября 2020. URL: https://mediacritic.ge/blog/mediasotsiologia?fbclid=IwAR20UAvchh41OIs46qDkK7JaorVIJoJ-LB5DJt5DQISyA_heajDNK-t2KU (дата обращения: 05.09.2021).
8. Сихарулидзе А. Причастность СМИ к восстанию. 2020. *Mediacritic*. 14 ноября 2020. URL: <https://mediacritic.ge/blog/jankis-monatsile-media> (дата обращения: 05.09.2021).
9. Постановление Европейского суда по правам человека от 12 мая 2015 года по делу №73235/12 «Идентоба и другие против Грузии» 2017. 1 января 2018. URL: https://sledcom.ru/upload/site1/Obzor_naibolee_vazhnyh_postanovleniy_ESPCh_protiv_drugih_gosudarstv.pdf (дата обращения: 11.09.2021).
10. Mtavari Arkhi and Mikhail Saakashvili. 10 сентября 2021. URL: <https://mtavari.tv/search?q=%E1%83%9B%E1%83%98%E1%83%AE%E1%83%94%E1%83%98%E1%83%9A%20%E1%83%A1%E1%83%90%E1%83%90%E1%83%99%E1%83%90%E1%83%A8%E1%83%95%E1%83%98%E1%83%9A%E1%83%98> (дата обращения: 11.09.2021).
11. Freedom House. Georgia. Freedom in the world. 2021. 10 сентября 2021. URL: <https://freedomhouse.org/country/georgia/freedom-world/2021> (дата обращения: 11.09.2021).
12. Kavtaradze L. Media and polarization. 2019. *Mediachecker*. 6 марта 2019. URL: <https://www.mediachecker.ge/ka/mediagarem/article/67845-media-da-polarizacia> (дата обращения: 11.09.2021).
13. Media Environment in Georgia. Media Advocacy Coalition. 2020. 1 января 2021. URL: https://osgf.ge/wp-content/uploads/2021/01/Media-environment_English.pdf (дата обращения: 25.10.2021).
14. Technical election assessment mission: Georgia 2020 National parliamentary elections. International Republican Institute. 2020. 1 January 2021. URL: https://www.iri.org/sites/default/files/team_georgia_2021_v2.pdf (дата обращения: 25.10.2021).
15. IPSOS survey: 26.2% of respondents would vote for Georgian Dream and 17.8% for National Movement. 2020. *Interpressnews*. 19 October 2020. URL: <https://www.interpressnews.ge/en/article/109728-ipsos-survey-262-of->

- [respondents-would-vote-for-georgian-dream-and-178-for-national-movement/](#) (дата обращения: 07.10.2021).
16. GORBI survey: 46.8% of Georgians would vote for ruling party if local elections were held today. 2020. Agenda. 10 August 2021. URL: <https://agenda.ge/en/news/2021/2283> (дата обращения: 07.10.2021).
17. Edison Research: ruling party polling at 39%. 2020. Agenda. 17 July 2020. URL: <https://agenda.ge/en/news/2020/2271> (дата обращения: 07.10.2021).
18. Rustavi 2 commissioned election polls: Ruling party to receive 52% of votes. 2020. Agenda. 13 August 2020. URL: <https://agenda.ge/en/news/2020/2533> (дата обращения: 07.10.2021).
19. Georgia Election Watch 2020. National Democratic Institute. 31 October 2020. URL: https://www.ndi.org/sites/default/files/NDI%20Georgia%20-%20VEAT%20Statement%20Nov%20202020%20-%20ENG%20-%20FINAL%20%281%29_0.pdf (дата обращения: 07.10.2021).
20. Final Report of Monitoring of The 2020 Parliamentary Elections in Georgia. 2021. ISFED. 7 April 2021. URL: <https://www.isfed.ge/eng/angarishebi/2020-tslis-saparlamento-archevnebis-sabooloo-angarishi> (дата обращения: 07.10.2021).
21. Georgia, Parliamentary Elections, 31 October 2020: Statement of Preliminary Findings and Conclusions, OSCE/ODHIR. 1 November 2020. URL: <https://www.osce.org/odihr/elections/georgia/469005> (дата обращения: 07.10.2021).

REFERENCES

1. Newman N., Richard F., Antonis K., Rasmus N. Reuters Institute Digital News Report 2019. Oxford: *Reuters Institute for the Study of Journalism*. 2019;2:156.
2. Petrova M. Mass media and special interest groups. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2012;84(1):17-38.
3. Mosashvili G. Media ethics and political election. Tbilisi: Georgian National University; 2018. 57 p. DOI:10.6084/m9.figshare.9121970. (In Geor.).
4. Robakidze N. Political Polarization and Media: Threats to the Democratic Process in Georgia. *Georgian Institute of Politics*. 2019;19:5-10. (In Geor.).
5. Kuprashvili N. Polarization as a Threat for Democracy Analysis of the Media System of Georgia. *ATINER's Conference Paper Series*. 2019:4-16. (In Geor.).
6. Sulaiman A.O. Fake News as Aberration in Journalism Practice: Examining Truth and Facts as Basis of Fourth Estate of the Realm. *IntechOpen*. 2020. 18 p.
7. Sikharulidze A. Media sociology. 2020. *Mediacritic*. 11 October 2020. URL: https://mediacritic.ge/blog/mediasotsiologia?fbclid=IwAR20UAvchh41OIis46qDkK7JaorVI-JoJ-LB5DJt5DQIsyA_hcaJDNK-t2KU [Accessed: 05.09.2021] (In Geor.).
8. Sikharulidze A. Involvement of the media in the uprising. 2020. *Mediacritic*. 14 November 2020. URL: <https://mediacritic.ge/blog/jank-is-monatsile-media> [Accessed: 05.09.2021] (In Geor.).
9. Judgment of the European Court of Human Rights of May 12, 2015, in case №73235/12 «Identoba and others vs Georgia» 2017. 1 January 2018. URL: https://sledcom.ru/upload/site1/Obzor_naibolee_vazhnyh_postanovleniy_ES-PCh_protiv_drugih_gosudarstv.pdf [Accessed: 11.09.2021].
10. Mtavari Arkhi and Mikhail Saakashvili. 10 September 2021. URL: <https://mtavari.tv/search?q=%E1%83%9B%E1%83%98%E1%83%AE%E1%83%94%E1%83%98%E1%83%9A%20%E1%83%A1%E1%83%90%E1%83%90%E1%83%99%E1%83%90%E1%83%A8%E1%83>

- [%95%E1%83%98%E1%83%9A%E1%83%98](#) [Accessed: 10.09.2021] (In Geor.).
11. Freedom House. Georgia. freedom in the world. 2021. 10 September 2021. URL: <https://freedomhouse.org/country/georgia/freedom-world/2021> [Accessed: 11.09.2021].
 12. Kavtaradze L. Media and polarization. 2019. Mediachecker. 6 March 2019. URL: <https://www.mediachecker.ge/ka/mediagaremo/article/67845-media-da-polarizacia> [Accessed: 11.09.2021] (In Geor.).
 13. Media Environment in Georgia. Media Advocacy Coalition. 2020. 1 January 2021. URL: https://osgf.ge/wp-content/uploads/2021/01/Media-environment_English.pdf [Accessed: 25.10.2021].
 14. Technical election assessment mission: Georgia 2020 National parliamentary elections. International Republican Institute. 2020. 1 January 2021. URL: https://www.iri.org/sites/default/files/team_georgia_2021_v2.pdf [Accessed: 25.10.2021].
 15. IPSOS survey: 26.2% of respondents would vote for Georgian Dream and 17.8% for National Movement. 2020. Interpressnews. 19 October 2020. URL: <https://www.interpressnews.ge/en/article/109728-ipsos-survey-262-of-respondents-would-vote-for-georgian-dream-and-178-for-national-movement/> [Accessed: 07.10.2021].
 16. GORBI survey: 46.8% of Georgians would vote for ruling party if local elections were held today. 2020. Agenda. 10 August 2021. URL: <https://agenda.ge/en/news/2021/2283> [Accessed: 07.10.2021].
 17. Edison Research: ruling party polling at 39%. 2020. Agenda. 17 July 2020. URL: <https://agenda.ge/en/news/2020/2271> [Accessed: 07.10.2021].
 18. Rustavi 2 commissioned election polls: Ruling party to receive 52% of votes. 2020. Agenda. 13 August 2020. URL: <https://agenda.ge/en/news/2020/2533> [Accessed: 07.10.2021].
 19. Georgia Election Watch 2020. National Democratic Institute. 31 October 2020. URL: https://www.ndi.org/sites/default/files/NDI%20Georgia%20-%20VEAT%20Statement%20Nov%202%202020%20-%20ENG%20-%20FINAL%20%281%29_0.pdf [Accessed: 07.10.2021].
 20. Final Report of Monitoring of The 2020 Parliamentary Elections in Georgia. 2021. ISFED. 7 April 2021. URL: <https://www.isfed.ge/eng/angarishebi/2020-tslis-saparlamento-archevnebis-saboloo-angarishi> [Accessed: 07.10.2021].
 21. Georgia, Parliamentary Elections, 31 October 2020: Statement of Preliminary Findings and Conclusions, OSCE/ODHIR. 1 November 2020. URL: <https://www.osce.org/odihr/elections/georgia/469005> [Accessed: 07.10.2021].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Димитри Абазов, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; dimitriabazov@gmail.com

Нино Скворцова, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; nino.skvortsova@gmail.com

Dimitri Abazov, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198;

dimitriabazov@gmail.com

Nino Skvortsova, Ph.D. in Political Science, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198;

nino.skvortsova@gmail.com

Политика Китая в Центральной Азии (90-е годы XX века–начало XXI века)

Елена А. Маркова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,

abellen@yandex.ru

Аннотация: рассматривается эволюция политики Китая в отношении стран Центральной Азии, которые появились после распада СССР. Основными инструментами китайской политики в этой части постсоветского пространства выступали торгово-экономические отношения. В течение короткого времени, Китай сумел значительно нарастить объемы торгово-экономического сотрудничества с каждым из стран региона. Отличительной особенностью политики Китая в Центральной Азии стало развитие отношений с каждым из государств региона на двусторонней основе. Китайская сторона активно использовала такие механизмы сотрудничества, как предоставление кредитов и реализацию инфраструктурных проектов. В свою очередь, страны региона были заинтересованы в расширении сотрудничества с Китаем. Это позволило им поддержать национальные экономики, которые столкнулись с серьезными трудностями после распада Советского Союза. В статье выделены особенности развития отношений Китая с каждым из государств, подведены итоги их взаимодействия в 90-х годах прошлого века и выделены подходы к развитию сотрудничества на двусторонней основе в первом десятилетии XXI века. Важной составляющей китайской политики в регионе в начале нынешнего столетия стали выступать углеводородные ресурсы и маршруты их доставки

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, торговля, кредиты, углеводородные ресурсы

Для цитирования: Маркова Е.А. Политика Китая в Центральной Азии (90-е годы XX века–начало XXI века). *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(1):121–129. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-121-129>

Статья поступила 15.01.2022

Принята в печать 19.02.2022

Опубликована 30.03.2022

China's Policy in Central Asia (the 1990s–Early XXI Century)

Elena A. Markova

Peoples' Friendship University, Moscow, Russia,

abellen@yandex.ru

Abstract: The article considers the evolution of Chinese policy for the countries of Central Asia, which emerged after the collapse of the USSR. The key tools of Chinese policy in this part of the post-Soviet space were trade and economic relations. Within a short time, China has managed to significantly increase the scope of trade and economic cooperation with each country in the region. A hallmark of China's policy in Central Asia has been its evolving relations with each state in the region on a bilateral basis. The Chinese side made heavy use of such cooperation mechanisms as credit granting and infrastructure project implementing. In turn, the countries of the region were interested in expanding cooperation with China. This allowed them to support the national economies, which faced serious difficulties after the collapse of the Soviet Union. The article highlights the specificities in developing China's relationship with each of the states, sums up the results of their interaction in the 1990s, and outlines approaches to the development of cooperation on a bilateral basis in the first decade of the 21st century. In the early part of the century, hydrocarbon resources and their delivery routes were integral to Chinese policy in the region.

Keywords: China, Central Asia, trade, loans, hydrocarbon resources

For citation: Markova E.A. China's policy in Central Asia (the 1990s–early XXI century). *Post-Soviet Issues*. 2022;9(1):121–129. DOI:<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-121-129>

Received 15.01.2022

Revised 19.02.2022

Published 30.03.2022

ВВЕДЕНИЕ

Первые шаги по развитию сотрудничества со странами Центральной Азии, а в период СССР бывшими республиками, берут свое начало в конце 1980-х годов. В тот период времени Китай заключил с бывшими советскими республиками соглашения о развитии экономического, научно-технического и культурного сотрудничества.

Распад СССР коренным образом изменил политику Китая в отношении новых независимых государств, которые были образованы в регионе Центральной Азии. Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан и Таджикистан стали полноправными субъектами международных отношений.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

После распада СССР перед Китаем открылись не только новые возможности,

но и возникли новые вызовы и угрозы, перепределившие направления китайской политики в отношении региона. Центральная Азия стала рассматриваться в качестве района взаимного влияния и потенциального столкновения интересов внерегиональных государств, политических концепций, религиозных течений. Создание благоприятных условий для распространения фундаментализма могло отрицательно сказаться на стабильности в западных районах Китая. Перед Пекином весьма остро стояла задача изоляции Синьцзяна от влияния идей независимости, фундаментализма, сепаратизма. Одним из путей снижения влияния данных факторов служило укрепление границ с центральноазиатскими государствами.

В первой половине 1990-х годов в силу экономической и политической слабо-

сти страны Центральной Азии выступали как объект торгово-экономической экспансии Китая [1]. Неконтролируемое развитие торговых отношений привело к тому, что Китай активно осваивал сырьевые, минеральные и людские ресурсы стран Центральной Азии. Этому способствовала слабость государственных структур стран региона, которые практически утратили контроль над внешней торговлей. В этот период времени произошло увеличение влияния Китая при сокращении роли других стран.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Во второй половине 1990-х годов политика Китая в отношении стран Центральной Азии претерпела изменения. Пекин сосредоточил усилия на дальнейшем развитии экономических отношений центральноазиатскими соседями, которые были слабо интегрированы между собой [2]. Подобные изменения в политике были вызваны усиливающимся соперничеством за углеводородные ресурсы Каспийского региона [3] и путями их доставки на внешние рынки, сохранении политической нестабильности в ряде стран региона, усилении влияния фундаменталистов, продолжающейся войны в Афганистане. Повышенную активность к региону проявляли США [4].

Экономическая мощь, накопленная к концу 1990-х годов на фоне снижения влияния России, позволили Китаю претендовать на лидерство в обеспечении региональной безопасности. Пекин рассматривал вопросы безопасности в качестве инструмента продвижения своих интересов и расширения влияния на страны Центральной Азии. Исходя из этих соображений, Китай принял активное участие в создании «Шанхайской пятерки», которая в конце 1990-х годов трансформировалась в «Шанхайский форум».

События сентября 2001 года и последовавшие изменения в регионе привели к корректировке политики Китая. Активизация его политики в отношении стран Центральной Азии в начале 2000-х годов была вызвана растущими потребностями китайской экономики в углеводородных ресурсах [5]. При этом Китай выстраивал тесные отношения в сфере энергетики со всеми странами Центральной Азии.

Одновременно Китай проявлял повышенный интерес к ШОС. Создание организации рассматривалась китайской стороной в качестве одного из приоритетов внешней политики. КНР, наряду с военно-политическими методами стремится решать проблемы безопасности через экономические механизмы. Изначально Китай придавал большое значение экономическому сотрудничеству в рамках ШОС, считая, что таким образом можно решить проблемы, связанные с региональной безопасностью [6]. Соответственно, реализация программ многостороннего торгово-экономического сотрудничества стран ШОС рассматривалась и рассматривается Китаем как приоритетное направление внешней политики. Отражением данного подхода стало подписание Китаем и странами Центральной Азии различных соглашений в области торговли, промышленности, строительства. Были достигнуты договоренности о строительстве нефтепроводов и газопроводов. Этому способствовала возросшая потребность в энергоносителях китайской экономики, что активизировало внешнюю политику Китая в энергетической сфере. Начав на первом этапе с Казахстана, к 2006 году Китай начал развивать активное энергетическое сотрудничество с Узбекистаном и Туркменистаном [7]. Одновременно повышенный интерес был проявлен к водно-энергетическим ресурсам Киргизии и Таджикистана [8].

Отличительной чертой первой половины первого десятилетия XXI века стал рост объемов торговли Китая со странами Центральной Азии. Наблюдалось вхождение и доминирование китайского капитала в совместных предприятиях. Экономические позиции, созданные Китаем в последнее десятилетие в странах Центральной Азии, прежде всего, в Казахстане и Киргизии, позволяли Пекину все увереннее расширять свое присутствие в данном регионе.

Растущий интерес Китая к Центральной Азии определялся усиливающейся ролью данного региона в мировой политике и экономике. Соответственно, Китай сконцентрировал внимание на угрозах, которые исходили из Центральной Азии и могли затрагивать вопросы его безопасности. Китай рассматривал региональную стабильность как необходимое условие для развития долгосрочных политических и экономических отношений со странами Центральной Азии. Исходя из этого, Китай был заинтересован в решении, в том числе и в рамках ШОС, ряда ключевых моментов. Среди них: обеспечение безопасности границ, борьба с сепаратизмом и терроризмом. Данные задачи выступали и выступают в качестве основных факторов, определяющих характер и динамику развития сотрудничества со странами Центральной Азии. Не случайно, в тот период Пекин добился принятия в рамках ШОС на многостороннем и двустороннем уровне различных документов, направленных против сепаратизма.

В целом, ШОС занимает важное место во внешней политике Китая. В рамках ШОС китайская сторона активно использует два важных элемента — безопасность и экономику. Хотя вопросы безопасности, в том числе и через механизмы ШОС, остаются приоритетом Китая, который заинтересован в том, чтобы страны региона не попали под влияние или контроль государств,

которые могли проводить по отношению к нему недружественную политику. Предотвращение формирования в Центральной Азии каких-либо политических и тем более, военных союзов или организаций, направленных против Китая, стало одной из приоритетных задач китайской политики.

Китай был вынужден учитывать появление американских военных баз в Центральной Азии. Их размещение изменило геополитическую ситуацию в регионе. В Пекине существовали опасения, что в случае обострения китайско-американских отношений страны Центральной Азии могли превратиться в плацдарм для нанесения ударов по Китаю. В этом контексте, ШОС представлял для Китая инструмент, через который китайская сторона стремилась сформировать многосторонний механизм региональной безопасности [9]. С учетом возрастающей роли углеводородных ресурсов для китайской экономики перед Пекином стояла задача обеспечить гарантированный к ним доступ. В этом вопросе интересы Китая расходились с политикой России и западных стран, заинтересованных в использовании углеводородных ресурсов стран Центральной Азии в реализации собственных трубопроводных проектов.

Китай проводил активную политику в рамках ШОС. Она была направлена на вытеснение России из сферы военно-технического сотрудничества, а также на экономическую переориентацию стран Центральной Азии на Китай. В 2005 году на заседании совета глав правительств стран—участниц ШОС Китай заявил о собственной политике в Центральной Азии. Было сделано заявление о готовности предоставить странам, входящим в эту организацию, подразумеваемая страны Центральной Азии, кредит в 900 млн долл. под 2 % годовых на 20 лет. За подобным предложением четко обозначились геополитические притязания Китая,

его готовность вступить в конкуренцию с Россией за Центральную Азию.

Россия не поддержала предложение Китая, что, впрочем, не изменило устремлений китайского руководства. Пекин лишь сместил акценты, сделав упор на развитие двусторонних экономических отношений со странами Центральной Азии. Основное внимание Китай стал уделять таким сферам, как энергетика и транспорт.

Приоритетным направлением в реализации Китаем своей внешней политики оставалась проблема региональной безопасности. Начиная с 2006 года, Китай активно развивал сотрудничество в данной сфере. В 2006-2007 годах Китай принял участие в антитеррористических учениях в Узбекистане, Казахстане, Таджикистане. Со всеми странами региона Китай подписал соглашение о борьбе против экстремизма, терроризма и сепаратизма, одновременно выразив готовность принять участие в перевооружении армий стран Центральной Азии.

Инструментом китайской политики в Центральной Азии стали выступать транспортные проекты, которым в Пекине уделяют повышенное внимание. Это связано с реализацией замыслов по доставке углеводородного сырья из стран региона, а также с планами по расширению торгово-экономических отношений. Реализация данных задач была возможна только при наличии развитой инфраструктуры. Примером одного из масштабных проектов стало строительство железной дороги Андижан (Узбекистан) — Кара-су — Торугарт (киргизско-китайская граница) — Кашгар. Ее строительство началось в 2005 году. В 2006 году Китай выделил на эти цели 1,2 млрд долл., в обмен потребовав для себя доступ к природным ресурсам. В 2009 году маршрут китайско-киргизско-узбекской магистральной стоимостью в 2 млрд долл. протяженностью 270 км был согласован.

ДУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Китай был заинтересован в укреплении многостороннего формата сотрудничества со странами Центральной Азии в рамках ШОС. Одновременно он создавал двусторонние отношения с государствами региона. Так, Китай усилил внимание к Казахстану. Отношения с этим государством были подкреплены рядом двусторонних соглашений, в которых казахстанско-китайские отношения объявлялись приоритетным направлением внешней политики двух государств.

На фоне развития договорной базы, провозглашавшей взаимовыгодный характер сотрудничества двух стран, Китай укреплял свои позиции в экономике Казахстана. Китайская политика акцентировала свое внимание на транспортных проектах. Новый импульс получило торгово-экономическое сотрудничество. Наряду с этим, Китай сделал акцент на усилении своего присутствия в казахстанском нефтегазовом секторе. В 2005–2010 годах Китай осуществил экспансию в нефтегазовую отрасль Казахстана, значительно увеличив свою долю в нефтяных компаниях.

Ключевым направлением китайской политики в Казахстане выступали проекты в сфере добычи урана. Интерес к казахстанским урановым месторождениям определялся потребностями Китая. Принятая в 2006 году программа развития атомной энергетики Китая на 2007–2020 года предусматривает строительство новых атомных электростанций.

Новой чертой отношений Китая с Казахстаном стало расширение не только географии проникновения китайского капитала, но и сфер его приложения. Китай был заинтересован в стабильных поставках металлургической продукции из Казахстана. Тенденцией последних лет стало приобретение Китаем активов в горнорудной

промышленности. В итоге, все металлургические казахстанские предприятия имели тесные контакты с Китаем, который забирал большую часть выпускаемой ими продукции.

При сотрудничестве с Казахстаном Китай активно использует практику выделения кредитов под конкретные экономические проекты. Кредиты имеют целевой характер и предоставляются на приобретение сырьевых активов или в секторах, связанных с высокими технологиями Казахстана.

Отношения Китая с Узбекистаном стали активно развиваться после событий в Андижане в 2005 году. В ходе состоявшегося в мае того же года визита президента Узбекистана в Китай был подписан «Договор о партнерских отношениях, дружбе и сотрудничестве между Республикой и Китайской народной республикой», а также ряд соглашений, которые открывали дорогу китайским инвестициям в разработку узбекских месторождений, позволяли расширять торгово-экономическое сотрудничество, проводить совместную борьбу против терроризма, экстремизма и сепаратизма, как на двустороннем уровне, так и в рамках ШОС. Всего было подписано 20 соглашений на сумму в 1,5 млрд долл.

В последующие годы Китай подписал ряд долгосрочных соглашений на разработку нефтегазовых месторождений. С его стороны были предоставлены льготные кредиты. В 2007 году Узбекистан и Китай подписали соглашение о строительстве газопровода «Средняя Азия — Китай». Данный проект рассматривался китайской стороной как элемент новой трубопроводной инфраструктуры, соединяющей территорию Китая с регионом Центральной Азии. Наряду с проведением геологоразведочных работ, Китай принял активное участие в переговорах о возможном создании в Узбекистане производства по выпуску

станков и труб для нефтегазовой промышленности.

Отражением возросшего влияния Китая в Узбекистане служили показатели китайских поставок в эту центральноазиатскую страну. В 2002–2007 годах экспорт китайских товаров в Узбекистан возрос в 5,5 раза — со 164 млн долл. до 900 млн долл. Товарооборот вырос в 7 раз — до 1,6 млрд долл.

Политика Китая в отношении Узбекистана заключалась в расширении сотрудничества в области добычи полезных ископаемых, транспортировке узбекского газа, торгово-экономической деятельности, в том числе, и за счет долгосрочных льготных кредитов. В области региональной безопасности Китай был заинтересован развивать сотрудничество с правоохранительными органами Узбекистана.

Интерес Китая вызывают энергетические и транспортные возможности Таджикистана. Отношения с этой страной активизировались в 2004 году. В 2005–2006 годах между Китаем и Таджикистаном были подписаны соглашения об участии Китая в строительстве автомагистрали, связывающей Душанбе с Худжандом — центром северной провинции и с городом Чанак на границе с Узбекистаном, а также о строительстве линии электропередач. Вести строительство должны были китайские компании, а средства выделялись Китаем в виде долгосрочных кредитов Таджикистану.

Внимание Китая привлекали объекты гидроэнергетики Таджикистана. Интерес Пекина к этой сфере экономики объяснялся потребностями западных областей Китая в дополнительных объемах электроэнергии. Китай проявляет интерес к модернизации Нурекской ГЭС, реконструкции Голвной ГЭС, реабилитации Душанбинской ТЭЦ, строительству каскада малых ГЭС на Зеравшане. В 2009 году Китай и Таджи-

кистан достигли договоренности о строительстве ГЭС Нурабад-1, ТЭЦ в Душанбе, с объемом китайских инвестиций около 1 млрд долл.

В Таджикистане Китай не ограничивается энергетическими и транспортными проектами. Китайский капитал стремился проникнуть в легкую и алюминиевую промышленность, золотоносные месторождения на севере Таджикистана.

Китай выступал для Таджикистана главным кредитором. Объем средств, которые вкладывал Китай, превышал объем средств, выделяемых международными финансовыми организациями и другими странами. В итоге, Таджикистан оказался в финансовой зависимости от Китая. За период 2005–2008 годов объем товарооборота между странами вырос в 10 раз, достигнув 1,5 млрд долл. При этом рост произошел за счет увеличения поставок китайского импорта, который представлен товарами потребления и продовольствием.

Большое внимание Китай уделял Киргизии. Китай был заинтересован в реализации в Киргизии проектов в сфере гидроэнергетики и создания транспортной инфраструктуры. Она была нужна Пекину для продвижения своих интересов в регионе.

В целом, политика Китая в отношении Киргизии заключалась в том, чтобы превратить территорию этой страны в перевалочную базу китайской торговли в Центральной Азии. За период 2005–2008 годов импорт китайских товаров в Киргизию вырос в 11 раз, достигнув 1 млрд долл.

Отношения Китая с Туркменистаном активно развивались в сфере энергетики. В ходе визита туркменского президента в апреле 2006 года в Пекин были подписаны соглашения о поставках туркменского газа в Китай, достигнута договоренность о строительстве магистрального газопровода Туркменистан — Китай мощностью 30

млрд м³ газа в год. В 2009 году газопровод был запущен.

Энергетическая сфера определяла развитие двусторонних торгово-экономических отношений Китая с Туркменистаном. Так, энергоносители составляют около 80 % поставок из Туркменистана. Также как и с другими странами Центральной Азии, Китай выступает за углубление сотрудничества с Туркменистаном в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика Китая в Центральной Азии базировалась на решении вопросов региональной безопасности и одновременно, была направлена на продвижение экономических интересов. С этой целью Китай наращивал объем товарооборота и увеличил свою долю в энергетическом секторе стран Центральной Азии. Данная политика отражала возросшие потребности Китая в дополнительных объемах нефти и газа.

В целом, китайская политика была направлена на превращение Центральной Азии в сырьевой придаток китайской экономики. Реализацию данной задачи Китаю облегчала внешняя политика стран региона, которые стремились снизить зависимость от России и проводить самостоятельный курс [10].

Отличительной чертой политики Китая в Центральной Азии являлось предоставление кредитов, которые шли на поддержку китайского импорта. Подобный подход к завоеванию рынков стран Центральной Азии улучшило восприятие Китая среди населения стран региона. В тоже время, китайская политика лишала страны Центральной Азии альтернативности при выборе поставщиков товаров, делая китайские практически безальтернативными.

Китай стремился использовать ШОС для укрепления своего влияния в странах

Центральной Азии. Эта заинтересованность возросла после начала антитеррористической операции США в Афганистане. Китай был заинтересован использовать ШОС в продвижении своих экономических интересов и реализации геополитических амбиций. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, ШОС не превратилась в инструмент

внешней политики Китая. Тем не менее, ШОС был нужен Китаю для сохранения контроля над странами Центральной Азии, которые рассматривались в качестве стратегического тыла Пекина. В этом контексте Китай стремился задействовать экономические методы, которые дополняли решение вопросов региональной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Zhiltsov S.S. Political Processes in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;17(1):21-29
2. Алшанов Р.А. Экономика Центральной Азии: перспективы взаимодействия. В: Центральная Азия в условиях геополитической трансформации и мирового экономического кризиса: материалы VII ежегодной Алматинской конференции (г. Алматы, 9 июня 2009 г.). Отв. ред. Б.К. Султанов. Алматы: КИСИ при Президенте РК; 2009. С. 108-136.
3. Жильцов С.С. Трубопроводная игра в Каспийском регионе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2015;1(3):96-115.
4. Жильцов С.С., Зонн И.С. Стратегия США в Каспийском регионе. Москва: Эдель-М; 2003. 200 с.
5. Zhiltsov S.S. The Great Oil and Gas Road: First Results and Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2015;16(3-4):63-73.
6. Чэньсин В. ШОС: стабилизатор региональной безопасности в евразийском пространстве. В: Интеграционные процессы в евразийском пространстве и современный мир: материалы международной научно-практической конференции (г. Алматы, 14 ноября 2012 г.). Отв. ред. Б.К. Султанов. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК; 2013. С. 211-215.
7. Zhiltsov S.S. Energy Flows in Central Asia and the Caspian Region: New Opportunities and New Challenges. *Central Asia and the Caucasus*. 2014;15(4):69-79.
8. Zhiltsov S.S., Parkhomchik L.A., Slisovskiy D.S., Medvedev N.P. Central Asia Today: a New Wave of Water and Energy Cooperation and Pipeline Architecture. *Central Asia and the Caucasus*. 2018;19(2):18-28
9. Каукуенов А.С. Влияние Китая на безопасность в Центральной Азии. Актуальные вопросы безопасности в Центральной Азии: материалы X ежегодной Алматинской конференции (г. Алматы, 6 июня 2012 г.). Отв. ред. Б.К. Султанов. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при президенте Республики Казахстан; 2012. С. 114-118.
10. Жильцов С.С. Революционные волны на постсоветском пространстве. *Центральная Азия и Кавказ*. 2005;6:7-13

REFERENCES:

1. Zhiltsov S.S. Political Processes in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;17(1):21-29
2. Alsharov R.A. Economy of Central Asia: Interaction. In: Central Asia in the Conditions of Geopolitical Transformation and International Economic Policy: Proceedings of the VII An-

- nual Almaty Conference (Almaty, June 9, 2009). Ed. B.K. Sultanov.: KISI under the President of the Republic of Kazakhstan; 2009, pp. 108-136. (In Russ.)
3. Zhiltsov S.S. Pipeline game in the Caspian region. *Post-Soviet Issues*. 2015;1(3):96-115. (In Russ.)
 4. Zhiltsov S.S., Zonn I.S. US strategy in the Caspian region. Moscow: Edel-M; 2003. 200 p. (In Russ.)
 5. Zhiltsov S.S. The Great Oil and Gas Road: First Results and Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2015;16(3-4):63-73.
 6. Chenxing W. SCO: stabilizer of regional security in the Eurasian space. In: Integration processes in the Eurasian space and the modern world: materials of the international scientific and practical conference (Almaty, November 14, 2012). Ed. B.K. Sultanov. Almaty: Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan; 2013. P. 211-215. (In Russ.)
 7. Zhiltsov S.S. Energy Flows in Central Asia and the Caspian Region: New Opportunities and New Challenges. *Central Asia and the Caucasus*. 2014;15(4):69-79
 8. Zhiltsov S.S., Parkhomchik L.A., Slisovskiy D.S., Medvedev N.P. Central Asia Today: a New Wave of Water and Energy Cooperation and Pipeline Architecture. *Central Asia and the Caucasus*. 2018;19(2):18-28
 9. Kaukenov A.S. China's influence on security in Central Asia. Actual Security Issues in Central Asia: Proceedings of the X Annual Almaty Conference (Almaty, June 6, 2012). Ed. B.K. Sultanov. Almaty: Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan; 2012. P. 114-118. (In Russ.)
 10. Zhiltsov S.S. Revolutionary Waves in the Post-Soviet Expanse. *Central Asia and the Caucasus*. 2005;6:7-13. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена А. Маркова, Кандидат филологических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;
abellen@yandex.ru

Elena A. Markova, Candidate of Philological sciences, Peoples' Friendship University, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia;
abellen@yandex.ru